

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Борис ГОЛЕНДЕР

караван истории

МЫ ТОЛЬКО НА МГНОВЕНИЕ ПРИКАСАЕМСЯ К ВЕЧНОСТИ...

Жили-были в Ташкенте три товарища... Собирали старинные монеты, эти маленькие своеобразные колесики времени, о которых один из героев бауэровского «Победного рубля» совершенно справедливо говорит: «Нумизматы лишь временные хранители этих маленьких колесиков времени. Мы только на мгновение прикасаемся к вечности». А бережное прикосновение к вечности, оказывается, дает свой очень осязаемый эффект. Разве не свидетельствует об этом все, о чем поведал в своих книгах мой старинный друг, замечательный писатель Анатолий Бауэр!

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

НОВЫЕ ИМЕНА

Вырви рифмы из сердца

* * *

Упорно не замечая, как давится слезами
бедняк,
как выполаскивается вздох из его телогрейки,
на линии сердца черта! И сквозит с неба мрак,
считая копейки.
Потихоньку выносят с черного хода мечты,
Не услышанные в нашу стужу,
как утешить мне, из неутех
выворачиваясь, как мех,
мягкой, розовой песней наружу?

Алексей ГВАРДИН

ПОЭЗИЯ

Седые, как ковыль, легенды

Стану я для тебя едой и твоей водою святой,
но всегда приходит не к той
одиночество.
И тебе одной только знать, как в слезах
проснувшись, искать
будешь ты меня и ласкать
пряность простыни.
И как пухом из крыльев снега горностаево лягут к
ногам
в день, когда уйду в облака
ранней осенью.

возвращение к читателю

Наталья БУРОВА

Ходить по земле не так просто...

Я думала раз, проходя через рожь:
Ходить по земле не так просто.
В большие минуты, когда устаешь,
Становятся длинными версты.
И, сидя потом на бревне до заката,
Себе говорила: «Чего тебе надо?»

проза

Георгий ПРЯХИН

АЛЬЦГЕЙМЕР

С Рейганом же свиделись в утилитарном особняке советского консульства где-то на окраине Фриско.

...Горбачевы ждали высокую чету в доме.

К воротам подкатил «линкольн» – как еще один, в металле уже увековеченный, президент. Правда, с государственным американским флажком на сногшибательном лбу. Из него прямо на ходу, как бы чуть-чуть выдрючиваясь перед русскими, выскочил единственный охранник и, когда лимузин окончательно остановился, тотчас распахнул дверь сперва перед президентом, а потом и перед евонной госпожой.

возвращение к читателю

Сухроб МУХАМЕДОВ

БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ

Рассказ

...О дне Победы мы узнали от Сергея Ивановича.

Мы со всей страстью гоняли по двору дырявый резиновый мяч, когда нас окликнул Сергей Иванович. Подбежали к нему, и наши рты невольно приоткрылись. Старик преобразился. Стал вдруг каким-то помолодевшим. Глаза блестят, щеки аккуратно выбриты, борода подстрижена, рубаха новая, сапоги начищены.

– Стало быть, мальцы, конец войне. Германец бумагу подписал. Сдался, проклятый. По всем статьям – на глаза Сергея Ивановича навернулись слезы – пришел, мои милые, победный день.

СОДЕРЖАНИЕ
ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Мухаммад Али. Творчества и вдохновения!.....30

ПРОЗА

Вера ВАВИЛОВА. Ветврач. Фрагмент из романа «Степан Джугла».5
Сухбат АФЛАТУНИ. Ташкентский голем. Рассказ.19
Мунира БАБАЯРОВА. Десять тысяч и один шаг. Рассказ.50
Николай ПОПОВ. Тайга. Рассказ.94
Александр МАХНЕВ. Глеб. Рассказ.103
Георгий ПРЯХИН. Альпгеймер. Эссе.111

ПОЭЗИЯ

Алексей ГВАРДИН. Седые, как ковыль, легенды.37
Николай ИЛЬИН. Так вот ты какой, Восток!.....83
Александр АРИСТОВ. И душа моя вдруг запела...121

НОВЫЕ ИМЕНА

Андрей КУЗНЕЦОВ. О смысле жизни.91
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Вырви рифмы из сердца.98

ПЕРЕВОДЫ

Зульфия КУРОЛБОЙ-КИЗИ. Достоинство. Рассказ. Перевод с узбекского Наргизы Ибрагимовой.43
Шайм БУТАЕВ. Хисомиддин аль Еги. Рассказ. Перевод с узбекского Лиры Пиржановой.76

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Ирина ГАЛУШЕНКО. Философия национального музыкального искусства (методологические основы).123
Татьяна ОСИНА. Современные хроники.132
Аслидин КАЛАНОВ. Творческие искания художника. 138
Диляра ИСЛЯМОВА. Творчество в контексте «Восток и Запад».140

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Сухроб МУХАМЕДОВ. Был месяц май. Рассказ.32
Наталья БУРОВА. Ходить по земле не так просто...66

КАРАВАН ИСТОРИИ

Борис ГОЛЕНДЕР. Мы только на мгновение прикасаемся к вечности... Эссе.25

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Кодиржон НОСИРОВ. Узбекские мотивы в стихах русского поэта.87
Рафаэль АХМЕДОВ. Новый взгляд на жанр антиутопии.107
Елена КАМИНСКАЯ. Интерпретация образов-символов в современной узбекской литературе.127
Садиржон ЯКУБОВ. Переводы узбекских произведений в Германии.136
Азиза БАЛТАБАЕВА. Нравственный выбор – жанрообразующий принцип повести.146

На 3-ей стр. обложки картины художника Ф. Ахмадалиева, на 4-ой сцена из спектакля «Завтра» (театр «ИЛЬХОМ»).

Звезда Востока

2020 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Reg. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунедкор, Адилбар
хлебони, здание

Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 1200 экз. Заказ № 14
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе объемом не более 50 страниц. Набор текста в любом формате с приложением электронной версии и распечатки. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Письменные заключения не даются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.
Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ВЕТВРАЧ***Вера ВАВИЛОВА**

Дмитрий свернул на безлюдную боковую улочку, где не проезжали по грунтовой дороге машины, не сновали солдаты, не встречались полицаи со свастикой на рукаве. Сплошные дощатые заборы плотно примыкали к массивным воротам, скрывая дома и палисадники. Осень окрасила багрянцем деревья. Клены и липы роняли свой золотой наряд на грязную мостовую. Могучие дубы, растущие у дороги, растеряли желуди. Куст сирени свесил над забором засохшие гроздья некогда ароматных весенних цветов.

Дмитрий неторопливо шагал в сторону городской управы, чтобы встретиться со старостой, объяснить сложившуюся обстановку. Говорят, он – мужик мозговитый, может, с медикаментами госпиталя поможет. «Госпиталь» – громкое название старых кошар, где немцы разместили раненых военнопленных, предоставив им возможность умирать от ран. Единственным врачом, который их лечил, был Дмитрий Калинин – молоденький лейтенант, ветеринарный военврач. Помогали ему на добровольных началах Тося, бойкая девушка лет восемнадцати, и дядя Миша, пожилой, но еще крепкий мужик, в прошлом – завхоз местной больницы, не имевшие никаких медицинских навыков, кроме огромного желания помочь нашим солдатам выжить.

Дмитрий сам пробивал себе дорогу в жизни. Вырос в многодетной семье. Сестра Дуся и четверо младших братьев рано остались без отца. Его, путевого обходчика, поездом зарезало. Все житейские тяготы легли на хрупкие Митькины плечи, старшего мужчины в семье. Надо было помогать матери ставить на ноги младших. Сызмальства у Митьки была тяга к животным – не мог равнодушно пройти мимо подбитого воробья или хромящей собаки. После окончания зоотехнического техникума подался он в Москву, перевелся на 3-ий курс Военно-ветеринарной академии. В мае 1941 года, после выпускного вечера в Колонном зале Кремля состоялся парад на Красной площади, который принимал с трибуны мавзолея сам Сталин. Молодые лейтенанты, совсем еще мальчишки, направлялись в действующую армию. Дмитрия война застала в Белоруссии, где он служил начальником ветеринарной службы артиллерийского полка. В боях под

* Фрагмент из романа «Степан Джугла».

Вера ВАВИЛОВА. Поэт, прозаик, публицист. Родилась на Урале в 1952 г. Окончила Куйбышевский медицинский институт и биологический факультет ТГПУ им. Низами. Член Союза писателей России. Номинант Российской национальной литературной премии «Писатель года» – 2015.

Вязьмой его часть попала в окружение. Немногим удалось вырваться из кольца. Пробирались к своим небольшими группами через брянские леса по ночам, питаясь ягодами и грибами-сыроежками. Немцы схватили их, обессиленных от голода, на окраине одной из деревень, на ночь закрыли в разбомбленной церквушке. Непрерывно моросил дождь, стонали раненые. Изможденные солдаты жались друг к другу, чтобы хоть как-то согреться. Рано утром их вновь погнали дальше. Местные жители бросали им еду, рискуя быть расстрелянными на месте. Длинной серой змеей растянулась колонна за околицей, медленно двигаясь по пыльной дороге. А вокруг зеленели луга, вдали голубел лес. Редкие кустарники да спокойная речушка, прорезавшая себе извилистый путь среди прибрежных камышей, дополняли пейзаж, достойный кисти Левитана. И, казалось, не было войны, не было этих измученных, оборванных людей в военной форме, пропитанной потом и кровью...

По колонне тихо пополз шепот: «За мостом – врассыпную». Эти слова пленные передавали друг другу, с тревогой глядя на небольшой деревянный мостик через речку, видневшийся вдали. Они понимали, что не все добегут до леса. Митя тоже побежал, раздумывать было некогда. Лишь одна мысль молотком стучала в висках: «Только бы успеть, только бы добежать!» И он бежал из последних сил, а за спиной свистели пули.

Ему повезло – он добежал. И снова лес, попытки пробраться к своим, перейдя линию фронта. В одной из деревень сердобольная старушка дала штатскую одежду своего сына, накормила, чем смогла. На окраине Дубнянска лейтенанта Калинина остановил немецкий патруль. От расстрела спасла именная печать, которую выдали каждому выпускнику Академии с четкой гравировкой: «Ветеринарный врач Калинин Дмитрий Леонидович». Других документов при нем не было. Немцы определили его лечить раненых в госпиталь для военнопленных, размешавшийся в старых кошарах на скотном дворе. Жил Митя в примыкавшем к кошарам сарайчике. В отличие от других пленных он мог свободно передвигаться по городу.

Митя с дядей Мишей соорудили шиты-лежаки, подстелив подгнившую солому. Тося, обежав дворы, набрала тряпья разного, нарезала бинты, добыла 3 флакона йода да кое-какие таблетки. Вместе с подружками она собирала лечебные травы, из них варили настои, отвары. Этим и поддерживали раненых. Калинин понимал, что этого недостаточно и раненые обречены. Как врач, он не мог допустить этого, вот и решил встретиться со старостой – может, он чем поможет...

* * *

– Добрый день, господин Джугла, – поздоровался молодой парень, комкая кепку в руке. В его невысокой коренастой фигуре четко просматривалась военная выправка. Гордо посаженная голова с чуть вздернутым подбородком, высокий выпуклый лоб, прямой правильный нос и рот с неуловимой усмешкой, прячущейся в уголках пухлых губ, говорили о целеустремленности натуры, о веселом нраве парня. Даже когда он говорил о серьезных вещах, казалось, что еще мгновение – и он улыбнется или залетится открытым добродушным смехом. Серые пытливые глаза смотрели решительно и строго, контрастируя с улыбочивым ртом, они были лишены даже намека на веселое настроение: в их глубине таились боль, переживание, тревога.

– Какой я тебе «господин»? – возмутился Джугла. – Или ты

к порядкам новой власти уже привык?

– Ну, предположим, «товариш» тоже к данному моменту не клеится, – гордо тряхнул темно-русой головой парень.

– Клеится, не клеится... Ты по какому делу пожаловал? Кто такой? – Джуглу стало раздражать поведение парня. На что он намекает? Пришел – так пусть говорит, а то начал тут теревени¹ разводить...

– Калинин Дмитрий Леонидович, ветврач. Сейчас нахожусь при госпитале военнопленных врачом, – по-военному отчеканил парень.

– Это что же? Пороссячий доктор, а людей лечишь? – смягчился Степан.

– Пришлось и людей лечить. Вот только лечить нечем. Пришел к вам за помощью, может, чего посоветуете?

– Да чего советовать-то? У немцев спрашивать – гиблое дело. У населения взять нечего – новая власть все вычистила. Постой-ка, есть у меня мыслишка одна. Ты город хорошо знаешь?

– Не совсем. Нездешний я.

– Найдешь перекресток улицы Зеленой и Горького. Там полуразрушенный одноэтажный дом, желтый такой. Это аптека бывшая. Под домом в подвале аптечный склад был. Может, чего осталось. А лошадь с телегой я тебе выделю. Давай, хлопец, на удачу. Только, если чего найдешь, сеном притруси. Немцы увидят – заберут. Я тебя у этого дома после обеда поджидать буду.

– Спасибо вам, товариш Джугла, – протянул крепкую руку Калинин.

– Ну-ну, ты осторожнее со словом «товариш» сейчас. Бывай, паря, до встречи, – улыбнулся в усы Джугла, пожимая протянутую руку. – А впредь Степаном Кузьмичом меня кликай.

Подвал, удачно замаскированный, оказался нетронутым. На стеллажах и полках стояли запечатанные коробки и ящики с медикаментами, большей частью просроченными, но это не так важно. Настоящий клад для госпиталя: теперь многих можно на ноги поднять. Дмитрий и Джугла аккуратно уложили коробки и ящики на телегу, накрыли мешковиной, припорошили соломой.

– Я тебя до околицы провожу, чтобы полицаи не докопались, а дальше сам поедешь. Кобылу с телегой у моего дома оставишь, а в управу больше не приходи. Если что, я сам тебя найду. Теперь знаю, где твой госпиталь находится.

В тот же вечер Джугла направил дочь к Яблонской с известием о военнопленных. Через несколько дней был получен приказ из Центра незамедлительно организовать переправку выздоравливающих небольшими группами в лес к партизанам. Вечером к Дмитрию постучался связной, который и передал приказ. Обсудили вместе детали переправки. Добытые Митей лекарства тщательно прятали в заброшенном колоде за сараями. Дело пошло на лад. Раны перестали гноиться, стали заживать. Митя готовил к переброске в лес уже вторую группу, первые четыре человека ушли неделю назад. Сейчас можно отправить еще пятерых. Обожженный танкист, артиллерист с осколочным ранением в плечо, трое пехотинцев с различными пулевыми ранениями уже окрепли, их раны затянулись. Ночью Митя должен вывести их к реке, а там будет ждать связной. Вброд перейдут реку – и в лес. Митя заканчивал переправку, когда в сарай влетела запыхавшаяся Тося.

¹ Теревені (укр.) – болтовня.

– Дмитрий Ле – ле – леонидович, – заикаясь, еле выговорила она. – Там немцы.

– Где? – вскочил Калинин.

– Сюда идут, – белыми, как полотно, губами произнесла девушка.

– Тося, быстро сюда носи мазь желтую, вонючую такую, что я готовил.

Тося метнулась за мазью. Митя срывал повязки у выздоравливающих.

– Потерпите, ребята. Так надо, – он намазывал раны мазью, от которой появлялась краснота, начинала сочиться кровь. Теперь они казались нагноившимися, незаживающими. Тося помогала бинтовать, прятать остатки медикаментов. Немцы ворвались, широко распахнув пинком дощатую дверь.

– Кто есть врач? – крикнул худощавый офицер с угрюмым лицом.

– Я врач, – сделал шаг вперед Калинин.

– Кто есть здоров? Нам нужна работать.

– Гер офицер, здоровых нет. Лечить нечем, – ответил Митя.

– Я сам смотреть больных, – оттолкнул Калинина немец.

– Всем встать, – скомандовал толстый фельдфебель с жирной, лоснящейся от пота физиономией. Раненые зашевелились, пытаются встать на ноги, помогая слабым. Угрюмый подходил, тыкал пальцем на выбор. Двое солдат срывали бинты, не обращая внимания на стоны раненых. Тося уткнулась лицом в плечо дяди Миши. Ее худенькие плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Дядя Миша тихонько поглаживал ее по голове шероховатой натруженной рукой, стараясь успокоить. В углу лежал тяжело раненый артиллерист. Он редко приходил в себя, часто бредил. «Хоть бы до него не дошли», – с тревогой подумал Митя. Но раненый вдруг закричал в бреду: «Огонь! Огонь! Снаряды! Снаряды давай!» Офицер подошел к нему, зажимая нос носовым платком и, ткнув в раненого тростью, отдал приказ солдатам. Те, схватив его, выволокли во двор. Митя кинулся наперерез, стараясь остановить их.

– Постойте! Куда вы его? Он же тяжелый! – но, получив удар прикладом в лицо, упал на землю. Во дворе прозвучала автоматная очередь. Вскрикнула Тося, закрыв руками лицо, опустилась на колени. Стихла немецкая речь. Дядя Миша и Митя выскочили во двор. На бугре, поросшем крапивой и бургьяном, раскинув руки, лежал расстрелянный солдат. Пятна крови обагрили зеленую траву, напитали землю. Лицо солдата было искажено судорогой, открытый рот будто продолжал отдавать команду стрелять по врагу. И мертвый он был в бою, был страшен в своем справедливом гневе. Похоронили его на окраине за кошарами у старого тополя. В эту же ночь Митя отправил в партизанский отряд новую группу выздоравливающих.

* * *

Степан вернулся домой раньше обычного. Он был чем-то встревожен. Таким его Настя давно не видела.

– Где Надежда? – спросил он, заглядывая в комнаты.

– В огороде возится. Степа, что случилось? – пытливо заглянула в глаза Настя.

– Ничего, милая, не тревожься, – обнял ее за плечи Степан. – Позовика Надю. Она мне очень нужна. Дочь вбежала в горницу, торопливо вытирая руки о фартук. Степан обнял ее за плечи, провел в спальню, усадил напротив.

– Вот что, Надежда, ты уже взрослый человек, – он пытливо заглянул дочери в глаза. – Ты должна выполнить одно поручение.

– Какое, папочка? – оживилась Надюха.

– Серьезное. Не хотел тебя втягивать в это, но вопрос неотложный. Надо врача в госпитале предупредить, что завтра к ним немцы с проверкой нагрянут. Он знает, что делать. Ты только скажи это и уходи. Знаешь, где старые кошары?

– Да знаю я, мне Тоська об этом госпитале рассказывала. Она там работает. Я ей бинты нарезать помогала, – оживилась Надя.

– Лукошко с яблоками возьми для раненых. И не задерживайся там, сразу домой.

– Хорошо! – крикнула на ходу Надя, выбегая во двор.

– Ох непоседа! – покачал головой отец, а у самого сердце забилось сильнее в тревоге за дочь.

– Степа, куда это она поскакала? – всплеснула руками мать.

– Да тут, недалече. Скоро возвратится, – успокоил жену Джугла.

Надя быстро шла по улице. Так хотелось мчаться во всю прыть, но отец наказывал не торопиться. Вот и кошары на краю города. Во дворе на веревках бинты стиранные развешиваются. Надя вошла в сумеречное помещение. В лицо пахло прелой соломой, спекшейся кровью, затхлостью. Ее чуть не сбила с ног Тося, торопясь на улицу с тазом грязной воды.

– Ой! Ты чего тут? – удивилась она.

– Мне доктор ваш нужен, – пояснила Надя.

– А зачем он тебе? – любопытствовала девушка.

– Я помочь хочу. Вот яблок раненым принесла.

– А – а – а, – протянула Тося. – Вон там, за ширмой, перевязку делает, – махнула она на пеструю занавеску, скрывающую угол сарая. На разговор вышел Калинин. Лучи света, проникающие в дверной проем, освещали тонкую фигурку девушки. Сквозь материю платья просвечивали стройные ноги. Волосы, обрамлявшие короткими прядями высокий, чуть выпуклый лоб, создавали сияние над головой, отражая солнечный свет. Казалось, нимфа явилась из сказки. От неожиданности Калинин замер, потеряв дар речи.

– Я к вам. Яблок вот принесла, – протянула корзинку Надя. Откровенно пылкий взгляд врача смутил девушку.

– Яблоки? Это хорошо, – вышел из оцепенения Дмитрий. – А ты кто такая, откуда?

– Я дочь Степана Кузьмича Джуглы. Меня Надеждой зовут.

– Не знал, что у Степана Кузьмича такая красавица дочь.

– Скажете тоже, – опустила голову Надя, застенчившись. – Мне вам важное надо сказать, – серьезно прошептала она.

– Идем сюда, здесь никто не услышит, – пригласил Калинин в соседнее помещение. В маленькой комнатке с узким оконцем, кроме железной солдатской кровати, шаткого дощатого стола и табурета, ничего не было. Надя присела на краешек табуретки.

– Завтра утром к вам немцы придут раненых смотреть, – тихо сказала она. – Отец передал, чтобы вы тяжелых спрятали, а то постреляют.

– Это ты молодец, что предупредила, – похвалил Калинин. – Смелая ты девушка, вся в отца.

Надя зарделась румянцем от похвалы. Врач ей понравился своим открытым улыбчивым лицом, мягким сердечным голосом, добрыми понимающими глазами.

– А вас как зовут? Вы здесь живете?

– Называй меня Митей и давай на «ты», ладно? – Надя согласно кивнула.

– А живу я при этом госпитале: раненым я постоянно нужен, да и нет у меня другого места жительства. Да, задачку жизнь задала. Есть у меня один тяжелораненый, а вот куда его деть – не знаю. Немцы завтра все тут перероят. Спрятать негде...

Надя наморщила лоб, напряженно о чем-то думая.

– Есть одно место, куда спрятать можно. У Эмки, моей одноклассницы. Они с матерью немки. У них офицеры часто бывают. Там искать не станут.

– А сами-то они как к этому отнесутся?

– А мы им ничего говорить не будем. Они даже не узнают.

– Пстой, пстой! Как это? Раненого прямо в пасть к фашистам? Что-то твой план слишком рискованный...

– У них на задах огорода сарайчик с сеном, «борожок» по-нашему. Там, на сеновале, раненого можно и спрятать. Немцы туда уж точно не сунутся. И хозяйка не пойдет за сеном – без надобности сейчас.

– Это ты здорово придумала, Надежда, – Калинин встал и крепко пожал руку девушке. От прикосновения его горячей ладони Надю бросило в жар.

– Вечером, как стемнеет, подвозите его к старой бане. А там огородами я вас к борожку выведу.

– Спасибо тебе, Наденька, – проникновенно сказал Митя, сжав в своих руках ее маленькие ладошки. Надя возвращалась домой, окрыленная своей причастностью к большому важному делу. Сердце ее пело. Казалось, вот сейчас она взлетит, как птица, высоко в небо, расправит руки-крылья и полетит над землей. Счастье переполняло душу. И не знала еще Надюха, что наперекор всем бедам, страшной войне расцветает в ее девичьем сердце любовь.

Ничего не сказав отцу, она, как только стемнело, тихонько вышла на улицу. Пробиралась к старой бане тихими улочками, стараясь быть незамеченной. Спряталась в кустах орешника у забора. Через некоторое время, показавшееся для Нади вечностью, появился силуэт мужчины, толкающего перед собой тележку с тяжелой поклажей. Надя узнала Дмитрия. Она вышла навстречу. В тележке лежал раненый. Ноги его волочились по пыльной дороге. Пробираясь огородами, они с трудом добрались до сарая. Уложив раненого на сено в углу, тщательно замаскировали, завалив проход старым хламом и соломой. Митя провожал девушку домой – одной опасно идти в такое время.

– Я буду его навешать, – сказала Надя.

– Закончится проверка, и мы его заберем. Я не хочу, чтобы ты рисковала из-за нас.

Они шли по темной ночной улице. Месяц серпом висел над головой, зацепившись острым краем за пушистые облака. Он, как челн, то выныривал, то вновь прятался в них. Стрекотали кузнечики. Вокруг тихо и безмятежно. Но Митя понимал, какую опасность таит в себе эта кажущаяся безмятежность. На стук выбежала мама.

– Ты где была? Мы с отцом извелись совсем. Ушла, ничего не сказала... Время какое позднее, – укоряла дочь Настасья. Надя не успела ответить, как на крыльце появился отец.

– Ты с кем это? Где была? – строго спросил он.

– Не ругайте ее, Степан Кузьмич. Она со мной была. Раненым в госпи-

тале помогала, – заступился Дмитрий.

– Не стойте на улице. Заходи во двор, коли пришел. Останешься у нас ночевать, а то, неровен час, на патруля нарвешься. А ты в дом иди, мне поговорить с Дмитрием надо.

Надя виновато шмыгнула в дом.

– Ты вот что, парень, девку в наши дела не втягивай. Одна она у меня. Если со мной чего случится – ладно. А вот если ее под пулю немецкую подставлю – не переживу.

– Понял, Степан Кузьмич. Постараюсь зря не рисковать, но время военное, всякое может быть.

– Не может быть всякого с ней, понял?! – схватил за грудки Джугла Калинина, глядя ему в глаза. И были в этом взгляде такая боль и тревога, что Митя опустил глаза, почувствовав себя виноватым.

* * *

Надежда терпеливо ждала своего жениха. Редкие весточки приходили из партизанского отряда, что любит, жив, здоров, воюет, бьет фашистскую гадину. Передавала весточки на словах Яблонская Мария Семеновна. Она держала постоянную связь с партизанами и руководила подпольем. Ценную информацию сообщал для них Джугла. Один раз на связь с партизанами отправили Надю. Она стояла у плакучей ивы, полошущей свои длинные зеленые косы в спокойной реке, и с надеждой думала, что на встречу придет Митя, ее любимый Митя. Но ее окликнул пожилой мужчина с бородой в рваной телогрейке. Он вовсе не был похож на боевого партизана – грозу оккупантов. Надя передала ему корзинку с картошкой, где была спрятана информация, и они быстро разошлись в разные стороны.

Осень рассыпала золото листьев по улицам, холодный ветер задувал, срывая пожелтевший наряд с деревьев, листья кружились в своем обреченном танце. Утренние заморозки подернули землю, подморозив грязные разъезженные дороги, инеем покрылась увядающая трава. Хмурилось небо, периодически выливая на грешную землю очередную порцию влаги. Дожди превратили дороги в грязное месиво. Дубнянск опустел, сиротливо косясь облупившимися домишками, возносясь черными сучковатыми ветвями деревьев к хмурому небу, будто в мольбе о помощи. Немцы, покидая город, оставили после себя руины и пожарища.

Ранним утром жителей разбудил рокот, доносившийся с окрестностей. Он усиливался, набирая мощь. Грозные танки Советской Армии, гремя гусеничными траками, победоносно вступали колонной по булыжной мостовой в город. Народ, впервые оживившись за долгое время оккупации, высыпал на улицы. Лица светились радостью, слезы счастья блестели на глазах. Девора ватагой бежала рядом, не обращая внимания на комья грязи, летевшие из-под гусениц. Девушки размахивали букетами осенних листьев. Солдаты на ходу спрыгивали с лафетов. К ним тянулись руки стариков и женщин. Каждый стремился прикоснуться, обнять своего родного, близкого в лице этого уставшего солдата-освободителя. Для матери он был ее сыном, воюющим где-то далеко, для женщины – мужем, ушедшим на фронт, для ребятни – папкой, черты которого стерлись из памяти. Слезы счастья стояли в глазах. За регулярными войсками в город вошел партизанский отряд.

В горнице Джуглы тесно. За столом друзья, соседи, солдаты и офицеры Советской Армии. Во главе стола – молодые. И пусть вместо фаты у невесты

обыкновенный тюль, вместо свадебного платья скромные кофточка с юбкой, а жених в простом костюме, но нет на свете влюбленных счастливее их.

Председатель Горсовета Лопухов торжественно вручил чете Калининых свидетельство о браке – небольшой листок белой бумаги, скрепленный круглой печатью. Поздравил молодых и командир партизанского отряда. За смелость в бою обещал представить Дмитрия к медали. Вот только не было среди гостей Яблонской Марии Семеновны: ее с тяжелым ранением отправили в госпиталь. Торопясь в отряд, она подорвалась на случайной мине за околицей города. Свадьба была в полном разгаре. Ничто не предвешало беды, которая затаилась рядом, выжидая, как бы укусить побольней...

К воротам дома подъехала машина, из которой вышли двое мужчин в форме НКВД. Протискиваясь сквозь толпу повеселевших гостей, они пошли к жениху.

– Калинин Дмитрий Леонидович?

– Да, – растерянно ответил Митя.

– Пройдемте с нами для выяснения некоторых деталей вашей биографии, – как гром среди ясного неба, прозвучал сухой беспристрастный голос. Замерла свадьба, стихли смех и говор – все молча наблюдали за происходящим.

– Митя! – рассек грозную тишину крик Нади. Она кинулась ему на грудь. – Не пушу! Куда вы его уводите?

Военные молча ее отстранили.

– Капитан, нельзя ли до завтра подождать? Ведь у них свадьба, взял под руку офицера Лопухов.

– У нас приказ, время военное, – последовал сухой ответ.

Клубы пыли затуманили «Эмку», увозящую Митю. Надя билась в горьких рыданиях.

– Ничего, все образуется. Он ни в чем не виноват, – утешал ее отец, но тревога черным вороньим крылом накрыла дом, застив солнце, сковав холодом душу.

* * *

Надя торопилась на почту, каждый раз надеясь получить какую-либо весточку о Мите, обычным маршрутом – вдоль высокого дошатого забора детской больницы, небольшого сельского магазинчика, бани. Дальше, за углом, – неказистое старое здание почты.

Запоздалая уральская весна медленно набирала силу. Подтаивали огромные сугробы лежалого снега на улицах, образуя бурные канавы и ручьи. Мальчишки радостно пускали кораблики на воду, воображая себя смелыми капитанами кораблей, борющимися с неистовыми потоками и сражающимися в неравном бою с мнимым врагом. Жители прокладывали мостки из досок, чтобы перебраться через бурный поток. Разлилась за селом речушка, подтапливая талыми водами прибрежные луга.

Вот уже и весна, а Надя ничего не знала о судьбе Мити. Их вынужденная разлука глубоко ранила сердце девушки. Отец запретил ей писать в Дубнянск из страха быть обнаруженным НКВД, но сидеть сложа руки Надя не могла: писала в штабы фронтов, редакции военных газет, в комендатуры и просто знакомым в надежде отыскать хоть какой-то след

Мити, однако все было безрезультатно. Долгими ночами Надя плакала в подушку, прижимая к себе фотографию мужа. Она верила, что они вновь встретятся, хотя даже не знала, жив ли он.

Надя поступила в Уфимский медицинский институт. Условия, в которых жили студенты, были нелегкими. Многие бросали учебу. Замерзая в общежитии у остывшей буржуйки, девушки укладывались спать по двое, укрывшись вторым матрацем. Не давал сосредоточиться и учить заданный материал маленький кусочек черного хлеба, смешанный с отрубями – суточный паек студента. Все мысли, как наваждение, крутились вокруг этого маленького кусочка, пока он не съедался. Чтобы почувствовать во рту какую-то пищу, студенты покупали мороженое – замороженную воду на сахарине. Аудитории не отапливались, чернила превращались в лед. Лишь в одном лекционном зале было тепло. Разомлевшие студенты засыпали прямо на лекции, и снились им сны из другой – светлой, сытой, довоенной жизни. Они улыбались во сне счастливой безмятежной улыбкой. Старенький профессор не будил их, продолжая читать лекцию в надежде, что хоть кто-нибудь ее услышит. Сильно донимали вши, с которыми не было сил бороться. Как-то у Нади украли варежки, которые связала мама. После занятий Надя обратилась к сокурсникам с пламенной речью:

– Как мы можем лечить людей, стать интеллигентами, если воруем у своего товарища?! У меня украли варежки. Не стану допытываться, кто это сделал. Каждый имеет право на ошибку, но, если есть совесть, верните варежки. – На следующий день она обнаружила их на своем столе.

Надя усиленно занималась, пытаясь отвлечься от грустных мыслей о Мите. Досрочно сдав сессию, она отправилась в село к родителям. Какое это блаженство лежать на теплой русской печи после хорошей бани с веничком и паром, укрывшись меховой дохой! Пахнет борщом и блинами. У печи суетится мама. Она, как всегда, встает рано и принимается за обед. Будет суетиться все утро, стараясь подкормить дочь. Из кадки в сенцах достанет сокровенный запас меда. Тягучий, янтарный, душистый мед тает во рту, чуть пошипывая язык. Обжигает губы горячий душистый чай. Хорошо! Так бы жить и жить, никуда не уезжая из родного дома...

Тетя Феня, двоюродная тетка мамы, встретила их, обогрела, приютила. Единственный сын Гриша погиб в первые дни войны. Осталась совсем одна. От тоски и горя чуть было не померла. Соседи выходили, поставили на ноги. Когда неожиданно приехали гости, тетя Феня очень обрадовалась. Степан крышу починил, дом, который давненько хозяйской руки не знал, в порядок привел. С Настасьей общий язык хозяйка нашла быстро. Долгими вечерами было о чем поговорить двум женщинам. Узнав историю Надиного замужества, тетя Феня сочувствовала, утирая набежавшие слезы, проклинала войну.

Наспех позавтракав, Надя вновь поспешила на почту. Отряхнув снег с валенок, она переступила порог и по улыбочивому лицу почтальона Нюси поняла, что сегодняшней день – особенный. Сердце сильнее застучало в груди. Надя не смогла сдержать волнение.

– Что? Что? Есть новости? – нервно сжимая в руке варежки, дрожащим голосом спросила она.

– Тебе письмо из редакции пришло, – протянула серый невзрачный конверт Нюся. Надя пыталась вскрыть конверт. Замерзшие руки не слушались, плотная бумага никак не хотела рваться, а сургучная печать намертво скрепила линию стыка.

– Давай я помогу, – сочувственно предложила Нюся, но конверт, наконец, открылся, и из него выпал кусочек фронтовой газеты и маленькая записка. На фотоснимке Надя узнала своего Митю. Его образ стал расплываться, ноги подкосились. Надю подхватили женщины, усадили на стул, привели в чувство. Успокоившись, она прочитала заметку и небольшую записку редактора о том, что бой был тяжелым, и неизвестно, кто в том бою выжил. Всех раненых эвакуировали в госпиталь города Серпухов. Надя снова и снова перечитывала скупые строки, вселявшие надежду. Запыхавшись, прибежала домой.

– Что случилось, доченька? – кинулась к ней встревоженная мать.

– Митя, Митя, – еле вымолвила Надя, и слезы хлынули из глаз.

– Что Митя? – подкосились ноги у Настасьи, и она рухнула на табурет в предчувствии страшного известия.

– Вот, – только и смогла вымолвить Надя, протягивая матери клочок газеты. – Митя живой!

– Что ж ты реवेशь, глупая? Он в госпитале, наверное, – прочитав заметку, успокоила дочь Настасья. – Надо отцу сказать. Тетя Феня, кликни его. Он в сараюшке возится.

– Я к нему поеду, – решительно сказала Надя.

– погоди, не торопись. Поглядим, чего отец скажет. Куда ты поедешь? Надо вначале узнать, там ли он. Может, его дальше в тыл эвакуировали, так бывает.

О другой, трагической, возможности женщины даже не предполагали. Они верили, что их Митя не может погибнуть.

– Права Надюха, ехать надо, – сказал, как отрезал, Степан. – Пока письма идти будут, его точно куда-нибудь дальше направят, а так, может, еще застанет. А не застанет, дальше разыскивать будет.

«Он жив, жив!» – стучало сердце Нади. «Скорей к нему! Он ранен, я так нужна ему сейчас!» – кричала душа.

Не откладывая, Надя стала собираться в дальнюю дорогу. Поезд стоял на перроне. Мимо сновали пассажиры.

– Береги себя, напрасно не встречай, на рожон не лезь, – обнял дочь Джугла.

– Наденька, отпиши, как приедешь, – утирала слезы мама. Последний прощальный взмах рукой родным. Поезд, равнодушно отстукивая колесами, мчит ее вперед, туда, где, возможно, беспомощный, раненый лежит ее Митя.

* * *

Скрежет вагонов разбудил Надю. За окном глубокая ночь. Освещенное одиноким фонарем, раскачиваемым под порывами ветра, одноэтажное здание полустанка сиротливо стояло в глухой темной степи. Пассажиры, прыгивая на пути, высыпали из вагонов.

– Почему остановились? Что случилось? – слышались встревоженные голоса.

– Граждане, успокойтесь. Срочный ремонт пути. Отремнтируем – и поедете, а пока вагоны в тупике постоят.

– А сколько ждать? Нам ехать надо!

– Не волнуйтесь. Всем ехать надо. Через сутки поедете.

– Как сутки? – встревожилась Надя. – Я не могу сутки ждать!

Она рванулась в каморку к начальнику станции, долго его уговаривала, убеждала, плакала, но тот твердил одно:

– Через сутки, не раньше!

– Вы не человек! У вас души нет! У меня муж с тяжелым ранением в госпитале, может, умирает сейчас, а вы мне – «ждите». Не могу я ждать, понятно? Не могу – гу! У вас на фронте, наверное, никто не воевал. Вы не знаете, как восточку от любимого ждут, – и она зарыдала.

Начальник станции, седовласый грузный мужчина, протянул ей стакан с водой, молча погладил по голове.

– Не плачь, дочка. Говоришь, с фронта восточку не ждал? Ждал, милая, ой как ждал, а пришла похоронка на сына. Вот такие дела, – он печально вздохнул.

Надя перестала плакать.

– Простите меня, пожалуйста. Я тут сгоряча наговорила всякого.

– Ничего, дочка, не такое еще выслушивать приходилось. Ты вот что, милая, со второго пути товарняк отправляем. Он чуть в сторонку уйдет, но там от полустанка Велюйки тебе до Куйбышева ближе будет. Ты даже угол срежешь и время сэкономишь. Вот только, девонька, товарняк – это далеко не плацкарта и даже не обший вагон. Со шелей дуть будет. Ночи холодные. Возьми вот кусок брезента – завернешься в него, а то замерзнешь.

– Спасибо! – Надя аккуратно свернула ткань, положила в вешевой мешок.

– Темноты-то не боишься?

– Нет, дяденька, не боюсь.

– А если на ходу с поезда прыгать придется?

– Прыгну, если надо, – твердо сказала девушка. И столько было решительности в ее взгляде, что старик понял: такая прыгнет.

– Так вот, ехать будешь до ночи, до трех часов. Когда поезд в гору пойдет, замедлять ход начнет, тогда и прыгай. Там до Велюйки рукой подать – меньше километра. Оттуда поезда на Куйбышев идут. А сейчас на-ка вот чайку горяченького попей да поспи немного. Когда надо будет, разбужу.

Надя сидела в углу вагона, прижавшись к деревянным ящикам. Ветер, пробираясь сквозь щели дощатой стенки, зловеше завывал, пронизывая до костей. Большой шерстяной клетчатый платок, что дала в дорогу мама, Надя повязала поверх зимнего пальто. Хорошо спасал от ветра подаренный брезент. Не спалось. В голове крутились мысли только о Мите. Надя рисовала картины их встречи. Вот он лежит слабый, беспомощный, ни кровинки в лице. Она с порога бросается к нему, обнимает, целует. Потом заботливо кормит с ложечки, умывает, везет на перевязку. Может, ее возьмут медсестрой в госпиталь, она будет дежурить и все время находиться при Мите... Что только не привиделось ей за долгие часы дороги! Стемнело. Надежда прильнула к двери вагона, стараясь разглядеть местность. Но, кроме темной ночной мглы, ничего не видать. Она напряженно прислушивалась к стуку колес. Когда же состав начнет замедлять ход? На маленьких ручных часиках циферблата не видно, который час. Отодвинув засов и приоткрыв дверь, Надя глянула вперед. Резкий порыв морозного ветра перехватил дыхание. «Нет, еще рано», – успокоилась девушка. Через некоторое время стук колес стал реже, состав натужно шел в гору, замедляя ход. Надя подошла к двери, выглянула наружу.

Земля уносилась с бешеной скоростью назад. Страх сжал сердце, заставляя его неистово колотиться. Надя зажмурилась, наклонилась. «Вот сейчас надо разжать руки и прыгнуть, – твердила себе приказ. Но руки почему-то не слушались, а все сильнее цеплялись за скобу засова. – Трусиха! Какая же я трусиха! Там же Митя ждет...» – и она, зажмурившись, решительно прыгнула в черную бездну.

Сильный удар о землю, резкая боль в колене, полный рот снега... Надя открыла глаза. Она лежала в снегу на откосе, рядом валялся вешевой мешок. Саднило правое колено. Надя нашупала разорванный чулок: рана! Липкая влага испачкала руку. «Кровь, – догадалась девушка. – Надо перевязать, смогу ли идти?» – она дотянулась до мешка, достала льняное полотенце и, разорвав его на ленты, перевязала ногу.

Вокруг ни души, заснеженные сугробы растворялись в ночной темени. Надя осторожно встала, наступила на раненую ногу: идти можно, только колено сгибать больно. Закинув мешок за плечи, она зашагала по шпалам вперед по ходу поезда. Надежда потеряла счет времени, напряженно вглядываясь в ночную мглу в надежде увидеть мерцающие огоньки жилья, но станции все не было видно. Иногда ей казалось, что она видит огоньки. Зажмурившись, замирала на мгновение, а когда вновь открывала глаза, они исчезали бесследно, только бесконечная плотная чернота вокруг. Силы покидали Надю: она спотыкалась, падала, вновь вставала и, стиснув зубы, преодолевая боль, шла дальше.

Ее, обессиленную, на рассвете подобрал путевой обходчик и притащил на станцию, до которой она не дошла совсем немного. Как выяснилось позже, она слишком рано спрыгнула с поезда и прошла не один, а восемь километров. Надю накормили, обогрели, перевязали колено. Она совсем поправилась и готова была следовать дальше.

Пригородный поезд через несколько часов прибыл в Куйбышев. Надежда бросилась к кассам. Только бы добраться до Москвы, а там рукой подать. Но билетов в кассе не оказалось. Народ толпился, возбужденно гудел. Надя в растерянности остановилась у колонны: «Что же делать? Как добраться до Москвы?»

Рядом, бурно обсуждая что-то, беседовали два молодых паренька. Надя прислушалась к их разговору.

– Я тебе говорю, прорвемся. Этот состав почти не охраняется. Там только с часовым договориться надо.

– Как не охраняется? Это же спецсостав. Он должен охраняться.

– Давай попробуем, авось получится. Он через два часа отходит. Останавливается только на крупных станциях, раньше пассажирского в Москве будет.

– Можно я с вами? – неожиданно для себя обратилась к ним Надя.

– Вот еще, на фига ты нам нужна? – вскинулся тот, что постарше.

– А че, Васек, давай возьмем. Ей легче часового уговорить. Смотри, краля какая, – Васек критически осмотрел Надю.

– Ну ладно, пошли.

Договориться с часовым не составило особого труда. Видимо, это уже было в его практике. Тем более что Надя подогрела его рублем.

– Подойдете за 5 минут до отправления. Только тихо и быстро. Я засов на двери открою, а сам отойду. Вы и нырнете, понятно?

Надя заметила, что вагоны были необычные, вроде товарные, но при-

способленные для перевозки людей. Вверху маленькие зарешеченные окна, прочные засовы на дверях. Кого везли в этих вагонах — неизвестно. Размышлять над этим было некогда, да и выхода другого нет. Дверь за ребятами со скрежетом закрылась. Состав дрогнул и тяжело сдвинулся с места. Надя огляделась. Тусклая лампочка, свисавшая с потолка, освещала лавки-скамьи, на которых сидели мужчины разного возраста. Станным показалось, что все они были одеты в одинаковые черные телогрейки. На груди белая нашивка с номером. Посередине вагона в печке-буржуйке потрескивали поленья.

– Ух ты, краля какая пожаловала, – донеслось из угла вагона.

– Иди, милая, к нам. Поди, замерзла? Мы тебя отопреем, – хихикнул кто-то слева. На нее смотрели наглые глаза зеков. Липкие похотливые взгляды раздевали донага, срывая мысленно всю одежду и вождленно впиваясь в крепкое молодое девичье тело. Надя сжалась в комок, готовая обороняться насмерть. От буржуйки отошел мужчина средних лет и направился к ней. Надежда прижалась к стене вагона, стараясь вдавиться, втиснуться в нее, стать незаметной.

– Не бойтесь, девушка. В обиду не дадим, – вежливо обратился он к ней. – Инженер-строитель Калачев Константин Савельевич, – представился он и с грустью добавил: – политзаключенный. И такими спокойствием, уверенностью и силой повеяло от него, что Надя, доверившись, подала ему руку. Он провел ее к буржуйке, усадил рядом.

– Ты че, Калач? Один такой здесь? Ты че девку забрал? Она наша, – недовольно загудели по углам.

– Цыц, сьвки! – громыхнул на них пожилой исхудавший мужчина со шрамом во всю щеку. Зеки сразу угомонились. Политзаключенные окружили Надю, заняв на всякий случай круговую оборону, защищая девушку от наглых посягательств. Теперь ее никто не мог обидеть. И все же, когда она покинула вагон, ей казалось, что вырвалась из клетки, в которой дремал хищный зверь.

Москва встретила ее своим многоголосьем и шумной суетой. Получить билет на Серпухов было практически невозможно, нужен был специальный пропуск. Никакие Надины уговоры, просьбы, требования и мольбы не помогали. Даже заметка из газеты не возымела никакого действия. Она опустила на корточки у стены. Слезы капали на газетный листок, зажатый в дрожащей руке. Рядом остановился молодой лейтенант. Он внимательно посмотрел на отчаявшуюся девушку, заметил листок фронтовой газеты.

– Что случилось? Почему вы плачете?

– Мне в Серпухов надо, в госпиталь к раненому мужу, а меня не пускают, – сквозь слезы, всхлипывая, произнесла Надя.

– Не отчаивайтесь. Я тоже в Серпухов еду, – офицер на миг задумался. – Вот что, выдам вас за свою жену. Идет?

Надя ошарашенно посмотрела на молодого лейтенанта:

– Как жену? – непонимающе спросила она.

– Ну, пропуск, билет вам выпишут как моей жене. Да не бойтесь вы! Я просто помочь хочу.

Надя ехала в Серпухов и не верила в свое счастье. Через несколько часов она увидит Митю. Сердце замирало в груди, а потом бешено пускалось вскачь. Она плохо понимала, о чем рассказывал ей лейтенант. Все ее мысли были лишь о скорой встрече с Митей.

Она не сразу заметила его в большой палате с рядами одинаковых коек и такими же одинаковыми силуэтами лежавших на них больных. Взгляд Нади, мечущийся с одного лица на другое, тревожно впивающийся в эти лица с печатью страдания и грусти, вдруг выхватил знакомые черты.

– Митя! – крикнуло сердце, и тихо прошептали губы.

Он лежал бледный, исхудавший, со впалыми небритыми щеками и казался намного старше. Она позвала громче:

– Митя, родной! – и стремительно бросилась к нему. Веки его дрогнули, он непонимающе посмотрел на нее. Взгляд выражал недоумение и тревогу. Он провел рукой перед собой, будто стараясь убрать наваждение, призрака, преследовавший его все это время.

– Это я, Надя, – тихо сказала она, присев на край кровати.

– Надя, Наденька, – так же тихо прошептал он и рукой потянулся к ней убедиться, что это явь, что она реально существует. Он слабо сжал ее плечо, и лицо озарила такая счастливая улыбка, глаза засияли таким лучезарным светом, что, казалось, весь мир сразу преобразился, наполнился солнцем и теплом. Она целовала его колючие щеки, сухие губы. Их слезы слились, придавая поцелуям соленый вкус. Раненые деликатно вышли, оставив их наедине.

Митя быстро шел на поправку благодаря заботам своей Наденьки. Она была и сиделкой, и санитаркой, и медсестрой, а главное, она была тем любящим человеком, который так нужен ему. После ранения Митю комиссовали. Вместе с Надеждой они отправились на Урал, где их с нетерпением ждали родители Нади.

ТАШКЕНТСКИЙ ГОЛЕМ

Рассказ

Сухбат АФЛАТУНИ

Ташкентская глина, конечно, не фонтан. Ни один почтенный пражский каббалист не стал бы из нее лепить даже воробья.

Но Муся был не из Праги, он был беженец из Одессы, а Одесса играет роль. Из Праги был его учитель, имя которого Муся не произносил вслух, зачем тревожить воздух лишний раз? Да и с кем в этом Ташкенте он мог беседовать о каббалистике? Только с самим собой.

От сложных бесед с самим собой Муся быстро старел. Знания переполняли его и жгли, а из ушей лезли седые волосы. Муся пытался бороться с ними, выдирая по одному, но волосы побеждали. Муся вздыхал и протирал очки.

Муся пробовал вернуться в Одессу и даже вернулся... Позвонил в свою дверь, вышла соседка и сказала, что, ой, извините, теперь здесь живем мы. И Муся все понял. Он был великим по местным меркам каббалистом и неплохим счетоводом: цифры его любили. Но против этой женщины он был не больше, чем маленький Муся. От нее дышало такой жизнью, что Муся просто пожелал ей дальнейших успехов и стал тихо спускаться.

«Ну хорошо, – думал Муся, трясясь обратно в Ташкент, – я бы мог насрать на нее свиноголовых демонов. И кому бы от этого стало легче?» Он вернулся и снова зажил как беженец, хотя войны уже не было, но по-другому он не умел.

Да. Он всю жизнь жил как беженец. Первый раз он бежал из утробы матери, видно, что-то там внутри его не устраивало. Но когда он оттуда выбрался и понял, куда попал, то разразился таким ревом, что с акушеркой чуть не сделался инфаркт. Вскоре мать бежала с ним от погромов в Гайворон, там жили баба с делом, а куры несли огромные яйца. А потом Первая мировая, и они уже в Харькове. Потом поменялась власть, и пришлось снова побегать. Пока бегали, он успел окончить как-то университет. А ночью брал паек и шел на занятия к умиравшему пражскому каббалисту, тому самому. При свете керосиновой лампы молодой Муся учился творить чудеса.

Потом Муся бегал от чисток, от фининспекторов, от тридцать седьмого года, от всего. Из города в город, по этой могучей и бескрайней, наполненной

Сухбат АФЛАТУНИ (Евгений Абдуллаев). Поэт, переводчик, драматург, прозаик, главный редактор журнала «Восток свыше». Родился в 1971 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет ТашГУ (ныне НУУз). Член СП Узбекистана.

такими же бегающими людьми стране. Лето сорок первого Муся встретил в Одессе в белых брюках и черных нарукавниках. И снова бежал, прихватив вареную курицу и пару каббалистических свитков, обернутых в двойной лист «Черноморской коммуны». Так он оказался в Ташкенте. Ненадолго, как он полагал, обмахиваясь от жары соломенной шляпой. Так обычно полагают все, кто попадает в этот город. И Муся в своих белых, еще не успевших посереть от ташкентской пыли, брюках не был исключением.

Да. Здешняя пыль его больше всего донимала. Особенно, когда дул ветер, и она неслась по двору, проникая во все щели, поры и отверстия. Муся кашлял и очень страдал.

На больших парадных улицах с пылью еще как-то боролись. Приходили крикливые женщины с метлами, поднимали ее до небес, потом торжественно ехала поливальная машина. Но Муся жил на маленькой улице Ивлева и женщины с метлами и поливальные машины ей не полагались. Приходилось дышать тем, что в наличии. Вдобавок соседи выбрасывали мусор где попало, и никакие призывы, устные и даже письменные с обещанием штрафа, на них не действовали.

В общем, Мусе пришлось совершить чудо.

Он извлек из тайника свои каббалистические свитки, обернутые уже в двойной лист «Правды Востока», и углубился в чтение.

Голем лежал на полу, пах подсыхавшей глиной и терпеливо дожидался оживления.

Муся был доволен. Да. Не Микеланджело, но у нас тут, извините, и не Флоренция. Для того чтобы мести несчастную улицу Ивлева, шедевр был не нужен. Руки, ноги – остальное просто для внешнего сходства, чтобы соседи и милиция не цеплялись. Он представит его своим контуженным племянником. К Фире с соседнего двора недавно такой приезжал, мочился под Мусиными окнами, Фира его быстро выгнала к какой-то другой родне, и вечерние фонтаны прекратились.

Правда, на Мусиного племянника то, что лежало на полу, было не очень похоже. Муся был маленький и мохнатый, а этот был верзила. Но, главное, лицо. Как Муся ни старался, вышло широкоскулым.

Особенно тревожили Мусю глаза. Несколько раз переделывал, пытаясь придать им почтенную семитскую форму и печальное содержание. Но, как только Муся отворачивался, глаза делались раскосыми, и никакой печали в них уже не было, только какое-то хмурое любопытство. «Это все глина, – думал Муся, выдирая очередной волосок из уха. – Это все местная глина. Ни один пражский каббалист...»

Муся вытер руки, сел на корточки и приступил к оживлению.

Первые два дня все шло как по маслу. И не по местному хлопковому, дававшему дымчатый осадок, а по оливковому, которое Муся пробовал в детстве и которое потом вместе с детством куда-то исчезло.

Голем вылизал все Мусино жилье и вымел всю улицу. Муся блаженствовал, его даже временно перестал посещать кашель.

А на третий день пришла Фира.

Фира жила в соседнем дворе, говорила прокуренным басом и бросала на Мусю плотоядные взгляды. Муся ее побаивался.

Фира зашла в Мусину кухонку-мазанку, служившую ему и прихожей, и сразу перешла к делу.

– Ты знаешь, Муся, что советская власть делает с такими, как ты?

Муся задумался. Он уже несколько раз за эти годы собирался насрать на Фиру свиноголовых демонов, да все как-то откладывал.

– Что ты мне угрожаешь? – спросил Муся. – Я что, подпольно слушаю сестер Бэрри?

– Я тебе скажу, Муся, что советская власть с такими делает, – Фира сделала вид, что не расслышала. – Таких, как ты, она сажает в тюрьму. И знаешь, почему? Потому что она гуманная. При царе бы тебя за такое сожгли на костре.

– О чем ты, Фира?

– Где этот парень, которого ты слепил?

– Кого я слепил, Фира? Это мой племянник.

– Муся! Я схоронила двух мужей не для того, чтобы стоять тут и слушать твою болтовню. Я видела, как ты в полнолуние копал землю у арыка... Муся, мой дед по моей мамочке тоже имел такие увлечения, хотя я бы тебя с ним даже на одном кладбище не положила...

Из комнатки на кухню выглянул голем. На нем были широкие трусы и старые Мусины ботинки, которые ему были страшно малы.

Фира улыбнулась и поправила грудь:

– Ну что, одолжишь его мне на пару дней?

Муся хотел спросить, зачем, но по тому, как Фира глядела на голема, было так понятно, что хотелось плюнуть.

– Учти, он не разговаривает, – предупредил Муся.

– А мне разговорчивый и не нужен, язык у меня и у самой есть.

– Это да, – согласился Муся.

Фира подступила к голему.

– Его можно потрогать?

– Мы что, в музей? Трогай.

Мусе уже было все равно, он стоял и обмахивался газеткой.

Фира принялась ошупывать голема. Тот глядел на нее с хмурым любопытством, а на губах даже наметилось что-то вроде улыбки, хотя обычно големы ничего не чувствуют.

Фира оттянула резинку трусов и строго поглядела внутрь.

– Муся, тебе что, глины не хватило?

– Я его не для этого, вообще-то, лепил... – начал Муся.

– ...Если не хватило, ты скажи, я принесу. У меня во дворе много.

– Фира, у меня тут не Флоренция. Не нравится мой голем – иши другого.

– Стой, а как мне его называть? – Фира обняла голую спину великана и слегка пощекотала. – Ты дал ему имя?

И тут случилось что-то совсем для Мусиной головы непонятное.

– Гулям, – почти не разжимая губ, промычал глиняный человек.

– Что? – выдохнул Муся.

– Что «что»? – сказала Фира. – Он сказал: «Гулям». Ой! Ой, шекотно...

Голем поднял Фиру и понес по двору, та весело болтала ногами.

Да. Муся мог себя поздравить: его спокойной жизни пришел конец.

– Ну, как там наш Гулямчик? – спрашивала теперь похорошевшая

Фира, заходя к Мусе, как к себе домой.

Муся скрипел зубами и выдергивал из уха волосок.

Хуже всего, что Фира проболталась двум ближайшим соседкам. «А что делать, – объясняла Фира, – сами пронюхали...» А что тут нюхать – даже дети, игравшие во дворе, видели, как к Фире заходит этот, а потом вся Фирина мазанка дрожит и во двор несутся такие звуки, о которых детям до шестнадцати лучше не знать, хоть бы ставила своих несчастных сестер Бэрри. Тряска чувствовалась даже в соседних домах, сама Фира жаловалась на трешину и оплакивала сломанную кровать.

Через несколько дней в курсе было уже все одинокое женское население Ивлева. На Гуляма выстроилась очередь. Напрасно Муся кричал, объяснял, делал вид, что никого нет дома; одинокие женщины шли потоком, ругались, плакали, шантажировали и совали в карман серых от ташкентской пыли Мусиных брюк мятые купюры. Муся морально страдал.

Наконец, явилась делегация из расположенного неподалеку текстильного комбината и ультимативно предложила провести для «товариша Гуляма» экскурсию по цехам комбината, культурным объектам и общежитию. Ссориться с целым комбинатом Муся не решился. С экскурсии Гулям не возвращался три дня; Муся даже где-то вздохнул с облегчением. На четвертый день великан вернулся, в новом костюме с необрезанной биркой, и тут же рухнул спать.

Да, от всех этих культпоходов Гулям капитально изменился. Послать его мести улицу или просто натаскать воды было уже не так просто. Вместо молчаливого повиновения он начинал недовольно мычать. Женщины и красивая жизнь его испортили. Он научился дешевому уличному языку, пропах духами, у него появились запросы.

Муся усадил его за кухонный стол и попытался учить наукам. Обнаружилось, что складывать и вычитать этот болван уже умеет, и довольно шустро. Но остальные науки в его глиняную голову не лезли, как Муся ни кричал и ни применял свои таланты.

– Гулямчик устал, – мычал великан, и Муся махнул на это рукой.

– А шляться по ночам не устаешь? – спросил только.

Гулям не ответил, но поглядел на Мусю каким-то новым взглядом. Он уже несколько раз так глядел на него, и у Муси от этого взгляда что-то холодело и булькало в желудке.

Муся замечал, что его голем уже сам, без приглашений, пытается по ночам улизнуть. Иногда Муся просыпался от толчков. Это значило, голем ночевал неподалеку. Трехрожковая люстра покачивалась, с потолка сыпалась пыль. «Он-таки сделает землетрясение», – Муся натягивал кальсоны цвета топленого молока и вставал.

Муся зажигал свечу, чтобы не привлекать внимание электричеством, и перечитывал свои трактаты. Он искал ответ, что делать, но трактаты молчали. «Это все местная глина, – который раз говорил себе Муся, задувая свечу. – Надо было вначале почитать... что-нибудь по почвоведению...»

Он засыпал, но ненадолго. Снова начинало качать, и Муся снова ворочался. Утром вставал, готовил яйца и бутерброд и шел больной на службу, а ночью все повторялось.

За пару дней похолодало, с соседней чинары слетали листья

и катились по земле, как погремушки. А Муся все думал.

Наклонившись, он отщипнул кусочек земли и растер меж пальцами.

Накануне заходила Фира и вывалила на Мусю целое ведро новостей.

Голем стал подкарауливать женщин, уже и замужних.

– Муся, ты чувствуешь, пахнет милицией?

– А что же вы теперь за ним толпой не приходите? – мрачно спросил Муся.

– Муся, ты не знаешь богатого женского сердца? Разве женщине нужна только койка? Ей нужна еще немножко любовь. А потом он изменился. Вначале был как ребенок. А теперь – просто скучное постельное животное.

– А кто его сделал таким?

Фира сделала вид, что не расслышала.

– Муся, улица пока терпит, но скоро это кончится несчастьем.

Послушай, – Фира понизила голос, – а ты не можешь ему что-нибудь отпилить? Или хотя бы уменьшить...

– Фира, у меня тут не скульптурные мастерские. Я сам боюсь к нему подходить. Он смотрит на меня так, что я боюсь даже ложиться спать. Допей свой чай, Фира, и иди, я буду думать.

И он сел на незаправленную койку и думал.

«Да, – думал он. – Это месть, месть этой земли. Месть нам, приехавшим сюда со своими лозунгами, заводами, трамваями. С гордостью, которая лезет из нас, как вакса из тюбика. А что делает в таких случаях земля? Поднатужится – и рождает богатыря. Здесь древняя, умная и по-своему хитрая земля. И вот нам результат. Получился не богатырь, а голем. Гулям. «Гулям» означает раб. А раб гораздо опасней богатыря».

Муся выдергивал седой волосок из уха и продолжал думать.

А может, земля здесь не при чем?

«Да, – Муся стоял во дворе и глядел на сухие чинарные листья. – Мы забыли Бога. Пражские каббалисты о нем помнили, ой, как помнили. Без этой памяти даже глиняного воробья никто из них не стал бы оживлять...»

На следующее утро пошел снег. Вначале таял и делал лужи, но к вечеру навалил так прилично, что Муся с трудом открыл дверь. Муся надел калоши и вышел во двор.

И увидел ее.

Он слышал, как дети ее лепили, их крик, смех. Теперь она стояла свежая, пышная, будто не в Ташкенте, а где-то среди украинской зимы. На круглой ее голове был пестрый платок, а сбоку воткнута метла.

Муся подошел и провел по ее крепкому и холодному бедру. И понял, что делать.

Через час оживленная Мусей снежная баба уже прогуливалась возле Мусиных окон. Прижавшись к стеклу, Муся наблюдал. Вот фонарь осветил знакомую косолапую фигуру. Не найдя себе развлечений, голем возвращался на ночлег.

– Ну давай, снегурочка, не подведи... – пробормотал Муся.

Голем застыл, потом игриво заурчал и двинулся на снежную бабу.

Муся стыдливо задернул занавеску. Дом слегка качнуло. Сильнее, еще сильнее. Муся заходил по кухне.

Качка продолжалась всю ночь. Раза три Муся отодвигал занавеску и глядел, шурясь, под окна. Последний раз снежная баба уже восседала сверху,

не выпуская метлу. Голем что-то жалобно мычал из-под белой туши.

Дом еще раз качнуло, и все затихло.

Муся осторожно глянул в окно. Снежная баба в раскоряку поднялась с кучи глины, отряхнулась и заковыляла на прежнее место. Муся выпил воды и заснул.

– Муся, тебе грустно, – громко сказала Фира, подойдя сзади, как всегда, без предупреждения.

Муся стоял над кучей глины. С крыш бодро капало, снежная баба тоже подтаяла, остались три серых кругляша, метла валялась в луже.

Фира закурила.

– Муся, тебе грустно, потому что он был тебе как сын. Просто он был не таким сыном, как тебе хотелось.

– Фира, ты говоришь, как один свихнувшийся венский доктор, забыл фамилию.

– Я говорю, Муся, как советская женщина.

– Дай лучше закурить, Фира.

Фира зашуршала пачкой.

– Ты все хорошо придумал, Муся. Не зря ты мне когда-то нравился. Если хочешь знать, я провела бессонную ночь у окна. Хорошо, что у меня был театральный бинокль.

«Бесстыдница», – подумал Муся.

Фира почувствовала его мысль и обиделась.

– Муся, ты невозможный человек, – она постояла немного еще и ушла.

Да. Муся собирался в дорогу. Вешей оказалось больше, чем он думал, что-то пришлось сжечь, выбросить и раздарить.

Он был беженец. Он и так тут засиделся, в этом милом Ташкенте.

В фанерный чемоданчик легли счеты, пара кальсон и рубашек и вареная курица, приготовленная Фирой. Каббалистических свитков не было, он сжег их вместе с другим хламом.

– Итак, куда же ты собрался? – спросила Фира.

– Искать Бога.

– Зачем Он тебе вдруг понадобился?

Муся не ответил, а Фира больше не спрашивала, только курила и тихо напевала «тум-балалайку». И Муся тихо уехал.

Вскоре после его отъезда произошло настоящее землетрясение, и почти весь бывший Мусин двор превратился в огромную груду глины, хорошо еще без жертв.

Но Фира на почве землетрясения слегка сдвинулась. Она ходила и говорила, что это мстит неупокоенная душа нашего Гулямчика. И что, если бы был здесь наш мудрец Муся, он бы все точно объяснил. Еще она жаловалась, что по ночам к ней приходят мужчины со свинными головами и плохо ведут себя с ней. Но Муся уже не имел к этому никакого отношения. От Муси была тишина, он никому не писал, не звонил и не слал поздравительных открыток, и скоро о нем забыли. Потом забыли и о Фире, которую забрали родственники, и о других жителях улицы Ивлева, о глиняных домах, которые там стояли, и о глиняном великане, который эту улицу когда-то старательно подметал. Да.

МЫ ТОЛЬКО НА МГНОВЕНИЕ ПРИКАСАЕМСЯ К ВЕЧНОСТИ...

К 75-летию Анатолия Федоровича Бауэра

Борис ГОЛЕНДЕР

Нумизматами называют тех, кто собирает и изучает старинные монеты. Это, казалось, достаточно далекое от реальной жизни занятие крепко захватило меня еще в школьные годы. Коллекция старинных монет помогала глубже проникать в замысловатые ходы истории и буквально осязаемо чувствовать дыхание минувших эпох.

В конце пятидесятых годов моя семья переехала из Прибалтики в Ташкент, и вместе с уже сложившейся любовью к прошлому и кое-какими познаниями в нумизматике я привез с собой довольно значительное собрание старинных монет. Но мне позарез требовалось общение с такими же по духу, как и я, коллекционерами. Быстро выяснилось, что ташкентский рынок собирателей монет обитает по воскресеньям в городском парке имени Горького, куда я немедленно и поспешил. Аллеи старого парка в каждое воскресное утро заполнялись людьми, которых обыватели откровенно считали странными чудаками. Здесь можно было встретить и пожилых собирателей древностей, тех, кто хорошо помнил еще дореволюционные времена, и желторотых школьников, плененных загадочностью старых монет, и откровенных дельцов, пытавшихся заработать на чуждой им страсти к собирательству. Азартный обмен, продажа и покупка старинных монет, конечно, вызывали повышенный интерес штатных блюстителей порядка, «общество коллекционеров» периодически разгоняли милиционеры, но оно возрождалось вновь и вновь.

Вот в этом бурлящем и своеобразном мире ташкентских собирателей древностей в конце пятидесятых годов XX века и родилась дружба трех мальчишек, очарованных нумизматикой, дружба, которая так обогатила и украсила нашу жизнь. Мы как-то сразу нашли друг друга.

Младший из нас, Дима, сначала казался самым обычным школьником, увлеченным старинными монетами. Подобные ребята вдруг начинают складывать в свой альбом почтовые марки, назавтра их заинтересуют минералы, а через пару месяцев они уже считают себя фалеристами-любителями

Борис ГОЛЕНДЕР. Краевед, писатель. Автор книг по истории и культуре Центральной Азии («Окно в прошлое», «Мои господа ташкентцы», «Ташкент. Шедевры Центральной Азии», «В этом городе камня и солнца», «Вечный свет куполов», «Polonia Turkestaniana», «Немецкий след в Узбекистане XV—XX в»), многочисленных сценариев научно-популярных фильмов.

нагрудных значков. Интерес к коллекционированию у таких собирателей быстро проходит, а их собрания потом годами пылятся на дальних полках домашних книжных шкафов. Но наш друг Дима изначально не на шутку влюбился в нумизматику. Пройдут годы, и ученый-философ Дмитрий Владимирович Бирюков, хотя и не станет профессиональным нумизматом, прославит узбекскую науку о монетах, выпуская на протяжении многих лет авторитетный альманах «Нумизматика Центральной Азии», и будет одним из отцов-основателей выдающейся коллекции монет Национального банка Республики Узбекистан.

Заводилой же в нашей троице следует назвать Толика, старшего из нас. Я сразу заметил его среди ташкентских ценителей старинных монет, и мы очень быстро стали близкими друзьями. Толик понравился мне своей серьезностью и обстоятельностью. С самого начала нашей дружбы я понял, что он не только создает интересную коллекцию монет, но и пытается выводить какие-то общие принципы взаимоотношений между увлеченными собирательством людьми. Поразительно, но уже тогда наш Толик вникал в особенности психологии коллекционеров, формулировал для себя некие законы, управляющие нами. Он мыслил образно, часто пугал нас меткими цитатами, взятыми из книг большой домашней библиотеки, которую собирал его отец. Иначе говоря, четырнадцатилетний школьник, мой товарищ, ярко проявлял все задатки будущего литератора. Толик, как и Дима, не стал ученым-нумизматом, он выбрал путь профессионального писателя, но, надо сказать, посвятил все свои произведения исключительно феномену коллекционирования. Теперь его уважительно величают Анатолием Федоровичем Бауэром, но для меня он всегда остается просто Толиком.

В старом доме моего деда на улице Кафанова у Госпитального базара я со своим новым товарищем часами вел длинные-предлинные разговоры о монетах. Мы находили в этом непередаваемое удовольствие. Популярной литературы по коллекционированию монет в те времена практически не было, до всего приходилось додумываться самим. А когда возникали неразрешимые вопросы, мы отправлялись за ответами к старшему коллеге по увлечению, Всеволоду Саввичу Кучерову. Живший по соседству со мной в уютном переулке Лазо, рядом с прославленным ташкентским фотографом Максом Пенсоном. И вот мы с Толиком вдоль Кафановской улицы шлепаем по лужам под сильным дождем, довольные жизнью и предстоящей встречей с неутомимым рассказчиком, каким был Всеволод Саввич. Нам даже в голову не приходит, что своим свободным временем можно распорядиться как-то иначе.

В. С. Кучеров, по профессии художник-оформитель, регулярно посещал по воскресеньям «общество коллекционеров» в парке. Несмотря на солидный возраст, он был горячо увлечен нумизматикой, охотно делился своими обширными познаниями с молодежью. Мы, раскрыв рты, внимали его нумизматическим рассказам, подкрепленным демонстрацией собранных раритетов, и, казалась, даже его забавный домашний пес с древнеримской кличкой Брут внимательно слушал своего хозяина и вместе с нами проникался пламенной любовью к коллекционированию старинных монет.

Потом мы переваривали услышанное и увиденное дома у Толика. Там в гостиной стоял старинный письменный стол с большими выдвигающимися ящиками. По красивому сукну, разостланному в этих ящиках, юный нумизмат Анатолий Бауэр аккуратно, по номиналам и годам выпуска,

раскладывал собранные им монеты императорской России. До сих пор стоит у меня перед глазами этот импровизированный мюнц-кабинет!

Мы, обыкновенные ташкентские школьники, в те времена ухитрялись находить удивительные нумизматические памятники прошлого, которые можно увидеть не во всяком музее. В ящике бауэровского стола таинственно поблескивали на рублях и полтинах из патинированного старинного серебра художественные лики Петра Великого, Анны Иоанновны и Екатерины II. А вот раритет Толикиной коллекции... знаменитая медная «денга» с барабанами и флагами, отчеканенная при Елизавете Петровне в 1760 году в честь победы над прусским королем Фридрихом.

Были у моего друга и другие старинные вещицы, их в последствии разрослась его большая коллекция антиквариата. На столе рядом с массивным письменным прибором тарашил на меня рубиновые красные глазки бронзовый китайский лев. Миниатюрная фигурка этого льва венчала старинную китайскую печатку с двумя иероглифами, неведомо каким путем попавшую к Толику. Я думаю, уж не этот ли фантастический зверь заронил когда-то во мне интерес к монетам древнего Китая, которые я упорно собираю до сих пор?

Всеволод Саввич познакомил нашу троицу с Сергеем Петровичем Бородиным. Знаменитый писатель, автор всемирно известных исторических романов «Дмитрий Донской» и «Звезды над Самаркандом», был заядлым коллекционером. Его нередко можно было встретить в воскресное утро в аллеях парка имени Горького, где собирались ташкентские нумизматы. Так мы, юные любители старинных монет, оказались в гостях у классика современной исторической литературы, в его уютном кабинете небольшого домика на бывшей улице Орджоникидзе, где теперь расположен музей писателя. Конечно, занятия нумизматикой хорошо подготовили нас к серьезному восприятию исторической и культурной информации, которую так щедро обрушивал на нас С. П. Бородин. Многолетнее знакомство с Сергеем Петровичем, как я теперь вижу, дало нам очень много. И особенно Толику. Не тогда ли мой друг решился с головой броситься в бушующий океан современной литературы?

Фото нумизматов

А еще мы составляли свои собственные рукописные нумизматические каталоги, для чего, где только возможно, выискивали малодоступные сведения о интересовавших нас подробностях прошлого, делали карандашные протирки редких экземпляров монет. Не отсюда ли проявилась у нас тяга к чтению, к настойчивым исследованиям, к поиску уникальных изданий книг? Нас воспитывала нумизматика. На сохранившейся любительской фотографии, которую сделал воскресным утром зимы 1961 года на аллее парка наш коллега по увлечению Виктор Колмаков, запечатлена группа ташкентских нумизматов. Первым слева стоит Анатолий Бауэр, третьим – автор этих строк, а пятым – Дмитрий Бирюков. Причем у меня за лашкан заложены те самые самодельные рукописные каталоги монет, которые свидетельствовали о серьезности наших намерений.

Жизнь продвигалась вперед и вперед, но коллекционирование оставалось нашим общим увлечением. Ведь мы, три закадычных друга-нумизмата, были совершенно разными. Я стал работать в лаборатории Института химии растительных веществ Академии наук Узбекистана, Дима уехал учиться в МГУ, а Толик подался в университет в филологию с перерывом на службу в армии. Но и после службы он коллекционирования не бросил, хотя филологическая стезя все настойчивее направляла его в объятия литературы. В 1975 году он работал в редакции журнала «Звезда Востока» и уговорил как-то меня принести ему для просмотра стихи, которые, как он знал, я пытался сочинять еще в юности. Так, благодаря моему другу, появилась в главном литературном издании нашей республики моя первая серьезная публикация – стихотворение «Самарканд древний». А через некоторое время Диму и меня Толик попросил высказать свое «авторитетное» мнение о рукописи его первого литературного произведения. Это был небольшой рассказ «Победный рубль», талантливая зарисовка на тему нашей коллекционерской юности. Нечего и говорить, что мы горячо поддержали автора, но посоветовали перенести время действия подальше в прошлое, так как лично знали всех тех, кто служил прототипами героев повествования.

Судьба часто разлучала нас, но наша дружба никогда не ржавела. Помню, как вдруг неожиданно вырос мой авторитет специалиста-нумизмата в представлении незнакомых мне львовских коллекционеров, когда я впервые оказался в их клубе на улице Стефаника напротив Львовской картинной галереи. Сначала наладить контакт мне не удавалось. Но вот в случайном разговоре я сказал, что, как ташкентский коллекционер, близко знаком с Анатолием Бауэром. Тут же отношение ко мне кардинально поменялось. Я не мог сообразить, в чем дело. Львовяне спрашивали моего совета, а при коллекционном обмене охотно шли мне навстречу, как будто я – завсегдатай их клуба... Только потом я сообразил, что это следствие успеха опубликованной в 1984 году повести А. Бауэра «Благое молчание». В своих странствиях за секретом эмалевой миниатюры с портретом средневековой польской королевы, описанных в повести, автор посещает коллекционеров Львова и аттестует их самыми уважительными эпитетами. Видимо, это особенно запомнилось львовским собирателям антиквариата. Вот уж, действительно, велика сила искусства!

Выход в свет бауэровского романа-эссе «Всесильный талисман» совпал с событиями распада СССР. Жизненные ориентиры стали стремительно

меняться, и тогда наш друг, теперь уже член Союза писателей Узбекистана, который руководил в то время русской редакцией Государственного издательства литературы и искусства имени Гафура Гуляма, стал настойчиво призывать и меня, и Диму «уйти в литературу», стать профессиональными редакторами. Имея ученые степени и прочное положение – каждый в своей науке, мы долго сопротивлялись. Дима так и не решился отказаться от преподавания философии в институте, а я все-таки в один прекрасный момент бросил занятия химией полимеров и оказался в одном кабинете с Анатолием Федоровичем Бауэром на четвертом этаже знаменитого издательского корпуса (ул. Навои, 30) в качестве редактора. И это действительно был прекрасный момент моей жизни. Я как будто обрел, наконец, самого себя, а рядом со мной помогал и поддерживал меня буквально каждый день тот самый прежний Толик, закадычный друг моей далекой нумизматической юности! Время не изменило ни его облика, ни характера. Вечно в поиске редкостных фактов, уникальных предметов древности, хитрых сплетений малоизвестных событий в бесконечно разнообразном мире коллекционеров, он заканчивал в то время свой новый роман «Мужское несогласие», посвященный все той же вечной страсти коллекционирования. Текст романа был далеко не прост, и мы сломали в наших спорах немало копий, обсуждая сюжетные линии и реалии в подготавливаемой к изданию рукописи, пока «Мужское несогласие» обрело в 1999 году форму книжного блока и ушло к читателям.

Мы крепко дружим и по сей день. Неугомонный Толик продолжает свою нелегкую литературную работу. Теперь в поле его писательского рвения наш родной город, наш старый Ташкент.

Совсем недавно на ташкентской площади Независимости, как известно, сильно разросшейся за счет прилегавших городских кварталов, можно было увидеть двух не очень молодых людей, которые шагами тщательно отмеряли расстояния от каких-то только им ведомых ориентиров и пытались точно определить расположение стоявшего некогда здесь одноэтажного жилья. Это мы с Толиком, сверяясь с сохранившимися у меня топографическими планами, отыскивали точное место, где он когда-то родился и жил. «Теперь только ты, сказал он, можешь мне в этом помочь! Димы уже нет в живых, а мне крайне необходимо обновить свои старые переживания и еще достовернее, еще правильнее, еще художественнее выразить себя в новом своем романе».

Жили-были в Ташкенте три товарища... Собирали старинные монеты, эти маленькие своеобразные колесики времени, о которых один из героев бауэровского «Победного рубля» совершенно справедливо говорит: «Нумизматы лишь временные хранители этих маленьких колесиков времени. Мы только на мгновение прикасаемся к вечности». А бережное прикосновение к вечности, оказывается, дает свой очень осязаемый эффект. Разве не свидетельствует об этом все, о чем поведал в своих книгах мой старинный друг, замечательный писатель Анатолий Бауэр!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Мухаммад АЛИ

ТВОРЧЕСТВА И ВДОХНОВЕНИЯ!

Известного узбекистанского писателя и критика Анатолия Федоровича Бауэра я знаю давно, еще со времени его работы заместителем главного редактора в Государственном издательстве литературы и искусства им. Гафура Гуляма. Он ташкентец, родился, рос и сформировался как личность и писатель под солнцем Узбекистана. На меня он всегда производил впечатление человека мягкого, моложавого, довольного своей насыщенной жизнью.

Ему исполнилось 75 лет. Глядя на него, думаешь иногда: «Нет ли здесь какой-нибудь неточности, приписки?!. Действительно ли ему 75?» Нет, все точно, родился он 27 мая 1945 года и, думаю, главная причина его приятной моложавости в его добром сердце, что сейчас встречается не часто, особенно у наших собратьев по перу. Я заметил, что «зрелость» по-разному меняет внешний облик человека: одних уродует, других шадит, видно, с возрастом проступает наружу внутренняя сущность человека.

Как писатель А. Ф. Бауэр заявил о себе еще в 60-е годы прошлого века, в годы службы в армии, активно публикуя в армейской прессе статьи и очерки об армейской жизни.

В начале 70-х годов он уже заведовал отделом литературной критики в известном на всю страну литературно-художественном журнале «Звезда Востока», сам выступал с рецензиями и литературно-критическими статьями, читал курс «Литературная критика» в НУУз. Позже Анатолий Федорович работал ответственным секретарем журнала «Звезда Востока», заместителем главного редактора в издательстве им. Гафура Гуляма, активно занимался творчеством. Он автор цикла замечательных рассказов, повести «Благое молчание», романов «Всесильный талисман» и «Мужское несогласие».

Его произведения отличает высокий идейно-художественный уровень, философское осознание природы человека и окружающего его мира, глубокий психологизм, актуальность, убедительность и аргументированность выводов, равнодушие и сопереживание мыслящему человеку, стремящемуся обрести гармонию с миром и самим собой.

В настоящее время Анатолий Федорович занимается общественной

Мухаммад АЛИ. Народный писатель Узбекистана. Родился в 1942 г. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений. Член Союза писателей Узбекистана. Лауреат Государственной премии.

работой в Совете по русской литературе при СП Узбекистана и творчеством – работает над крупным философско-психологическим романом. Труд Анатолия Федоровича неоднократно отмечался высокими правительственными наградами. В 2001 году за роман «Мужское несогласие» он был удостоен премии «Заря Независимости», а в мае 2020 года А. Ф. Бауэр был награжден орденом святителя Луки архиепископа Симферопольского 1-й степени.

*На снимке: Митрополит Ташкентский и Узбекистанский
Глава Среднеазиатского Митрополичьего Округа Викентий
и Анатолий Федорович Бауэр*

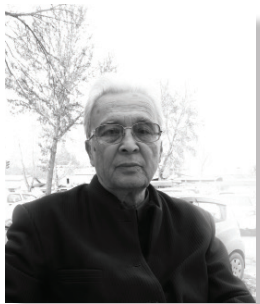
Помню, как мы отмечали семидесятилетие Анатолия Федоровича. Друзья писателя собрались в уютном доме юбиляра. Поздравляя его от имени Союза писателей Узбекистана, под аплодисменты я накинул на плечи юбиляра золоченый халат. Тогда он забавно пошутил:

– Я терпеть не могу всякого халатного отношения к делу, кроме узбекского халатного отношения.

75 лет – это по нынешним временам средний возраст, позволяющий много работать, писать и радовать своих поклонников. Это удел писателя, от которого ему никуда не уйти... Вдохновения вам и здоровья!

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» поздравляют писателя, публициста, литературного критика, члена Союза писателей Узбекистана Анатолия Федоровича Бауэра с 75-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ. Доброго здоровья, долголетия и творческого вдохновения, Устоз!

БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ

Рассказ

Сухроб МУХАМЕДОВ

В Москву я приехал утром. Не раздумывая сел в такси и попросил голубоглазого водителя отвезти меня на Таганку. Туда, где... Вновь хотелось увидеть длинный одноэтажный дом, огромный пустырь, служивший нам стадионом, высокий бугор. С него мы – Костя Голованов, Борис Захаров, Ленька Силин, Димка Рошин и я – скатывались на самодельных санках, пересекали, громко смеясь, широкую улицу и упирались в гранитный парапет Москвы-реки.

А санки сделал нам Сергей Иванович – маленький, сухонький старичок. На свете, как нам казалось, не существовало дела, которого Сергей Иванович не знал. Он чинил водопроводные краны, утюги, примусы, керосинки, двери, стенные часы, дымоходы, латал галоши и валенки, делал отличные зажигалки.

Денег старик с соседями не брал. Забирал домой ту или иную вещь и приносил ее в «справном» виде. Кто-то его просто благодарил, кто-то силой заставлял взять кулек картошки, свеклы, сушеной воблы. А моя мать иногда угошала старика сушеными фруктами, присылаемыми бабушкой из Ташкента. Я знал от мамы о существовании бабушки, но ни разу еще ее не видел.

Таганские мальчишки уважали Сергея Ивановича и побаивались. Особенно нам нравились вечера, когда Сергей Иванович приглашал нас в свою крохотную комнатку, казавшуюся музеем. На столе аккуратно лежали необычной формы и размера молоточки, шипчики, отвертки. В металлических банках – всевозможные винтики, гайки, скобки. В брезентовом патронташе – ножи, плоскогубцы, пакля, куски смолы, канифоль, клей. Что было еще в комнате? Узкая металлическая кровать, застеленная жестким шерстяным одеялом. У изголовья – самодельная рама. В ней под стеклом множество фотографий: Сергей Иванович с женой, родственники, друзья. В центре рамы – фотография двоих сыновей: оба они воевали, и оба – где-то на Западном фронте.

Сухроб МУХАМЕДОВ (1939–2019) по образованию филолог. Член союза писателей с 1982 года. Автор книг: «Путь к пьедесталу», «Чемпионами не рождаются», «Знакомая тропа к невысокому холму», «Лунный свет в живой воде», «Серые призраки», «Погоня», «Блеск ложной звезды», «И в снах – мелодии джангоха».

Мы усаживались на кровать, а старик на красивый стул с гнутой спинкой из красного дерева. Говорили, что до войны Сергей Иванович нашел его около ящика с мусором, поскольку стул был поломан «со всей беспощадностью», отремонтировал его и принес в качестве единственного украшения квартиры.

Заговаривал старик неожиданно и чаще всего, естественно, о положении на фронте.

– Стало быть, мальцы, бежит германец к своей берлоге... Он к этому делу давненько приучен. Германец во все времена от нас то по заду, то по морде. Мда-а-а! Значит, кто к чему приучен. Кто бить, а кто получать, – в глазах старика загорались довольные огоньки. Кашлянув в почти детский кулачок, он открывал металлическую коробочку с махоркой. Мастерски скручивал изящную козью ножку и закуривал. – В чем, стало быть, российский человек имеет недостаток? Его, значит, долго тормозить надо. Да и потом без спешки коней закладывает. А все почему? Не верим, сомневаемся, что сосед взаправду обнаглел... Ну а когда запряжет, тут ты, кто бы ни был, не серчай. Я этого германца изучил еще с империалистической. Вояка справный – живет, воюет, в атаку ходит по часам. Он может осилить любого, но меня – ни в какую. Почему? Если взял, к примеру, я ружье, так ему придется меня трижды убивать. На землю бросить – раз, дух вышибить – два, самолично убедиться, что нету во мне жизни, – три. Мда-а! И никак по-другому.

Покурив, старик ставил чай. Заваркой служили сушеные листья вишни или смородины. Спиртного Сергей Иванович не употреблял. Но однажды, в конце февраля сорок пятого, мы увидели его пьяным. Он был настолько пьян, что с большим трудом держался на ногах. Сильно шатаясь, он дошел до центра большого двора и вдруг, взметнув вверх сжатые кулаки, выкрикнул единственное слово: «Погибли!»

Мы стояли в стороне, боясь подойти. Из подъезда вышла Костина мать тетя Клава. Узнавали мы ее безошибочно даже в темноте, потому что она была самая полная и высокая среди женщин нашего дома. Увидев старика, тетя Клава тут же положила сумку на единственную скамейку во дворе и, подняв его, как маленького ребенка, на руки, унесла.

Болеет Сергей Иванович долго – за ним ухаживали женщины, матери моих товарищей. Он впервые вышел во двор, когда весна была в самом разгаре. Покачиваясь, Сергей Иванович осторожно прошел к скамейке и долго сидел, греясь в лучах апрельского солнца. Мы, пацаны, жалели старика. Ведь у него в течение недели погибли на фронте два сына, и теперь, по словам тети Клавы, Сергей Иванович остался один-одинешенек.

Выйдя из такси, я долго не мог сориентироваться. Таганка стала неузнаваемой – новой, нарядной.

Я долго бродил по Таганке. Исчезла возвышенность, дом снесен. На его месте поставили многоэтажный, с лифтом. Когда-то огромный двор превратился в симпатичный скверик. Все стало другим. Исчезло навсегда то, что сердце и память хранили годами. Хранили бережно, как самую дорогую реликвию... Милая, дорогая Таганка! Я приехал за три тысячи километров, чтобы вновь встретиться с тобой. Ты стала другой – молодой и красивой, но вчерашнюю тебя я люблю больше. Строгую, печальную, в военной форме. Разве я могу забыть, как ты провожала таганчан на фронт,

а затем вместе с нашими матерями, сестрами ждала наших отцов, старших братьев? Вместе со всеми ты оплакивала солдат, которым не суждено было вернуться в родной дом...

Уверен, что те, кто взялся за оружие и пошел защищать Родину от врага, любили тебя не меньше, чем своих матерей, жен и детей. И они не дрогнули, не пожалели жизней, чтобы и ты сегодня была именно такой – красивой, в изумрудном наряде и, конечно, счастливой... Может быть, ты вспомнишь меня? Я жил вот здесь, на месте многоэтажного. Помнишь март сорок пятого?

На улицах еще лежал снег. Визжа и улюлюкая, мчимся мы с высокого бугра. И редкие прохожие провожают нас взглядом. Самому старшему – Коське Голованову – тогда исполнилось семь, и мы ему очень завидовали, потому что он первым среди нас должен идти осенью в школу. Коськина мать, тетя Клава, работала поваром. Раз в неделю в любую погоду Коська выстраивал нас по росту, а затем серьезно и коротко командовал: «За мной!»

Замыкал строй Борька, хотя по росту он должен был идти вслед за Коськой. А замыкающим Борька стал вот по какой причине. Когда тетя Клава угощала нас чем-нибудь вкусеньким – сморщенным яблоком, сахаром, вареной свеклой, – у него хватало воли прятать лакомство в карман и съесть его позже, на виду у всех. Мы долго терпели. Но однажды первым эту пытку не выдержал я.

Борька с ухмылкой перекачивал в руке крохотное яблоко. Бросился я на него, сбил с ног. Катались мы по снегу долго, и когда, полностью обессилив, встали на ноги, то выяснилось, что яблоко куда-то исчезло. Устало-сти как не бывало. На четвереньках мы оползали, тщательно перерыли несколько десятков метров площадки, но... Борис громко заревел, слезы обиды выступили и у меня на глазах. Коська стоял в стороне и никак не реагировал. Он только как-то странно поглядывал на нас и дыханием отогревал покрасневшие от холода пальцы. Потом он медленно подошел к Борису и молча уставился на него. Борька, ей-ей, растерялся! Вытаращился, быстро заморгал. А Коська неожиданно так дал ему, что Борька кулем повалился в снег.

– Будешь еще дразниться, отколочу по-настоящему, – пообещал Коська Борьке и ушел домой.

Мы были уверены, что Коська больше не возьмет его с собой. Так думал и сам Борька. Но мы ошиблись. Когда настал день очередного похода и когда Коська подал команду, Борька, прикусив нижнюю губу, отошел в сторону. Но Костя повернулся в его сторону и сказал:

– Становись последним... Свое место займешь, когда пацаны простят.

И мы шли. Подходили к большому серому зданию, в подвале которого находилась столовая. Мы, конечно, всем сердцем завидовали тете Клаве, потому что она имела возможность каждый день дышать таким прекрасным воздухом – столовая пропахла кислой капустой, жаренной в масле мукой и еще чем-то.

У входа в столовую всегда сидел старик – не улыбочивый и неразговорчивый. А Коська – отчаянная все-таки голова! – без страха подходил к нему, что-то говорил и надолго исчезал. Мы стояли в стороне.

Молча. Да и о чем говорить, когда рот полон голодной слюны. Есть в эти минуты хотелось до головокружения... Вдруг – наши сердца одновременно вздрагивали и начинали стучать с такой силой, что на глаза надвигалась темнота – из дверей медленно выплывала тетя Клава, раскрасневшаяся, в белом халате.

В столовую мы проходили тихо, почти на цыпочках. Рассаживались осторожно за большой стол и замирали в ожидании главного. Из-за перегородки появлялась с металлическим подносом в руках тетя Клава. А на нем!.. Просто дух захватывало: вареная картошка, комки немного остывшей овсяной или пшеничной каши. И... мы никого больше не слышали и не видели.

Никто из нас еще не знал, что такое быть по-настоящему сытым. Чувство голода не покидало нас и во сне. Чаше всего снилась столовая тети Клавды либо что-то сказочное. Димка, например, плывал по морям на корабле, сделанном из хлеба. Ленка сгружал и продавал в магазине хлеб...

...Хоть война подходила к концу, однако она никак не повлияла на наш распорядок дня. Вставали мы по-прежнему затемно вместе с родителями. Наскоро что-то перехватывали, провожали матерей на работу и, возвратившись, начинали прикидывать, с чего лучше начать.

Первым делом я бежал на кухню, набирал ведро воды, ставил его вплотную к печке, чтобы к тому времени, как наведу порядок в комнате, она хоть немного потеплела. Наведя порядок, вымыв тщательно полы, посуду, я осторожно открывал грубоватую шкатулку, в которой сохранилась наша самая большая ценность – хлебные карточки. Прятал их глубоко в карман и бежал к соседке тете Нюре. Она инвалид. Мама говорила, что беда тети Нюры не в протезной ноге, – в болезни, называвшейся сахарным диабетом. Тетя Нюра мне нравилась. Всегда спокойная, ласковая, она иногда говорила непонятно. Например: «У вас, детей войны, добрые сердца. На вас можно будет положиться всегда и везде». Или: «Вы будете, хоть вас и мало, сильным, смелым поколением».

Пора идти за хлебом. Стучусь в двери Коськи, Борьки, Димки. Они уже готовы. У каждого в руках вместительные брезентовые сумки.

Выстояв длинную очередь, бегом возвращались домой. Я вручал тете Нюре полученный за нее ржаной ломтик с обязательным крохотным довесом, затем спешил к себе. Садился за стол, осторожно вынимал хлеб и долго смотрел на него влюбленными глазами. Я знал от мамы, тети Клавды, что на свете существуют более вкусные вещи – пирожное, шоколад, мармелад. И я, конечно, верил им, но в то же время меня одолевало сомнение – разве может быть еще что-то вкуснее хлеба?

Надо было обладать огромной силой воли, чтобы, испытывая нестерпимое желание есть, любоваться хлебом, нюхать, а потом отрезать от буханки ровно столько, сколько положено тебе. Ел медленно, смакуя. Сначала мякушку, затем корочку.

...О дне Победы мы узнали от Сергея Ивановича.

Мы со всей страстью гоняли по двору дырявый резиновый мяч, когда нас окликнул Сергей Иванович. Подбежали к нему, и наши рты невольно приоткрылись. Старик преобразился. Стал вдруг каким-то помолодевшим. Глаза блестят, щеки аккуратно выбриты, борода подстрижена, рубашка новая, сапоги начищены.

– Стало быть, малышы, конец войне. Германец бумагу подписал. Сдался, проклятый. По всем статьям, – на глаза Сергея Ивановича на-вернулись слезы, – пришел, мои милые, победный день. Настал-таки этот час... Слава тебе, матушка Россия! Нет на свете силы и врага такого, чтобы поставить тебя, родимую, и твоих сыновей на колени.

– Ура-а-а! Победа-а-а! – первым закричал Димка. Вслед за ним за-кричали и мы.

...Необычно рано с работы прибежала мама. Радостная, взволнованная, в руках у нее был большой сверток. Никогда я ее не видел такой красивой и счастливой. К маме на работу, оказывается, приходил отец, приехавший в Москву из армии на несколько часов. Он уехал обратно, пообещав скоро вернуться.

Из репродуктора лилась маршевая музыка. Мама кружила по комнате, прижимая к груди большую буханку белого хлеба. А я сидел за столом и ел, чередуя галеты с колбасой, хлеб со сгущенным молоком. Однако ел с оглядкой, зная, что съесть за раз все не годится. Надо не забывать о завтрашнем дне... Несколько минут спустя я мчался со свертками, предназначенными Сергею Ивановичу, тетям Нюре и Клаве.

Тетя Клава будто ждала моего прихода. Она усадила нас с Коськой за стол, налила в кружки чай и... Сердце мое сжалось, в горле застрял крик отчаянья: она каждому в кружку бросила по такому большому куску сахара, что его бы, даже не экономя, нам, пацанам, хватило дня на три! Я отхлебнул и вдруг учуял незнакомый доселе вкусный запах. На кухне, оказывается, жарилась картошка с мясом.

Впервые в жизни я сыт. Странное, удивительное состояние. Я чувствую, как меня окутывает очень приятная, теплая дремота. Голубые Коськины глаза тоже затуманились, на впалых щеках появился слабенький румянец. Мы поглядываем друг на друга и улыбаемся.

А праздник приближается. Он стучится в двери, окна и приглашает выйти во дворы, на улицы, площади. И не беда, что ты сегодня не можешь надеть новые туфли, платье. Сегодня можно петь, танцевать в любом наряде, потому что день необычный, долгожданный. Ты помнишь, хилая Таганка, тот день? В какие-то часы ты вдруг выпрямилась, помолодела. А по улицам шли тысячи людей – уставших, немного огрубевших, но счастливых. И среди них были наши мамы, соседи. Даже тетя Нюра, придерживая рукой неудобный протез, стояла рядом с Сергеем Ивановичем и смотрела широко раскрытыми глазами на поющих, танцующих под гитару и гармошку людей.

А когда в ночное небо столицы стремительно вонзилось бесчисленное количество разноцветных ракет, когда таганчане радостно взметнули над головой платки и шапки, мне показалось, милая Таганка, в эти для всех счастливые минуты ты с любовью и признательностью вспомнила тех, кого провожала в бой, кто был сейчас далеко, но сумел сдержать клятву: уничтожил лютого врага и вновь принес счастье, мир в каждый дом, в каждую семью.

Ты вспомнила меня, Таганка?

Седые, как ковыль, легенды...

Алексей ГВАРДИН

* * *

Как-то раз сотня бравых карликов
на исходе дождливой весны,
выпив рому на всех полшкалика,
ошутили вдруг жажду войны.

Тут припомнились им унижения
и обида за малый их рост,
и большое морское сражение
захотелось им дать аж до слез:

«Переделаем в брига мы ялики
и отправимся в дальний поход!
В каждый сядет по десять карликов,
то-то будет могучий флот!
Среди нас нет ни труса, ни слабого,
мы умением и числом
одолеем вражину всякого
и завяжем морским узлом!»

И победой своей одержимые
в неначавшейся той войне
допивали они содержимое,
что плескалось на самом уж дне ...

Не пришлось показать им, маленьким,
боевое свое ремесло –
растасили их жены по спаленкам.
Может, это их всех и спасло.

Алексей ГВАРДИН. Родился в 1965 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Член творческого объединения художников при Академии художеств Узбекистана, поэт, обладатель Государственной премии «OLTIN HUMO» – 2019.

О судьбах двух кобыл

У кобылы чистокровной
с баснословной родословной
чистота в конюшне и уют.
И чуть стертые подковы
поменяют на обновы
и гвоздями золотыми подкуют.

А когда по росам в поле
нарезвится она вволю,
фетром досуха бока ей оботрут.
И парчовую попону
спрыснут ей одеколоном
и копыта отшлифуют и протрут.

А случится, брюхо вспучит,
тот же час и самых лучших
ей ветеринаров приведут.
С ней нельзя никак иначе,
ведь она не просто кляча,
и поэтому лошадку берегут.

Знать она вовек не будет,
как кнутами хлещут люди,
удила ей губы не порвут.
Ей не знать работы черной,
ей дают овес отборный,
и что надо жеребца ей подберут.

А у клячи водовозной
позади возница грозный,
и бока ее ласкает кнут.
И бог весть, откуда силы
у заезженной кобылы...
но везет, а то ведь засекут.

У нее простая упряжь
и мослы торчат, как кукиш,
и подковы сношены на нет.
Для нее вся жизнь – работа,
хоть какая будь погода,
с самых ранних жеребьих лет.

Выходных она не знает,
об овсе и не мечтает,
а из украшений – лишь хомут.
И во сне ей не приснится
от него освободиться,
вот падет – тогда и распрягут.

А она мечтала в детстве
без хлыста, но при посредстве
первой быть с жокеем на спине.
Но напрасны сны и грезы,
если предки водовозы,
как она – такие не в цене.

Дагаз

Ночь. Безлюдие дорог.
Осыпаемые снегом
спят дома под белым небом,
как слова из длинных строк.

И кружатся в полусне,
и раскачивают стены,
бесконечностью рефрена
превратившиеся в снег,

шестилучевые тайны.
И петроглифом печальным
город-птица в зиму вмерз.
И идет сквозь снегопад
в никуда из ниоткуда,

как невиданное чудо,
что вершится наугад,
одинокий человек,
не отбрасывая тени,
медленно, как сновиденья
подо льдом текущих рек.
Он идет не первый век,
и никто не замечает,
что он каждый год слышит
с прошлым падающий снег.

Он невесть во что одет,
как закончившийся праздник...
и в следах его не гаснет
неба мартовского свет.

Гобелен

...сквозь лист последний, что под солнцем жухнет,
и мерлезоны призрачных поденок,
сквозь теплый запах глаженных пеленок,
вдоль звуков, доносящихся из кухни,
сквозь первый лед, который ломко тонок...
сквозь тишину, рожденную молчаньем,
степенным, словно золото этрусков,
по синусоиде полета трясогузки,
намекami, как будто бы случайно...
протянута по нервным окончаниям
стежками крупными невидимая нить:

трепещущимся мотыльково – жить.

... и ощутишь ее пульсацию
нечаянно
в переплетениях дождей, которым быть.

Леда

Задохнусь я, пьян от любви, – и тогда меня рви не рви
и гнeви меня не гнeви –
хоть по темени.
Яблоком-луной покачусь, и не жди, что вдруг постучусь,
я дождем в тебя просочусь –
ярым племенем.
Не поставлю ни одной запятой в своих жизньях – ни этой, ни той.
Сквозь тебя пролечу я ордой –
желтой теменью.
И вокруг тебя мир вращать буду я и звезды смешать,
а ты будешь жадно дышать
мятой-временем.
И в ладони твои упаду на беду твою и к стыду,
и воспримешь ты слов ерунду
как пророчество.
Стану я для тебя едой и твоей водою святой,
но всегда приходит не к той
одинокeство.
И тебе одной только знать – как в слезах проснувшись, искать
будешь ты меня и ласкать
пряность простыни.
И как пухом из крыльев снега горностаево лягут к ногам
в день, когда уйду в облака
ранней осенью.

* * *

Ее рабы носили на плечах
в раззолоченном легком паланкине.
И оды, что слагали при свечах,
она повелевала сжечь в камине.

Три сотни рыцарей пяти больших держав
ей руку вместе с сердцем предлагали.
Но всех она отвергла, возлежа
на шелковом расшитом покрывале.

Галдя, кружило в небе воронье,
сражались рыцари при поднятом забрале.
И все свои победы для нее
на копыта ожерельями низали.

Они в турнире бились за венец,
но их побед созвездие померкло.
Три сотни рук и столько же сердец,
заливисто смеясь, она отвергла.

Который год...

Который год серебряные слитки
не хочет отливать декабрь в срок...
давно уж осень хлопнула калиткой
померкло золото проселочных дорог.

А снега нет. Так, жалкая попытка –
присыпать слякоть улиц и души.
Похоже, что седая сибаритка
нам жертвует последние гроши.

А мы все ждем, хотя надежды зыбки,
как будто запаслись терпеньем впрок.
То снега ждем... то взгляда, то улыбки...
И ожидание застыло между строк.

А снега нет. Невелики убытки.
У нас треть века – изморось в крови:
Мы перестали получать открытки –
«квитанции» с признанием в любви.

Баллада

Да это было. Но было так давно,
что даже трудно все представить и поверить.
я совсем не знаю, кем так заведено,
Но полагается в легенды верить...

Еще дышали полной грудью те,
о ком сложили мифы и преданья,
и не трещало швами мирозданье,
и факелы пылали в темноте.

Еще закован в латы целый мир,
и не разбились корабли о рифы...
но и тогда кружили жадно грифы
над полем брани, предвкушая пир.

Да, было дело, разрешали спор
булатом. Жизнью дань платили
за поцелуй и за любимой взор,
и женщин на руках носили...

То было время доблестных мужей,
копьем наперевес врага встречали!
И подлоцов спускали с лестницы взашей.
Гербы носили, словно крылья за плечами.

Но было и тогда не сладко на душе,
а тот, кто хочет, пусть опровергает.
Но и тогда был яд. И лезвия ножей
вонзались в спину, сердца достигая!

Да, были и тогда предательство и месть –
из-за угла, случалось, убивали.
Но помнили и знали, что такое честь,
и в родники, как ныне, не плевали!

Но промелькнуло время крыльями стрижей,
ушел в былое бой с единорогом.
И кажется смешным теперь уже,
что свято верили в Любовь и в Бога ...

но почему-то не смеется мне,
а чудятся злаченые кареты
и свет свечи в зашторенном окне,
и бледный лик шекспировской Джульетты...

Но отпылали факелы, и отзвенел булат,
и проржавели шлемы и подковы,
ушло тепло дыхания из каменных палат,
где поселились воронье да совы.

И чтоб вернуть назад, рассыпавшихся в прах
бойцов турнирных, быть не может речи –
необратимо время. В легких шелковых шатрах
уже не плачут восковые свечи.

Позеленела кровь на ржавых топорах.
Но нет, не только кровью путь отмечен
Тех, кто, рискуя жизнью,
презирал и смерть и страх,
Тех, кто полег костями в жестоких сечах.

В бою трешали копья, и рукоять меча
В ладонь ложилась ладно и толково!
А кровь была все так же и красна, и горяча,
и переправы наводились снова...

Но пересохли реки, и рухнули мосты,
стоят как памятники крепостные стены.
И рыцарских мечей тяжелые кресты
покрыты славой и музейным тленом.

А дней давно прошедших седина и пыль
посеребрили древние руины.
И бродят, прикасаясь ним седые, как ковыль,
сказания, легенды и былины.

ДОСТОИНСТВО

Рассказ

Зульфия КУРОЛБОЙ-КИЗИ

Уже двенадцать лет они скитались по съемным квартирам. У мужа не было постоянной работы, он подрабатывал грузчиком на вокзале и, когда получал зарплату или калымил, напивался. А жена, чувствуя это, недовольно поджидала его на пороге.

– Ты опять напился? Ну когда ты подумаешь о детях, обо мне? Ведь ты скоро разоришь нас.

Чтобы не упасть, Санжар держался за дверь и бормотал:

– Сам зарабатываю, вот и буду пить, сколько хочу...

– Да будь ты проклят, слышался сквозь слезы голос жены. Так мы до конца наших дней будем жить на чужих квартирах.

Санжар оттолкнул жену и, освободив себе путь, прошел прямо в спальню, приговаривая:

– Нашла время о чем думать!

– А когда об этом думать, если не сейчас? – отвечала мужу Надира, входя следом за ним. Она не успела сказать ни одного слова, как муж вытолкнул ее и закрыл дверь. Он начал материться, обозвал ее потаскухой.

Стоявшая в коридоре Надира тоже начала его обзывать:

– Алкаш поганый, пьяница! Дома нечего есть, а эта тварь напилась, как свинья. Да чтоб ты отравился и сдох! Ты не думаешь о детях, которые ждут тебя дома.

Надира ругается, пока не скажет все, пока фонтан весь не иссякнет. В такие минуты, она не думает, что говорит. И наконец от безысходности начинает плакать в голос. Уставший, от ее слов Санжар прикрывает уши старыми пожелтевшими подушками в надежде не слышать ее.

На этом все не кончается. На следующий день, набравшись сил, она продолжает:

– И какого черта я вышла за тебя, что ты мне дал? Живу в чужих квартирах, арендую. Целыми днями в переживаниях, вдруг хозяйка явится...

– Ты что, меня лелеешь, обращаешься ко мне с уважением? – жалобно

Зульфия КУРОЛБОЙ-КИЗИ. Родилась в 1966 г. Окончила факультет узбекской филологии Джизакского педагогического института. Работает редактором в «Узбекино». Автор нескольких сборников рассказов, двух романов.

спрашивает Санжар, страдая от похмелья.

– Ты заслужи сначала это. Одну свою дочь и жену не можешь обеспечить, а требуешь уважения.

– Да чтоб тебя... огрызаясь, сквозь зубы процедил Санжар и ударил жену.

Этим успокоить Надиру невозможно, за двенадцать, нет, точнее за последние годы она привыкла к побоям, и любая пощечина, любой удар вызывали лишь гнев.

– Если не в силах обеспечить, давай разведемся! Меня еще вон какие замуж берут...

За последние пять-шесть лет такие семейные скандалы повторялись все чаще. Как только кончится дома масло или хлеб, или в школе опять денежные сборы...

А самое страшное начинается после прихода хозяйки – прямо мировая война. И все ссоры кончаются одними и теми же словами: «Да чтоб тебя... еще мужиком себя называет».

Санжар тоже мечтал жить, как и другие люди, в собственной квартире, в уютном доме и комфорте. Квартплата все дорожала и дорожала, хозяйка дома вызывала у него отвращение и казалась ведьмой. И каждый раз, когда она приходила за квартплатой, поджидая его у подъезда (хозяйка жила в соседнем подъезде), он избегал с ней встречи. В последнее время он стал раздражительным и нервным, отрывался на всех. Слушать язвительные слова жены у него не было сил, и чтобы заткнуть ей рот, он распускал руки, но все бестолку. Вместо того, чтобы успокоиться, она говорила ужасные вещи, и он был вынужден слушать ее упреки. Двенадцать лет тому назад он и представить себе не мог, что может поднять руку на свою жену, будет избивать ее. Черные, как ночь, кудрявые волосы Нодиры, длинные ресницы, красивые глаза и белоснежная кожа завораживали его. Он боялся к ней прикоснуться, словно она нежное создание, которое можно сломать одним неосторожным движением. Он был готов на все ради нее, всю свою зарплату приносил ей, работал допоздна, но денег все не хватало. Надира впервые о нехватке денег заговорила после рождения дочки.

– Дочка всю ночь проплакала, наверное, не наелась, – однажды сказала она, покраснев от стыда.

– А ты корми ее чаще, – ответил он, не глядя ей в глаза.

– У меня молока мало, я не наедаюсь, – ответила она, опустив глаза.

Он понял, что имела в виду жена и, потупив взгляд, сказал:

– Ты кормящая мать, ты должна есть все, что тебе хочется и не экономь деньги. От тебя зависит здоровье нашей малышки.

Нодира в ответ показала Санжару рецепт врача. Немедля он дважды сходил в аптеку и магазин за покупками, а на третий задумался, потому что у него почти не осталось денег. Он сказал жене:

– Потерпи немножко, мне скоро должны дать премию.

Он не назвал точной даты, потому что знал, что она будет ждать эту премию. А молодая и неопытная Надира тоже не спросила о сроке, а все ждала того дня. С этого все и началось: сначала с неловкостью и боязнью, потом с нагло каждый раз, когда речь заходила о премии, он отговаривался:

– Тебя что, кроме денег в этой жизни ничего не волнует, что ли?

Лучше бы родила еще одного или мы с одной дочкой проживем?

К этому времени набравшаяся опыта Надира нагло, без смущения отвечала мужу:

– Откуда взяться ребенку, если у нас нет денег на его содержание? – отвечая, таким образом Санжару, она и не подозревала, что теряет всю ту красоту, которую он ценил и любил в ней.

Он изо всех сил сдерживался, но со временем уже не мог. Первый раз, когда он пришел домой пьяным, она его непустила, а когда он силой ворвался в дом, стала выяснять с ним отношения, упрекая в нишете. Не выдержав, Санжар впервые поднял на нее руку. От неожиданного удара Надира потеряла сознание, упав ему под ноги. После этого случая у Санжара целую неделю болела рука. А Надира месяц не могла прийти в себя, обижаясь на него. И как бы он ни старался вымолить у нее прощение, ничего не помогало. Приносил весь заработок, но она не обращала на него ни малейшего внимания.

А теперь хоть пинай ее – не проймешь. Надира, как прежде, не обижается. Она уже привыкла к побоям, а если Санжар приходил домой с большой выручкой, забывала обо всем и вела себя так, будто ничего не было. Именно это и раздражало его. Ему хотелось, чтобы она обижалась на него, как прежде. Вела себя как в первый раз, когда она, прикрываясь маленькой дочкой, стыдливо сказала ему о нехватке средств.

Их отношениям не хватало прежней искренности, казалось, что-то липкое прицепилось к их семье.

Однажды, возвращаясь, домой с работы, он, как обычно, зашел в магазинчик у дороги, чтобы выпить и расслабиться. Правду говорят, что у нишего карманы большие, но пустые. Он поковырялся в них пару минут и, не найдя ни копейки, разозлился и нагрубил продавцу, который смотрел на него так, будто он виноват во всех его бедах. Плюнув, Санжар вышел из магазина и отправился домой.

Надира не сразу открыла Санжару. Увидев жену, он застыл от удивления, он так давно искал в ней эту искру блаженства. Ее щечки были румяными, а глаза... она смущенно избегала смотреть ему прямо в глаза. Он так давно об этом мечтал, и вот.... У него помутилось в голове от неожиданности. Она взяла у него верхнюю одежду и повесила на плечики в шкаф. Санжар не узнавал ее, ему казалось что это сон! И не хотелось просыпаться.

«Ведь можно же быть и без денег счастливыми», – и только собрался сказать об этом, как из кухни послышался голос хозяйки.

– А кто там пришел? Надира ты что притихла?

Санжару показалось, что на него вылили ведро холодной воды.

– Она пришла за квартплатой, устроила скандал, я еле успокоила ее и предложила выпить, – объяснила мужу Надира.

– Ты тоже выпила? – спросил он.

– Да, немного, чтобы успокоить ее, выпила за компанию.

Санжар пришел в ужас от такого ответа.

– Надира, – послышался голос из кухни.

– Да, да, уже иду! Может, ты тоже присоединишься к нам? – предложила Надира. Он пошел за ней, сам того не желая. Несмотря на

опьянение, хозяйка попыталась встать с места и, покачнувшись, села. Ему стало не по себе, он боялся, что она потребует деньги за аренду квартиры. Будто угадав его мысли, она сказала:

– Не бойся, сегодня я не буду заводить разговор о деньгах, у меня отличное настроение.

«Если не сегодня, то завтра, все равно спросишь», – подумал он, а вслух, чуть шевеля губами, произнес:

– Ну, мы ведь благодарны Вам, ведь благодаря Вам мы здесь живем.

После нескольких глотков вина, которое стояло на столе, он начал хвалить ее. Вы мужик, настоящий мужик! Таких как вы, на свете мало. Некоторые мужики не годятся вам в подметки.

– Хвали, хвали, только не забудь в конце этого месяца заплатить за квартиру. Ты меня понял?

– Может, еще по маленькой, давайте вашу рюмку...

Вставая из-за стола, тетя Тамара отрицательно покачала головой. Нет, спасибо, милая, все было очень вкусно, хоть и без мяса,—сказала гостя, Надира посмотрела на мужа, он кожей почувствовал ее резкий взгляд.

Прошло три недели.

Однажды, часов в 11 ночи, постучали в дверь. Посетитель был явно не в настроении. Выбежавший в одной пижаме Санжар увидел на пороге хозяйку и онемел, а та, не переставая стучать в дверь, требовала срочно расплатиться за квартиру.

Санжар повторял:

– Я же сказал, что расплачусь!

– Ну, тогда расплатись прямо сейчас, уже полгода как ты вешаешь мне лапшу на уши.

– Я сегодня заплатил за электроэнергию, теперь...

Тамара не дала договорить Санжару.

– Ну-ка, быстро освободи мою квартиру! Кого ты хочешь одурачить, а ну, кому я говорю?! Освободи, или я вызову милицию и скажу, что вы обманным путем хотите заполучить квартиру бедной и одинокой старушки. Я тебе покажу!

– Ну, потерпите еще неделю, прошу вас...

– Ишь, чего захотел, нет, ты мне все заплатишь, прямо сейчас, хватит с меня!

– Но... но у меня нет сейчас таких денег, это чистая правда.

– Освободи квартиру!

Оттолкнув его, она прошла в дом и начала ковыряться в карманах его одежды, висящей в коридоре.

Санжар застыл, как статуя.

Стоявшая у дверей спальни Надира готова была провалиться сквозь землю от стыда.

Не найдя в карманах ни гроша, Тамара с отвращением посмотрела на Санжара и произнесла сквозь зубы:

– Алкаш... Все, что заработал, пропилил, алкаш чертов! Я догадалась об этом еще днем, когда увидела тебя. До утра тебе срок, найди деньги.

Она, не успев высказаться до конца, как тут подошла к ней Надира,

внезапно проснувшись из-за скандала.

– Пойдемте на кухню, пойдемте! Я приготовила ваши любимые пирожки. Ну, пожалуйста, я прошу Вас, мы все оплатим, до копейки, я обещаю Вам. Куда же мы денемся?!

Надира почти насильно потащила хозяйку за стол. Тамара попыталась сопротивляться, но напрасно. Ей пришлось сдаться. Надира открыла старый холодильник и выставила на стол все, что было в нем, даже дешевые конфеты.

— Может, выпьем за здоровье, – предложила она хозяйке.

Та, сначала не соглашалась, но, подумав, дала согласие. Надира пулей выскочила на балкон, через некоторое время вернулась с бутылкой вина в руках.

– Милый, может, ты присоединишься к нам, – послышался веселый голос Надиры через десять минут.

Через минуту его позвала Тамара. От ее грозного настроения не осталось и следа.

После нескольких глотков компания потеплела. Завязался разговор. Бутылку опустошили быстро, Санжар отправил жену в магазин за выпивкой. Тамара, вынув из внутреннего кармана платья деньги, швырнула их Надире в лицо со словами:

– Пить так пить! – громким смехом поддержал Санжар.

Надире было страшно выходить на улицу одной, она разбудила дочку и с сонным ребенком на руках, пошла в магазин.

После выпивки разыгрался аппетит и до возвращения Надиры, принесшей три бутылки, Санжар пожарил картошку. Открыли бутылку вина, в этот раз Надира присоединилась к ним. О чем бы они ни говорили, все кончалось разговором о деньгах. После второй бутылки Санжар начал жаловаться на свою ничемную жизнь.

– Я вкалываю сутками и никакого толку, не знаю, что такое отдых, пашу как вол.

Тамара посоветовала:

– Пусть жена работает, а ты отдыхай.

В комнате стало душно, пот лился градом, будто таял снег...

– Да что ты говоришь, она же без образования... кто ее такую на работу возьмет? Она еле доучилась до восьмого класса, куда ей работать?!

– Ну, тогда парень тебе повезло...

Не ожидая, что за ней будут ухаживать, она наполнила свой стакан, выпила одним глотком и поставила на стол.

– Да что за жизнь!

От ее восклицания Санжар испугался, вдруг опять попросит денег...

– Мне тебя не жалко, – продолжила она. – Мне жалко Надиру, жену твою. Ты мужик, твоя судьба на улице. А она... Ты посмотри на свою жену: ей и тридцати нет, а выглядит на все сорок! Жалко женщину...

Санжар, уставившись на полупустую бутылку, даже глазом не моргнул.

– Я к вам часто захожу, и когда ты дома, и когда тебя нет, и всякий раз жена твоя угощает меня едой без мяса. Что за жизнь?

– Ну, не до такой же степени... – Санжар почувствовал, что ему душно, и расстегнул воротник рубашки.

– На твоём месте я дала бы ей шанс поработать. Сказав это, она с гордостью посмотрела на Санжара. И ты бы уже давно жил, как другие, в достатке. Или, хотя бы мясо было.

– Да что вы прицепились к этому мясу? – Санжар полупьяно всматривался в хозяйку.

– Оказывается, ты ругаешь жену за то, что она не рождает! Если она не может досыта поесть, как ей рожать, а?

Выражение лица Санжара изменилось, она попала в точку.

Посмотрев на жену, он спросил:

– Вам захотелось мяса?

Надире стало не по себе. Она пожалела, что впустила Тамару в дом.

Санжар, наполнив свой бокал, выпил и налил Тамаре. Она выпила, поставила бокал и сказала:

– Нравится, пить за чужой счет?

– Ну, я тоже давал деньги, – заметил Санжар.

Не обращая внимания на его слова, хозяйка продолжила:

– Мой тебе совет! Оставь жену в покое, и ты увидишь, как она будет зарабатывать и вас обеспечивать.

– Не понял, – недовольно, сквозь зубы, сказал Санжар.

– Да, чего ты не понял? Она будет зарабатывать! Если не знаешь, то учти, что женщина может зарабатывать больше, чем мужчина, а то как бы я по-твоему, купила две квартиры на свою вдовью голову?

Санжар устремил глаза на почти опустевшую бутылку и зло произнес:

– Ах ты, да чтоб тебя!

– А что я такого сказала, ты признай, что не можешь их обеспечить, и понаблюдай, как она будет зарабатывать. Вот тогда узнаешь, как надо жить...

Я сама ей найду классного мужика! С этими словами она повернулась к Надире и, посмотрев на нее, продолжила:

– Ты сможешь просить у него что угодно – он все выполнит! Только тебя надо немного преобразить, ну это... дорогие духи, платья, косметика и пр.

– Ах ты стерва, дрянь паршивая! А ну-ка, быстро выметайся отсюда! – стукнул кулаком по столу Санжар.

Тамара конечно, и не подумала никуда уходить, даже с места не двинулась:

– Да что ты так разорался?

– Вон отсюда, я сказал!

– Сам выметайся! Ты забыл, что это моя квартира. Я тебе правильную дорогу указываю, хороший совет даю, а ты... Вон, посмотри на жену, она молчит, а ее глаза, какие красивые... Этими глазами она может любого свести с ума, очаровать любого мужика.

Вспыхнувший от ненависти Санжар начал швырять в нее, что попадало под руку: пустую бутылку из-под вина, что-еще и последнее, что он швырнул в нее – это табуретка, сделанная из ореха и принадлежащая хозяйке. Последнее, что успела сказать Тамара, это:

– Все, мне конец!

Через некоторое время Санжар пришел в себя от крика жены.

– Что ты натворил? – Дрожая от ужаса Надира, рыдая, все повторяла один и тот же вопрос...

Он был в шоке, ничего не понимая. Через минуту пришел в себя и, увидев лежавшую на полу мертвую женщину, понял, что натворил. «Так ей и надо», – подумал он. Увидев дрожащую Надиру, крикнул:

– Что ты тут делаешь, пошла вон отсюда!

После ухода жены он осмотрелся, решив проверить, жива ли хозяйка. Подошел, потрогал пульс, проверил дыхание и, убедившись, что она мертва, хотел закрыть ей глаза, но не смог. Он вытащил холодеющее тело на середину столовой и до утра просидел над ним.

На следующий день он пошел в ближайшее отделение милиции и сознался в убийстве.

Перевод с узбекского Наргизы Ибрагимовой.

Наргиза ИБРАГИМОВА. Родилась в Навои в 1982 г. Окончила магистратуру при ТГПУ им. Низами и аспирантуру при УзГУМЯ. Литературовед, переводчик.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ И ОДИН ШАГ...

Рассказ

Мунира БАБАЯРОВА

Зачем терзать себя всевозможными диетами, когда можно, не отказывая себе в удовольствиях, просто побольше гулять. Десять тысяч шагов ежедневно – и ты стройна, как кипарис. Хорошо. Я отсчитала пять тысяч – до больницы у моста и обратно, итого десять.

Погуляла несколько дней – надоело. Стала просто, засекая время, ходить куда глаза глядят. Заглянув за многоэтажки, что выстроились вдоль дорог, я открыла для себя столько чудесных улочек с частными домами! Сейчас таких уже много. Выкупаются два-три старых дома, и на их месте вырастает чудо.

«Какая красота!» – заглядывалась я на очередное творение. Пусть я не живу в таком доме и вряд ли буду, но рада за тех счастливых, которые там обитают.

Эта улица уже вся была застроена дворцами. Она утопала в тени старых ветвистых деревьев, которые здесь никто не смел уродовать.

В глаза бросился светло желтый дом, весь в лепке с щедрой позолотой. Он стоял впритык к дороге, нарушая ряд, словно смело шагнувшая вперед находчивая блондинка, хвастающая своими украшениями. Напротив демонстрировал свои формы смуглый красавец с темно-коричневыми стенами, украшенными на верхнем этаже пузатыми балкончиками.

«Англичанка», – разглядывала я следующий узкий дом – башню, зажатую вальяжными соседями и высокомерно вытянувшуюся вверх своими тремя этажами. Отделка фасада, словно белоснежные манжеты, газон внизу безукоризненно бархатно-зеленый...

Приостанавливаясь, я разглядывала каждый дом, не в силах отдать предпочтение. «Буду приходить сюда каждый день», – решила в конце концов.

Задерживаясь, я стала замечать в домах признаки жизни. Из распахивающихся ворот выезжали машины, слышались детские голоса. Красивые и совсем некрасивые женщины сидели за рулем или рядом с холеными мужчинами. Все как обычно – не небожителей скрывали нарядные фасады.

Наконец выбрала победителя. Мой любимец стоял последним в ряду

Мунира БАБАЯРОВА. Родилась в 1960 г. в Ташкенте. Окончила УзГИФК. Работала в профсоюзных ДСО, в системе автотранспорта и связи. Публиковалась в газете «Леди», журналах «Звезда Востока», «Восток свыше», литературных альманахах.

и связан был, по-видимому, с Питером – настолько последовательно выдержан стиль. Никаких купеческих излишеств: две белые колонны, строгая отделка окон и высокой двери. И, что примечательно, парадное – отдельно. Ворота прятались в торце дома, не портя фасад.

Я ни разу не видела, чтобы из дома кто-то выходил. Если бы из ворот выехала карета, запряженная парой лошадей, а в дверях показалась хорошенькая горничная в белоснежном переднике, я бы нисколько не удивилась. Захотелось прийти сюда вечером, когда, наверняка освещенный изнутри, возможно свечами, наполненный голосами обитателей, дом уже не будет выглядеть таким таинственным, или, наконец, обнаружится какая-то тайна.

Напротив моего питерца скромно располагался ничем не примечательный двухэтажный сосед. За его решетчатыми воротами виднелось несколько плодовых деревьев. Маленький сад. Боковым зрением я замечала, что там всегда кто-то сидит, но, не оглядываясь, проходила мимо.

В тот день именно здесь у меня отвалилась подошва от шлепанца. Трешину в платформе я заметила давно, но каждый раз надеялась, что еще потерпит. От досады хотелось выразиться вслух, но мысль, что и сегодня там, быть может, кто-то сидит, меня сдержала. «А домой можно добраться и босиком, ничего страшного!» – тут же успокоила себя я.

Выбросить шлепанцы было некуда, оставить на дороге – неудобно. Кряхтя, я наклонилась, чтобы подобрать их. Солнцезащитные очки поползли вниз. Придерживая их, я выронила кошелек. Испугавшись, что разобьется сотовый телефон, я дернулась, выпустив из рук очки. Получилось как в цирке – не успеваешь поднять одну вещь, тут же вываливается другая. Наверное, со стороны это выглядело смешно. И надо мной смеялись. Хотя скорее это был не смех, а какой-то скрип.

В кресле сидел «противный старикашка», как я определила незнакомца с первого взгляда. Маленький, плешивый. Я хотела рассердиться, но, не выдержав, рассмеялась и сама.

Он не пошевелился, не предложил помощь, а смотрел на все как на забавное представление. Другой на его месте вынес бы какой-нибудь пакет, но, видно, это был не тот случай. Пришлось, взяв все в охапку, молча удалиться.

Два дня я плутала по новому маршруту, а потом свернула на прежний. Проходя мимо, оглянулась на сад. Никого. Только несколько мягких стульев на траве. А когда возвращалась, увидела женщину в белом. Заметив меня, она подождала, когда я подойду ближе.

– Здравствуйте – поздоровалась она.

Я ответила, не останавливаясь.

– Извините, можно вас на минуту? – распахнула она калитку. – Зайдите, пожалуйста.

Я остановилась в нерешительности. Бросив взгляд на плотно закрытые окна, я, как всегда, понеслась за своей неудержимой фантазией.

«Вот так люди пропадают, – рассуждала про себя. – Никто из моих близких понятия не имеет, где я гуляю, и меня вряд ли найдут. Прохожих вокруг не видно, значит, и свидетелей не будет. Закроют вот в этом подвале, и буду я биться в глухих стенах, представляя, как мимо проходит мой сын, чувствуя, что мама где-то рядом...»

Или вот еще: старик – вампир. Поэтому всегда сидит в тени – солнца

боится. Ему необходима свежая кровь, и я очередная жертва...»

Пока я находила объяснение, почему очередная жертва не прекрасная юная девушка с молодой кровью, а упитанная пенсионерка, меня ласково зазывали в сад.

– Меня зовут Лола Кахрамоновна, – представилась женщина в белом, – а вы...

– Дильдора.

– Очень приятно. Очень, – подчеркнула она как-то радостно.

Вблизи она оказалась не такой уж молодой, но вполне симпатичной. Подкрашенные губы улыбались, а глаза изучающе скользили по мне. Теряясь в догадках, зачем я понадобилась этой женщине, я заметила камеру над входной дверью и решила—дальше не пойду.

– Ну что же вы, не бойтесь, – почти рассмеялась женщина, обнажив белоснежные, как у девушки, зубы.

«Стоят, наверное, миллионы», – подумала я.

– София! – повернулась она к полуоткрытой двери.

Показалась инвалидная коляска со знакомым стариком. Оказывается, он сидел не в кресле. Это я разглядела теперь, когда София подкатила коляску.

– Папа, вот та самая женщина, ее зовут Дильдора, – слегка наклонилась к старику женщина.

– Здравствуйте, – что-то слишком уж радушно заулыбалась София, низкорослая пожилая женщина в белом колпаке и медицинском халате.

Обе женщины крутились вокруг старика, устраивая его поудобнее, а он бесстрастно смотрел на меня, не отвечая на приветствие.

Мне не очень была приятна и понятна моя роль. Вернее, все как раз ясно: меня позвали исполнить какую-то прихоть полоумного старикашки, даже не спросив согласия.

Очевидно, назвавшаяся Лолой Кахрамоновной женщина почувствовала мое настроение и, приблизившись вплотную, быстро заговорила о том, что папа очень болен.

– Вы ему понравились, поговорите с ним. Только попейте чай и все. Пожалуйста! – умоляя, коснулась она моей руки.

Мне стало неловко, я сослалась на то, что у меня нет времени. Тогда она объявила, что меня отвезут в любую точку города после одной чашечки чаю и тихо предложила деньги, от чего я сразу отказалась.

Появился маленький столик. Чайный сервиз, фрукты.

«Не надо, не беспокойтесь», – хотела я остановить засуетившуюся Софию, но взгляд упал на большую вазу с пирожными, и я, почувствовав себя Винни пухом в гостях у кролика, смущенно промолчала.

Дочь старикашки разлила чай в три чашки, пригубила из своей и молча удалилась, оставив нас одних. Старик сидел неподвижно и смотрел на меня.

«Разумеется, все это не отравлено», – убедила себя я, не собираясь просто сидеть и смотреть на все это великолепиие, и быстро запихнула в рот конфету. В изящном чайнике искаженно отражались моя кудрявая голова и круглые щеки.

«Вот так я худею», – надкусила я пирожное, не поддаваясь укорам совести.

Старик продолжал молчать, глядя на меня.

«Надо бы ему что-нибудь сказать для приличия, – промелькнула мысль в нахлынувшем блаженстве. – Камера все снимает», – напомнила я себе и приостановилась, чтобы перевести дух.

Вокруг узких глаз старика поползли сухие морщинки. «Вот чего тебе надо!» – улыбнулась и я, вспомнив, как Брежнев, которому запретили пить, наливал водки своему водителю и смотрел, как тот пьет. «Да пожалуйста! Получи фашист гранату». И я уже без всякого смущения принялась за рожочку из нежнейшего крема.

– М-м-м, – прикрыла я глаза, изображая блаженство.

Мои подруги говорили, что смотреть спокойно, как я ем, невозможно. «Тебе надо работать в рекламе пирожков. Выпечка будет разлетаться мгновенно».

– Так вкусно, – призналась я честно, словно оправдываясь, подливая себе чай в почти невесомую изящную чашку.

– Угошайтесь, – услышался тихий голос старика

Я чуть не поперхнулась: так он не немой!

Мне стало неудобно, но все равно хорошо. Я откинулась на спинку стула, и тут меня понесло. После вкусного обеда или животворного десерта вдохновение – не редкость.

Я рассказала о том, что нафантазировала, когда меня сюда пригласили. Сгущая краски... Морщинки снова собрались вокруг теперь уже смеющихся глаз.

– Это пирожное страдает от одиночества, – выдержав паузу, продолжила я, указывая на оставшееся от моего пиршества, – оно с кислинкой в креме, а вот это – пирожное-мужчина. Нарядный пижон.

– А может, красавица или разряженная старая дева, – услышался мужской голос из двери.

– Нет, – тут же возразила я, – здесь только свежая молодежь.

Вот бывают же люди, которых сразу замечаешь в толпе и которые одним приветствием способны расположить к себе.

К нам подошел невысокий молодой мужчина. Смуглый, подтянутый. ничем особо не выделяющийся: белозубая улыбка, цепкий взгляд черных глаз из-под густых сросшихся бровей, уверенность в себе, какой-то задор.

– Все свежее, – влилась в разговор Лола Кахрамоновна. – Дильдорочка, это мой любимый зять Аскар, – представила она мужчину, который без приглашения сел на свободное место и с любопытством разглядывал меня.

Я поняла, что за мной наблюдали. В дверях показалась белая шапочка Софии.

– Это мужчина, – ложечкой продемонстрировала я твердые бока корзиночки, – а эти – девчонки, – махнула на мягкие бисквиты.

Засмеялись все, кроме старика. В присутствии молодого мужчины он принял непроницаемый вид.

– Ну-ка, попробую эту девочку, – потянулся мужчина за пирожным.

Мой взгляд упал на его ручные часы, и я посмотрела на хозяйку дома: похоже, уже и без меня было кому развлекать старика.

Чувствуя настрой отца, она не смеялась над шутками зятя и согласилась, что мне уже можно удалиться.

На предложение зятя подбросить меня, она категорически возразила, сказав, что меня отвезет Шухрат, водитель. Тут запротестовала я, объявив что по утрам хожу пешком. Ситуация разрешилась, и, попрощавшись с компанией,

я вышла из калитки, с контейнером с оставшихся «девчонок», который быстро и категорично сунула мне София.

«Вот расскажи кому – не поверят», – думала я, с удовольствием представляя, как удивятся подружки и решат, что я опять все выдумала.

Меня окликнула и догнала хозяйка, чтобы спросить номер телефона. С одной стороны, приятно чувствовать внимание (оправдала надежды!), а с другой... на меня пахло чем-то полузабытым и унылым – ошущением, которое возникало, когда на работе объявляли, что завтра субботник... Дело добровольное, но попробуй не приди.

– С жиру бесятся, – быстро поставила диагноз моя красноволосая соседка, выслушав рассказ и доедая бисквит. – И что, пойдешь еще?

– Не знаю...

– Не сектанты ли? Подозрительно как-то. Знаешь, как они умеют завлекать!

– Да брось, – беззаботно отмахнулась я, – мы ни о чем таком не говорили, брошюры мне не подсовывали. Я просто сидела, лопала пирожные и несла всякую чушь.

– О чем?

– О себе.

– С ума сошла?! Они усыпляют твою бдительность и все о тебе узнают.

– Да на что я им? Пенсионерка, у меня ничего нет. Я для них просто временное развлечение для скучающего старика. Пока сижу с ним, София отдыхает, Лолу я сегодня вообще не видела.

– Так ты туда уже не раз ходила?

Я почувствовала, как краска заливает лицо.

– Неделю уже работаю. С утра звонят и зовут. Я и иду.

Соседка с недоумением посмотрела на стол.

– Эти пирожные уже видеть не могу, – приснула я, – представляешь?

На следующее утро идти в гости мне не пришлось. Лола Кахрамоновна позвонила и предупредила, что отца везут на какие-то процедуры.

– Ну вот и кончились мои приключения, – успокоила я свою любознательную соседку, подумав, уж не она ли сглазила?

Все кончилось гораздо быстрее, чем я ожидала. Каждый раз я шла и настраивала себя на то, что это последний визит. Зачем привыкать, но, как выяснилось, привыкла.

Возвращаясь домой, я раздумывала, что бы рассказать молчаливому другу завтра. Хотя другом его назвать язык не поворачивался. «Противный старикашка», – только так я называла его про себя. Он всегда был опрятно одет, от него не пахло лекарствами. Но его холодность отталкивала. В мыслях я старалась оправдать его: возможно, он испытывает страдания, устал от всего и т. д. Но все попытки проникнуться к нему хоть какой-нибудь симпатией были безуспешны. Я не любезничала с ним. И без меня было кому суетиться.

Через несколько дней раздался звонок, и знакомый голос вновь пригласил меня в гости. Я не смогла скрыть радости, почувствовав, что и Лола Кахрамоновна тоже улыбается.

– Мы не забывали о вас, до завтра, дорогая, – слышались ласковые нотки в голосе женщины, к которой я уже испытывала глубокую симпатию.

Я шла, предвкушая момент, когда прочитаю акrostих, посвященный ей, тонкой, выдержанной. В ней было то, чего так не хватало мне, – мудрость, такт.

Она улыбалась, поджидая меня у калитки. София стояла у кресла. Поздоровавшись со всеми, я протянула сложенный вдвое белый лист бумаги.

Хозяйка пришла в восторг от прочитанного, как мне показалось, вполне искренний. Призналась, что это первые стихи, посвященные ей. Однако и мне приготовили сюрприз.

В коробке лежали красивые босоножки. Мне стало неловко, с первого взгляда было ясно, что обувь дорогая. Ноги в дешевых шлепанцах горели от стыда, а щеки – от удовольствия. Отказываться было неудобно... По словам хозяйки, она долго выбирала то, что понравилось бы мне.

Итак, после небольшого перерыва я снова приступила к своим обязанностям. Честно говоря, с удовольствием. И не потому, что соскучилась по сладостям и дорогим фруктам. Мне нравилась не только щедрая дочь хозяйки, нравились уютная обстановка, красивые вещи, нарядный стол, ухоженный сад, даже молчаливая София, а больше всего – зять. Словом, нравилось все, кроме причины моего пребывания здесь – противного старикашки.

Даже когда мы с его дочерью на его глазах обменивались подарками и любезностями после разлуки, он ни разу не улыбнулся – хотя бы из вежливости. Сидел бесстрастно, как желтая мумия.

Лола Кахрамоновна разливала чай, а я уже знала, что последует за этим. Она уйдет, и я снова останусь наедине со своим «сокровищем». А так хотелось посидеть веселой компанией! Спросить про зятя не решилась. Уже не зная, как задержать ее, я произнесла первое, что пришло в голову:

– А знаете, какой национальности была стрекоза?

Женщины посмотрели на меня с недоумением

– Из басни, – пояснила я.

Лола Кахрамоновна прыснула:

– Дильдорочка, вы неподражаемы!

Она не ушла, присела около отца и с улыбкой ждала ответа. И меня это вдохновило. Прислушиваясь, выйдет ли еще и он, я начала:

– Думаю, она была восточной женщиной.

– Почему? – заинтригованно приподняла брови хозяйка.

– «Коня на скаку», «в избу войти», – не про нее. Пришла на все готовое и тут же «прокорми да обогрей». Подкрашенная, в мини-юбке.

– Что-то не припомню у Крылова про мини-юбку... – словно из-за распахнувшегося занавеса, на сцене появился Аскар. Приветствуя меня, он уверенной походкой прошел и уселся за стол.

«Ну наконец-то!» – обрадовалась я встрече.

– Она хороша собой и знает себе цену, – продолжала я, ликуя, предвкушая словесную дуэль, – ведь она же не спросила: «Вам уборщица не нужна?», ясно же, на что намекала.

– А муравей? – принимая чашку с чаем и глядя на меня, спросил молодой мужчина с лукавой улыбкой.

– А он не дурак. Говорит: «...поди же, попляши», – на ножки ее хотел посмотреть!

Зять громко рассмеялся.

– У вас тут я вижу женский клуб открылся, или нет – литературный салон. Дедушка не скучает, – бросил он взгляд на старика.

Тот, как всегда, сидел без эмоций. Зятю это было безразлично, а дочь напряглась. Я видела, как она достала мой акростих, очевидно желая прочитать его зятю, но, взглянув на отца, остановилась.

– А вы не пробовали писать? – зять смаковал ароматный чай.

– У меня есть кое-какие записи, но так... несерьезно.

Я была польщена и почувствовала, как краска удовольствия заливает лицо.

– Напрасно. Что вам мешает? Если есть ресурсы, их надо задействовать. Вы же не работаете.

А действительно. Ведь у меня уйма времени. И на что я его трачу? И на что я трачу свои способности? Развлекаю окружающих...

– До пенсии я всем сотрудникам на праздники и дни рождения писала стихи. И хоть бы копейку кто дал – пошутила я, ожидая очередного взрыва смеха.

Но зять не смеялся. Посмотрев на часы и поблагодарив за чай, он поднялся и вполне серьезно, как учитель школьнице, дал наставление:

– Пишите, у вас получится.

Провожая меня, Лола Кахрамоновна вновь вспомнила об оплате. Я, почти обижаясь, отказалась.

Она кивнула, хотя в глазах ее промелькнула некая озабоченность. Пробежалась взглядом по моему наряду, решив, что расплачиваться придется подарками, хотя деньгами было бы проще.

Странные люди. Принято считать, что состоятельные люди рвачи и хамы, шепетильностью не страдающие. Но нет, не все. Вспомнила, как презрительно – «низкими» – мама называла определенную категорию людей. Это о тех, кто вырос в дырявых башмаках, но стоило у них появиться в кармане рублю, как они начинали из себя что-то изображать. Можно и в рубище не терять своего достоинства.

В жизни я встречалась с пробившимися из низов людьми, которые отыгрывались на окружающих за все свои унижения. Что может быть ужаснее деспотичного начальника? Только деспотичная начальница!

«Да здравствует пенсия и свобода!» – в очередной раз торжествовала я, вспомнив, сколько нежелательных людей ушло из моей жизни сразу и навсегда.

«Нет, это не нувориши, – размышляла я, глядя на благородный облик Лолы Кахрамоновны. Мне нравились ее высокая аккуратная прическа, манера одеваться, вежливая улыбка и легкий наклон головы, когда она о чем-то спрашивала собеседника... – Нет, это не только хорошее воспитание. Это благородная кровь», – заключила я, решив уже остановиться, а то у меня всегда так: восхишаюсь кем-нибудь, начинаю «творить кумира», а дальше, как правило, следуют разочарования.

На следующий день в нашей компании случилось пополнение.

– Поздоровайся, – хозяйка вывела из двери толстенького мальчика.

Чистый хомячок. Черные бусинки глаз, мохнатые сросшиеся бровки, нос и маленький рот, стиснутые круглыми щечками, сразу выдавали, кто папа.

– Это мой внучок, – гордо улыбнулась бабушка, – Азизбек, обними

дедушку, спроси: «Как ваше здоровье?»

Он приблизился к коляске и виновато опустил голову. Затем обнял старика и тяжело вздохнул.

Старик строго смотрел на правнука, но ни о чем не спрашивал.

Воспользовавшись этим, дочь продолжила:

– Теперь поздоровайся с тетей.

– Здравствуйте, – не глядя на меня, послушно исполнил наказ хомячок.

– Ладно, идем, – не дождавшись от отца ни слова, хозяйка поторопилась увести свое сокровище в дом. И вовремя.

– Лентяй, – все-таки выдавил из себя старик.

Я уже не улыбалась, догадываясь об очередной семейной тайне. Лола Кахрамоновна любила своего зятя, это чувствовалось, но она вела себя с ним не как теща. Ласково, как со всеми, но с чувством какой-то вины. По некоторым фразам я догадалась, что она просила помочь одному из братьев. Второй, как потом выяснится, уже давно жил за границей.

«Богатые тоже плачут», – вспомнилось глупое название старого сериала.

Замелькали мои рабочие дни. Уже и сын, и все подруги знали, что я ввязалась в какую-то авантюру, хожу в какой-то «клуб».

Пусть говорят, что хотят, – отмахивалась я, словно увлеченный новой игрушкой ребенок. Дело дошло до того, что я, ничего не приготовив сыну на ужин, убежала на работу.

– Тебе там лучше, чем дома? – спросил он.

– Ты с ума сошел! Понимаешь, я хожу туда... ну... они словно герои романа. Я, наверное, о них напишу. Ну, может, и не о них, но материал интересный.

Вся моя скромная пенсионерская жизнь подчинена была этим двум часам. Я отказалась от походов с соседкой в бассейн. Сын уже не спрашивал, куда я иду иногда и в воскресные дни. Подруги потеряли меня.

«Соскучились по клоуну, – понимала я – сколько же времени я на них трачу, выслушивая их обиды на мужей, детей, любовников, словно я сливная яма с большими ушами...»

Возвращаясь «с работы», я начинала планировать, что буду рассказывать завтра.

Мы читали какой-нибудь роман или рассказ, в какой-то момент старикашка подавал знак, и я захлопывала книгу. А дальше начинала фантазировать, направляя сюжет в совершенно иное русло. Но непременно с хорошим концом. Как ни старался старикашка вновь вернуться к оригинальному сюжету, я выкручивала на счастливую развязку.

София теперь не уходила, слушая выдуманные истории, Лола Кахрамоновна с радостью наблюдала за оживившимся отцом.

Мадам Бовари у нас не только осталась жива, но и после годового вдовства вышла замуж. Дочь Дженни Герхард выросла и осчастливила маму хорошенькой внучкой. Эсмеральда... О наша любимица Эсмеральда! Несмотря на упорное сопротивление старикашки я мало того что не позволила ей умереть, но и открыла ей глаза на негодяя Феба! Когда дело дошло до Квазимодо, которому вообще можно было бы сделать пластику лица, мой противник сдался и предложил ничью, после чего мы единодушно решили

оставить бедного Гюго в покое и перейти к современным авторам.

Все восхищались моей неистощимой фантазией, но я жаждала услышать похвалу от моего героя – от Аскара.

Он часто отлучался из города по делам. Все ждали его возвращения, но я, наверное, больше всех.

«Любимая» соседка поймала меня у моей двери. Пришлось пригласить ее в дом и рассказать про свои дела.

– Ну, блин, прям Шехерезада!» – высказалась она и тут же поинтересовалась: – И сколько тебе платят?

Про зятя рассказывать не стала. Будь я помоложе, можно было бы сказать, что влюбилась. Хотя я действительно была влюблена. Но не как в мужчину, а как в интересного человека.

Входя, он словно заполнял собой пространство. Вроде бы не красавец, не здоровяк, но исходившая от него энергия заряжала. Перед ним мне было стыдно объедаться сладостями и сидеть сложа руки.

– Мечтаете побывать в Париже? А что вам мешает? – как-то засиделся он с нами.

Мои веские доводы о том, что это невозможно, его не убеждали. Я пенсионерка, откуда деньги на дорогую путевку? Возвращаться на работу не хочу, да и место занято, молодежь кругом. А что мне делать? Печь пирожки? И сколько ж надо напечь, чтобы заработать нужную сумму? Нет, это нереально. Выше головы не прыгнешь.

– А вы начните. Если сидеть, уж точно ничего не получится. Как поживают «Записки юной пенсионерки»? – поразил он меня в очередной раз (как-то я пошутила, что напишу эссе под таким названием и удивилась, что он запомнил. К работе, увы, так и не приступила почему-то...) – Что мне в вас нравится, – продолжил он, – так это ваша восприимчивость. Видели бы вы себя раньше со стороны. И сейчас...

Это не звучало как комплимент. Он поучительно приподнял бровь, говоря это.

Перед глазами уже побежали строчки будущего эссе, а в голове возникла мысль, что я здесь теряю время.

Поблагодарив за чай, молодой мужчина удалился.

Я оглянулась на присутствующих. София спокойно уткнулась в свое вязание, хозяйка смотрела на отца, а тот выдавил из себя только:

– Болтун.

Никакой он не болтун! Ты бы такого сына на руках носил, будь он твоим. Я была уже в курсе, что родные сыновья старикашки деловыми качествами не отличались. Он им покупал фирмы, тянул их. А теперь в роли буксира оказался зять.

Проведя в этом доме так много времени, я ни разу не видела сыновей старика, зять же появлялся регулярно.

Ощущение движения, которым меня зарядил мой друг, как про себя я называла зятя, принесло свои плоды.

В этот раз я ждала его больше, чем остальных. В сумочке у меня лежали и «Записки юной пенсионерки», и уже не шуточные истории, а начало серьезного рассказа. Но без него читать этой отстойной публике я не хотела.

Меня переделернуло, оттого что я назвала Софию и тем более свою любимую Лолочку отстоем. Но сейчас я смотрела на них уже другими

глазами. А старика еле переносила.

И этот ядовитый змей, конечно же, это почувствовал.

Теперь он уже не так реагировал на веселые рассказы. Софии, видимо, сделали замечание, и ее вязание исчезло. Не отвлекаясь, она строго исполняла свои обязанности. Я понимала: одно слово – и я потеряю этот островок благополучия и красивой жизни, за которой хоть краем глаза можно было понаблюдать.

Меня никогда не приглашали в дом. Один раз Лола Кахрамоновна подошла к отцу, чтобы уточнить список гостей, приглашенных на обед по какому-то случаю, получив не кивок, а еле заметное движение век, она удалилась. Затем выглянула и пригласила на обед и меня. Я, сославшись на какие-то дела, тут же отказалась, понимая, что приглашение было сделано из вежливости.

А мне ужасно любопытно было переступить порог этого дома и посмотреть, как живут люди, которые ездят покататься на лыжах не в Чимган, а на Альпы. Кто может себе позволить поездку в любую часть земного шара, и не раз в жизни, а постоянно? Париж для них не символ счастья, благополучия и того, что жизнь удалась, а европейский город, где они бывали не раз.

Как я ни пыталась скрыть от старика свои чувства, при встрече с Аскарком я просто сияла от удовольствия, замечая, что и он рад меня видеть. Мои маленькие рассказы, которые я пыталась успеть ему прочитать, стали удлиняться. Он был благодарным слушателем, не смотрел демонстративно на часы, не торопил, шадя чувства начинающего автора. А может, ему было интересно узнать, чем все закончится? Он не ограничивался оценками «нравится» или «не нравится», говорил, что удачно, а что не совсем: «слишком сладко, как в индийском кино» или «разве так в жизни бывает? Но все равно интересно». Иногда после его замечания я приходила домой и меняла все.

Таинственный питерец продолжал интриговать меня. Там действительно никто не жил: из его окон ни разу не пробивался свет. Меня потянуло на мистическую историю, то время.

Никогда не забуду тот день. Это был самый замечательный подарок из всех, полученных мною в то время.

Бывает, в уже установившейся череде знойных летних дней набежавшие откуда-то облака приносят с собой обильный дождь и волшебную прохладу... Драгоценный подарок.

Все оживает вокруг. Умытая зелень деревьев радостно машет вольному ветерку. Прогретье дома, остывая, распрямляются в прозрачном воздухе, исчезает вездесущая пыль!

Был вот такой день! Я летела на работу в прекрасном настроении, перескакивая лужи, радуясь всему, главное встать с Аскарком.

Все уже расположились в саду, я, забежав, поздоровалась. На столе меня ждал сюрприз – буклет открыток с видами Парижа и, самое ценное, карта города. Увидев это, я запрыгала от радости.

– Правда, все на английском, – предупредил Аскар, – но вы разберетесь.

– Конечно! Словарь же есть! – сияла я от удовольствия. – Спасибо, спасибо! Какая я счастливая!

Если бы мы были одни, я бы расцеловала своего Аскарчика. По его глазам я поняла, что он догадывается о моем состоянии и разделяет мою радость.

– София, вы видели? Париж! Это же Париж! – перебирала я красочные открытки.

София сидела спокойно, не разделяя моего восторга. Лола Кахрамоновна улыбалась. Приобняв меня, как бы давая знать, что она с нами, попросила однако свернуть карту и пригласила всех к столу.

«Я разделяю вашу радость, но будьте сдержаннее», – говорил ее взгляд. – «Да, да я все понимаю», – коснулась я ее тонкой руки, заметив, как зять, сворачивая карту, пальцем указал на красную пометку.

– Собор... – подняла я на него глаза.

«Парижской Богоматери», – прочитала по его губам.

Он кивал и улыбался, глядя, как я, не в состоянии сдержаться, вся сияю.

Не знаю, появился ли у нашего труженика свободный денек или ему не хотелось уходить от нас и из тенистого сада... Но в тот день он явно никуда не торопился.

И я была просто счастлива. Но не все разделяли мои чувства. На старикашку я не смотрела, зная, что он наверняка, как всегда, чем-то недоволен. На его дочь это действовало, зять же сидел как ни в чем не бывало.

После чая я, формально испросив согласия хозяина, раскрыла «домашнее задание», как в шутку назвала свое новое детище, и принялась читать.

Читала с выражением, поглядывая на Аскара. Он сразу догадался, что события разворачиваются в доме напротив, и указал на него, я кивнула.

Сюжет захватил всех, даже непробиваемую в последнее время Софию. Лола Кахрамоновна застыла рядом с отцом. Я ликовала, предвкушая, как всех их удивит развязка, над которой я трудилась не один день. Но в самый, как мне казалось, захватывающий момент старик кашлянул. Взглянув на него, я заметила, что он нахмурился.

– Что-то не так? – спросила я, не решаясь продолжить чтение. – Вам не нравится?

– Нет, – довольно внятно произнес он.

София стремительно подлетела к нему. Они с хозяйкой с тревогой склонились над стариком.

Но все было в порядке. Ложная тревога. Мы с зятем переглянулись. Наверное, я не смогла сдержаться: досада стала перерастать в раздражение, и тут зять непринужденно о чем-то заговорил, отвлекая внимание на себя и давая тем самым мне возможность справиться с эмоциями.

Сделав вид, будто все нормально, я все же довольно демонстративно собрала листы в папку. Уходить было неудобно – время еще не вышло. Стараясь не смотреть на старикашку, я мысленно крыла его матом на двух языках. А он, как всегда, неподвижно сидел, и только по собирающимся морщинкам вокруг глаз можно было догадаться, что он испытывает... кайф! Не скрывая, а демонстрируя его.

Два дня мне не звонили.

Я не могла себе объяснить, что со мной происходит. Куда девался тот «магнит», который притягивал меня к этому дому? Ловила себя на мысли, что уже с вечера ишу предлог, чтобы утром остаться дома.

«В конце концов я не нанималась», – убеждала я себя вообще отказать от посещений. Но тогда пришлось бы потерять навсегда дорогого друга...

Заметив, что я дома, соседка зазвала к себе на чай. Меня растрогал ее торжественный прием, красиво накрытый стол.

– Света, ну что ты? – мне стало неудобно, что я совсем забросила свою любимую подружку. Призналась, как скучала по ней.

И она, видно, тоже. Обиды не демонстрировала, рассказывала без остановки, что читает, куда ходила, у кого так эффектно подстриглась, как бы намекая, что ее жизнь не хуже моей.

Как это мило, – улыбалась я, снова почувствовав укол совести. Я пила чай, поглядывала на часы и думала, какая она все-таки хорошая.

Однако через полчаса я уже думала: «Боже мой, какая она пустая!» Голова подруги была забита последними новостями из «Ты не поверишь» и ленты ФБ. Как совсем недавно я могла коротать с нею время за сериалами, по полдня проводить у нее за чаем, болтая ни о чем?

Я слушала, ища лазейку в словесном потоке, чтобы безболезненно закруглить разговор. Не хотелось ее обижать, но и себя наказывать тоже.

Подруга, заметив, что я не реагирую ни на одну тему, начала заводиться.

Ох уж эта непостижимая вещь – женская дружба! Ну зачем ставить все точки над i?

– Ну куда уж нам? – завела она свою шарманку.

– Не начинай, – попросила я.

– А что, не так, что ли? Тебе со мной теперь неинтересно, ты ж у нас теперь с миллионерами общаешься, выслуживаешься перед ними.

– Нигде я не выслуживаюсь...

– ...Приделась...

– Светка, прекрати!

Света – замечательный человек. Из тех, кто не бросит в беде. Я ею очень дорожу. Нашей дружбе больше шестнадцати лет. Но ее упрямство достанет кого угодно. Она окончила институт, но, будучи дочерью мастера сборочного цеха и поварами заводской столовой, унаследовала классовую бдительность.

Всех состоятельных людей она считала ворами и предателями родины. Наши споры порою доходили до ссор. Как меня с пол-оборота заводили ее слова о том, что раньше все было лучше, так и она затыкала уши, когда я приводила в пример двух своих подружек, которые начинали с челночного бизнеса.

– Ты жалуешься на жизнь, все критикуешь, но сидишь сложа руки и ничего не делаешь, чтобы исправить положение...

– Зато ты у нас делаешь! И много заработала?

Бесполезно говорить с человеком, который сам не знает, чего хочет. Зачем позвала? Чтобы поругаться? Узнать, сколько я заработала или просто излить накопившийся от безделья и зависти яд?

С окончательно испортившимся настроением я пошла к себе.

«Завтра понедельник», – только подумала я, как раздался звонок.

Лола Кахрамоновна. Впервые я не рада была слышать ее голос. Теперь она стала звонить каждый день, упрасивала прийти, присылала машину, забрасывала подарками. Отказываться было глупо и неудобно. Я видела

искренность в глазах женщины, старающейся угодить больному отцу, и соглашалась, но ходить туда становилось для меня каторгой. Вот когда я поняла смысл выражения «кусок в горло не лезет». Чего только не было передо мной на столе, но я думала о том, чтобы поскорее оказаться дома.

Домой я возвращалась обессиленная, словно выжатый лимон.

– Ты чего такая невеселая, случилось что? – зорко оглядывала меня соседка, подкараулив у двери. Вроде бы с сочувствием, но со злорадной искоркой в глазах.

– Да нет. Все в порядке, – поднималась я к себе.

Рассматривала себя в зеркале, садилась в кресло, включала телевизор и, тупо уставившись в экран, смотрела все подряд.

Сын уехал в командировку, готовить обед было не для кого. Поздно ночью я падала в постель, зная, что разбудит меня утренний звонок Лолы.

Бедная женщина, она видела, что я прихожу, переступая через себя, и старалась угодить мне хотя бы подарками и пакетами с угощениями, в которые я и не заглядывала, просто бросала в холодильник.

Собрав все, я поднялась к бедной вдове с четвертого этажа. Она хоть без конца и заливала меня, и ругаться с ней приходилось, я протянула все ей. Заглянув в пакеты, она с изумлением подняла глаза. После этого дети ее стали здороваться со мной особо почтительно, даже самые маленькие. Раньше бы я умилялась, глядя на радость неизбалованных детей, теперь же уныло думала о том, что завтра снова надо идти к старику.

Действительно, первое впечатление было верным: он вампир!

«Ты вампир, – думала я, рассматривая желтое лицо. – Когда я хохотала тут, уминая конфеты, прохожие на улице оглядывались, улыбаясь, на твоём же лице в лучшем случае собирались морщинки. А теперь, когда я уже не знаю, что рассказывать, ты сидишь довольный собой».

Я молча смотрела на маленький желтый листочек, упавший с дерева на белую скатерть. Странно, до осени еще так далеко, а кто-то уже умирает. Это из-за него. Рядом с ним улетучивается радость жизни.

Мы молча сидели друг против друга. Я обдумывала слова благодарности Лолочке, когда она в очередной раз будет меня одаривать, решив, что брать ничего не стану, чтобы не чувствовать себя обязанной. Надо положить конец нашим с ней мучениям.

Мои «пирожки» – веселые рассказы, которые один за другим выпрыгивали из моей «печки» – куда-то исчезли. Или остались в остывшей печи. Я не писала, куда только подевались настроение и вдохновение?!

Наконец, появилась веская причина отказаться от работы: подруги пригласили отдохнуть на Чарвак.

Лола Кахрамоновна приняла весть спокойно, видно уже готовая услышать что-то подобное.

При всем сочувствии, совесть моя была чиста: я свою скромную роль отыграла честно. За время общения я успела полюбить Лолочку, хотелось бы продолжать поддерживать с ней отношения. Может, и ей тоже хотелось бы? Хотя... я-то ей зачем? Она преданно служила своей семье.

Сев напротив старика, я совершенно спокойно улыбнулась, зная, что это наша последняя встреча. Ему, наверное, уже сообщили, потому что он не удивился, когда я стала рассказывать, что каждое лето езжу с давними подругами на озеро.

Я говорила, поглядывая на его желтое лицо, как на прочитанную страницу, к которой потеряла всякий интерес, и собираюсь ее перелистнуть. Оглядываясь на дверь, я думала о Софии. Хотелось бы попрощаться и с ней. Не говоря уже о зяте. Но машины видно не было, значит в доме его нет.

Сквозь густую листву деревьев над нашими головами пробивались лучи горячего солнца. Зной наш, среднеазиатский, беспощадный, уже с утра начинал властвовать на улицах, загоняя людей под крыши домов поближе к спасительной прохладе.

– А вы хотите отдохнуть не на озере, а на море? – тихо вернул меня к действительности старик.

Я посмотрела на застывшие в ожидании морщины. Из узких глаз полилось торжество. Оно гипнотизировало.

Я уже слышала голос из микрофона, объявляющий посадку на самолет...

Самолет... мое сердце затрепетало. Дорогой отель, лазурные бассейны, блестящее на горизонте море! И я с наслаждением бросаюсь в его объятия. Такие долгожданные. Ведь знала, чувствовала, что встретимся еще...

Заметив мое колебание, старик широко улыбнулся, обнажив белые протезы. Я впервые увидела его таким довольным.

– Хотя, наверное, это невозможно, – медленно добавил он, распрямляя лицо, возвращая складки кожи на положенные места, – перелеты мне запрещены.

«Спокойно, Дильдора, – говорила я себе, – спокойно». Я чувствовала, что нарушается мое душевное равновесие. А вампир наслаждался, как мне показалось, даже приосанился.

– Угошайтесь, – довольным тоном указал он на ярко-красный арбуз, который вынесла София.

Я с улыбкой приветствовала ее, но она, сухо кивнув мне, быстро удалилась.

– Нет, спасибо, – опустила я глаза.

Все-таки он меня укусил! – я изо всех сил старалась скрыть досаду.

– У меня трое детей и пятеро внуков, но... я никому не нужен. Всем всегда было на меня наплевать... им всем нужны были только деньги.

Я с изумлением подняла глаза на старика. За все время нашего знакомства я не слышала от него такого количества слов.

– Это неправда, – возразила я довольно резко, – я же вижу, как все вертятся вокруг вас.

Морщинистые веки нависли над узкими глазами.

– Я еще не составил завешания, – послышался его приглушенный голос.

Так вот оно что, – подумала я, – хотя...

Зачем он это сказал? Хочет вызвать жалость у меня, доброй дурочки? На прощание...

– Знаете что?! – уже не стараясь сдерживать себя, начала я. – У нас был дедушка, мамин папа. Я была маленькой, но прекрасно помню, как он время от времени приближал к себе то одного сына, то другого. Наверное, из-за этого на кухне часто возникали ссоры. Когда дедушка умер, никто не пострадал. Участок оказался делимым. Оба брата получили свою долю наследства, даже маме перепало... ковер, какие-то вещи. Мама с нами часто

навешала братьев, мы с сестрой гонялись с их детьми по общему двору с условной границей.

Но ни разу мы не слышали, чтобы наши родители, вспоминая дедушку, хотя бы раз сказали, что он был хорошим человеком и добрым отцом.

Я эмоционально говорила, совершенно не думая о последствиях.

Ни один мускул не дрогнул на лице старика, но по холодному взгляду я поняла, что аудиенция закончена.

Домой возвращалась в самый солнцепек. Меня не предложили подвезти, не вышла попрощаться София... Ну что ж, понимаю...

Как я ни старалась сдержаться, зайдя за угол дома, разрыдалась. Было чувство, что тобой попользовались и оставили, хоть я и сама ушла, да и с самого начала старалась не питать иллюзий. В том благополучном мире, оставшемся позади, мне никогда не было места.

Вампир! Все-таки он забрал частичку меня, моей радости, попользовался моей доверчивостью.

Я надела темные очки и, делая вид, что вытираю пот, промокала слезы.

Надо бы радоваться свободе, ведь меня так тяготили эти походы в последнее время, отчего же слезы?

По дороге с шумом мчались машины. Несмотря на зной, сновал народ. Вот и мост остался позади.

«Я больше никогда не увижу Лолу, – шагнула я в тень деревьев у родного дома, – я полюбила ее, ее кругленького внука Акбарчика, даже эту молчаливую Софию полюбила. Встретимся ли когда-нибудь с Аскарком? Вряд ли, он обитатель другой вселенной.

Надо было бы сказать этому старикашке, что он неправ. Сейчас я бы ему сказала: «Чем мучить своих близких, дайте им возможность любить вас. Они лучше, чем вы о них думаете, они лучше вас...»

Открыв дверь, я первым делом зашла в ванную, умылась холодной водой и постаралась успокоиться. Все хорошо, впереди поездка на озеро, с сыном все в порядке, работает. Я свободна! О чем еще можно мечтать?..

Мое жизнелюбие – мое спасение.

После десяти дней отдыха на природе я вернулась похудевшая, похорошевшая (как мне хотелось думать) и соскучившаяся по сыну, по своей кухне, любимому дивану, по старенькому компу и всему тому, что составляет мою повседневность.

Только дома я привожу себя в состояние умиротворения. Уроки Аскара я не забыла: ни в коем случае не расслабляться, работать постоянно.

Чтобы не терять форму, уже на следующий день я возобновила свои прогулки.

Говорят, ночь бывает самой темной перед рассветом. Так и лето в тот год было особенно знойным перед началом осени.

Я ходила по новому маршруту, но мысли витали вокруг «моего» дома. Мне представилось, как Лола Кахрамоновна выезжает на своей белой машине и, не заметив меня, едет дальше, а я обижаюсь...

Мучило любопытство, которое, в конце концов, победило. Вот она, моя улица. Уставшие от зноя деревья застыли, не шелохнутся. Листва потускнела под слоем пыли. В домах наглухо закрыты окна и двери, как

ворота бастиона перед штурмом. Кондиционеры, словно заряженные пушки в боевой готовности. Чувствуется, все готово к наступлению знойного дня.

Уже издали я заметила алый квадрат: «Срочно продается».

«Значит, он все-таки умер...»

Постояв немного, я оглянулась и увидела на своем любимце такое же объявление. «Так вот оно что! Питерец тоже принадлежал ему. Вот она, тайна необитаемого дома. Никто не появлялся в окнах, потому что хозяин был прикован к инвалидному креслу».

И тут мне открылось очевидное. «Нет, он не «противный старикашка», он – несчастный отец, который слишком любил своих сыновей, а они не оправдали его надежд... Бедный, он купил этот огромный дом в надежде, что они там будут жить. Все вместе, счастливо, у него на глазах».

А я в своем рассказе посмела заполнить его дом какими-то вымышленными героями. Словно наступила на его мечту.

Мне казалось, что Аскара он не любил из зависти, что тот молод и успешен. А оказалось, что нет. Зять занял место, уготованное дорогим сыновьям. Отец все-таки надеялся, до последнего не писал завешания, давая шанс своим мальчикам. Ждал, надеялся, мечтал.

Но не дождался.

Я неторопливо брела, пытаюсь осмыслить свою догадку. Несправедливо было осуждать старика, как и слишком возвышать кого-то. Блеск вокруг зятя несколько померк. Аскар... – хищная акула?..

И все же я его люблю. Даже если никогда не увидимся, не забуду его уроки...

Очень хотелось бы показать ему то, над чем работаю. Услышать мнение. Может, похвалу, а может, и критику. Не хватает его цепкого взгляда, одобрительной улыбки, заразной энергии.

Я шла, уже не оглядываясь, набирая скорость.

Аскар заставил меня поверить, что все возможно. Мечтать надо не на диване, а на ногах. «Мечта на ногах» – неплохое название...

Если верить в свои силы, то длина пути к успеху не имеет значения. Пусть я в самом начале, но я иду.

Не знаю, справлюсь ли и когда закончу, не знаю как издам. Но я в пути.

Роман будет о любви, и, конечно, со счастливым концом. Я люблю жизнь, и та радость, которая переполняет меня, должна выплеснуться на страницы, иначе зачем все?

«Я обязательно поеду в Париж, – мечтала я, быстро шагая по оживленной улице, – неторопливо прогуляюсь по историческим местам, наслаждаясь архитектурой, впитывая в себя атмосферу улиц, набреду на... буду с видом знатока рассматривать работы уличных художников, сверну на... а оттуда мне распахнет объятия площадь... и вот он, мой герой – Собор Парижской Богоматери! Я уже вижу его, приближаюсь, рассматриваю, замедляя шаг, поражаюсь его размерам. Захожу, блуждаю в его пространстве...»

Я обязательно буду там и во чтобы то ни стало найду легендарную надпись “Rok” на стене...»

Ходить по земле не так просто...

Наталья БУРОВА

* * *

Дорога на север, дорога на юг,
Весна начинает свой медленный круг.
Девчонка идет по дороге одна,
А может, спросить: «Уж не ты ли весна?
Не ты ли вчера, возвращаясь с плато,
Несла, как снопы, две охапки цветов?
Не ты ли, развесив платок на кусте,
Визжала от страха, спускаясь к воде?
Не ты ли сегодня в молчанье ночном
Смеялась над другом своим – чабаном?»
Присели мы с ней у ручья на краю.
Не хочет сказать, а глаза выдают.

* * *

Говорят, что из кусочка льда
Выбежала первая вода
И помчалась прыгать в иступленье
Подползать под плоские каменья,
Обтекать приземистые глыбы,
На песок выбрасываться рыбой,
Чтоб полоской голубой, блестящей
Полоснуть по травам шелестящим.
Говорят, что у корявой сливы
Речка эта прыгнула с обрыва
Потому, что в стародавний век
Золото искал здесь человек.

Увидав заветные следы,
В жадности дошел он до воды
И, наверно, в ту минуту пел,
Но с колен подняться не успел,
И, не в силах справиться с рекой,
Заслонил глаза свои рукой –
И окаменел... Скрутясь в колечки,
В этом месте стала белой речка,
Силуэт обхлестывая жалкий;
А насквозь промоченные палки,
Тронув камень мокрый без опаски,
Медлят перед следующей пляской.

Наталья БУРОВА (1918-1979). Поэт, переводчик. Родилась в Казахстане, затем семья переехала в Ташкент. В 1945 г. по рекомендации Н. Тихонова и В. Луговского поступила в Литературный институт в Москве, но прервала обучение. Автор поэтических сборников «Семиречье», «Теплые камни», «Горький колодец», «Лицом к свету», «Год аиста», «Зеленые шары», «Тамариск», «Цена прозрения».

* * *

И ты пришел...Ты должен был прийти
Через года, через степное ложе.
Ты от большого, трудного пути
Не постарел, а стал еще моложе.
Нас только двое. Тишь со всех сторон.
Здесь будет лагерь, понаедет люду.
А за песками – уходящий звон
От бубенца губастого верблюда.
Здесь будет лагерь. Прямо на земле
Лежат палатки, ящики и колья.
Пора запечь картошку на угле
И оглядеть песчаное раздолье.
Стоит палатка. Стелются пески.
От тишины позванивают звезды.
Забравшись в шель поломанной доски,
Посвистывает ветер... Поздно.
И мы сидим, чтоб слушать до утра,
Как над пустыней время протекает,
Как по причуде нашего костра
Испуганные тени пробегают.
Ты говорил о разном – о весне,
Пока еще бессильной над песками,
И что в ночной ползучей тишине
Вдали деревья кажутся мазками.
Здесь нет еще животворящих рек,
Но где-нибудь, в безрадостной пустыне,
Идет сейчас усталый человек
С ресницами белесыми, седыми,
Идет, поет, песок шуршит у ног,
Звенящим звездам стало в небе тесно.
Вот он сейчас увидит огонек...
Ты замолчал. А это, правда, песня
Там, за бугром. А через полчаса
Нас было трое. Мы сидели молча.
В костре плясала красная коса,
И дым вился назойливей и горче...

* * *

Вот и мне надоела езда.
А попутчик смеясь говорит.
Что в долину упала звезда
И во тьме одиноко горит.

Мне приснилось, что нет городов,
Темнота и молчанье царят,
А на месте овечьих следов
Желтоватые звезды горят.

Мы приехали ночью сюда.
Огонек часом раньше потух.
Всюду черные пятна скота.
Кукарекнул спросонья петух.

Утро пахнет холодным дымком.
Солнце лижет кошму на полу.
Вот и девушка с белым платком
Принесла молока пиалу.

Вышла девушка в белом платке,
Смело в руки поводья взяла
И, пожившись на холодке,
Лошадей в темноту увела.

Недалеко теперь до жары.
Конь у речки замедлил свой бег.
А на самой вершине горы
Неподвижно стоит человек.¹

* * *

Не мечтается и не спится,
И не хочется верить в судьбу.
Я хочу этой ночью присниться
Человеку со шрамом на лбу.

Скоро первый... Не так уж и много.
Не хочу и мечтать о весне,
А примерно в начале второго
Прибежать к человеку во сне.

И сказать: «Словно светлые слитки,
Каменеют на улицах льды,
А у самой дошатой калитки
Леденеют собачьи следы.

Нет пристанища ветру-скитальцу,
И его не удержишь рукой.
А мне надо теперь к твоим пальцам
На минуту прижаться щекой».

¹ Первый цикл стихотворений «Солнце в пыли» из первого сборника Н. Буровой. СЕМИРЕЧЬЕ. «Советский писатель», М, 1965 г.

* * *

Всем дубам – начало от земли.
 Все они из желудей росли,
 Все они дрожали под дождями,
 Осенью бросались желудями,

А под ними, выставив горбы,
 Жались тонконогие грибы.
 Дни приходят, чтобы нашуметь,
 Лить на землю солнечную медь,

Чтобы поднял кверху ветерок
 Кукурузы желтый хохолок.
 Мне давно хотелось под дубы,
 Собрать до вечера грибы,

Чтоб в глуши дубового листа
 Голову кружила темнота, –
 И пойти куда глядят глаза,
 По тропинке, где брела коза,

Из осоки хлыст себе сплести
 И звезду – по голосу – найти,
 И сказать ей: «Тише! Не кричи,
 Могут вниз посыпаться грачи,

Может правнук лешего-старик
 Прибежать тропинкою на крик.
 В этом мире слезы – пустяки!
 Долго плачут только простяки.

Хочешь, выйдем вместе до зари
 К шалашу, где курят косари?..»

* * *

Слышишь, ночь? Навалившись на мир,
 Тихо-тихо ползет темнота.
 Лунный масляный плавится сыр,
 Запинаясь, лепечет вода.

Из невидимой почты весны
 Открывается первый конверт,
 И вплетается в легкие сны
 Лягушачий весенний концерт.

Все равно в нем живет красота
 Первых травок и трепета луж,
 Неподвижной воды чистота,
 Тихих омутов черная тушь.

* * *

Кукушечья мудрость – живи да живи,
Не надо ей дупел высоких,
Положит она свою тяжесть любви
В гнездо зазевавшейся сойки,
А птицы не спросят в шуршании сада:
«Чего тебе мало? Чего тебе надо?»

Мой предок отсчитывал годы по льдам
И прятался в норы от бури,
Искал по большим пятипалым следам
Красавицу в тигровой шкуре,
А реки вставали досадной преградой
И злобно рычали: «Чего тебе надо?»

Я думала раз, проходя через рожь:
Ходить по земле не так просто.
В большие минуты, когда устаешь,
Становятся длинными версты.
И, сидя потом на бревне до заката,
Себе говорила: «Чего тебе надо?»

Досадно, что мне даже ласка не впрок,
Противна весенняя слякоть,
И я не однажды, сжимаясь в комок,
Просила любви, чтоб заплакать.
А мне говорили: «Чему ты не рада?
Чего тебе мало? Чего тебе надо?»

Сегодня мне кажется легким пальто,
А ветер настойчиво дышит,
И все, что ты скажешь сегодня, – не то,
Что мне бы хотелось услышать.
А ты никогда не узнаешь по взгляду:
Чего же мне мало? Чего же мне надо?¹

* * *

У солнца нынче красноватый цвет.
Пойду и я на улицу кататься,
Как будто мне не так уж много лет,
А лишь вчера исполнилось двенадцать.

Воскресный вечер. Людям повезло:
Нет ветра, что разбегался, бушующий.
И спутнику степенному назло
У мальчика салазки попрошу я.

¹ Второй цикл стихотворений «Темный март» из первого сборника Н. Буровой. СЕМИРЕЧЬЕ. «Советский писатель», М, 1965 г.

* * *

До поры до времени нестерпимо холодно,
До поры до времени беспорядок льдов,
А от птиц, которым в это время голодно,
На снегу нетронутым множество следов.

Почему-то сказано о весне цветистое,
О восходе – яркое, о досаде – грех,
Почему-то дома яблоня безлистая
Иногда мне кажется лучше яблонь всех.

* * *

Я умирала миллионы раз,
И каждый раз, прощаясь со вселенной
И яростно страдая и скорбя,
Неистовствуя думой сокровенной,
Оплакивала заново себя.
Лес первобытный придвигался хмуро,
Дым от костра тянулся в небеса.
Мне на лицо набрасывали шкуру,
Чтобы не видеть мертвые глаза.
И где-нибудь в минувшем, на Яике,
В курной избе обтесывался гроб,
Отбрасывала горестные блики
Свеча у изголовия на лоб.
В степи, и в городах, и в океане,
У берегов медлительной реки
Неистово крестились христиане,
Кладя мне на ресницы пятаки.
Вороны суетились оголтело,
Немало поразмыслив за века,
Почувствовав недвижимое тело
У края голубого ледника.
Я умирала сытой и голодной,
Жуя свою распухшую десну,
Униженной, забытой, оскорбленной,
Влюбленной в человека и весну.
Праправнуков на печке ожидала,
Старенья проклиная и былье, –
Но и самую смертью утверждала
Бессмертие великое свое.

* * *

Соловей у меня в груди,
Беспокойный, строптивый друг.
Я шепчу ему: «Погоди!
Ведь еще не расцвел урюк.

Ведь еще на дворе мороз
И сердито сверкают льды.
На снегу возле спящих роз
Голубиных семейств следы».

Вдаль бегут, на закат клоня,
Человеческие пути.
Смерть, ты можешь настичь меня,
Но скажи соловью; «Лети!»

Семиречье

От родины моей далеко города, –
И за ночь не дойти до Каракола,
И надвое долину расколола
Цветной полоской горная вода,
Урча в камнях, вымытых и голых.
С хребта горы сползают родники,
Ветвистые кустарники колючи,
Под тенью мимолетной тучи
Шуршат травой курганы-двойники,
Взбираясь на обветренные кручи.

Давно ли я смотрела на закат
Из глубины померкнувшей долины,
Лепила птиц из желтоватой глины,
Тайком рвала незрелый виноград,
Что изгибался в зарослях низины.

Когда-то пил мой дедушка кумыс
От черной крутобедрой кобылицы,
И тень большой, раскрылившейся птицы
Броском к земле проваливалась вниз,
Чтобы опять, высматривая, взвиться.

Я помню, приходил к прибрежному оврагу
Безносый человек с огромной бородой
И наклонялся тихо над водой,
Ладонями разбрызгивая влагу.
Однообразной, длинной чередой
Тянулись дни, не прибавляя шагу.

От родины моей далеко города, –
Там хлесткие дожди и паводок обилен,
А по ночам осматривает филин
Жующие под звездами стада,
И камень опрокинутый намылен
Водой – не высыхает никогда.
Там каждый день казался мне новей,
И было много незнакомых звуков,
А дедушка казался мне сильней
Привидевшихся в снах богатырей, –
Он брал в карманы сладости для внуков
И бил кнутом плечистых сыновей.

Прошли года – и медленно, не вдруг
Растаял запах дедовского дома.
Мне каждый день все больше недосуг
О нем мечтать, а город незнакомый
Со временем становится родным...
Но в грустный час, когда слова бессильны,
Власть настоящего слабеет надо мной, –
Я становлюсь вдруг маленькой, смешной,
Неотличимой от родных курганов,
Я различаю среди травы легко
Усатые головки горных злаков.
Я так люблю, что сердце ни с чего
Готово петь, и тосковать, и плакать.

Прошли года. И родина моя
Необозримо разрослась в пространстве.
Вошли в нее большие города.
Мне Семиречья больше никогда
Не посещать с бывалым постоянством.
Но в смертный час, когда погаснет зренье
И горе потеряет остроту,
Я на одно великое мгновенье
К полузабытой хижине приду...¹

¹ Третий цикл стихотворений «Стужа» из первого сборника Н. Буровой. СЕМИРЕЧЬЕ. «Советский писатель», М, 1965 г.

ЕЕ АЗИЯ*

О поэтессе Н. П. Буровой

Николай Красильников (поэт, писатель, в прошлом главный редактор журнала «Звезда Востока», автор многочисленных очерков об известных писателях и поэтах), рассказывая о своем знакомстве с Натальей Буровой (60-е годы), о ее творческой встрече с членами литературного объединения «Сигнал», состоявшейся в Клубе железнодорожников, размышляет о своеобразии поэзии Н. Буровой, особенностях творческого процесса, о ее творческой позиции, задается вопросом:

- **Откуда такое тонкое знание, такое глубинное понимание Востока?**

«Ведь я тоже родился в махалле. Рос вместе с узбекскими мальчишками и девчонками. Знал досконально местные обычаи и праздники, наконец, сам язык. А многое из того прекрасного, что смогла увидеть поэтесса, не заметил, не обратил внимания.

О эти названия, запахи и краски Азии!

Кто не был ими очарован?

Николай Тихонов, Владимир Луговской, Георгий Санников...

“Далеко-далеко за горами Талас”, “У начала больших синеватых степей”, “И в памирских горах набухают снега”, – это начальные строки стихов Натальи Буровой.

Они широки и неохватны, в них много искрометного солнца, свежей радости, тоскующего ветра».

- «Наталья Павловна на творческой встрече рассказала немного о себе, о том, что родилась в г. Аулие-ата (Джамбул) [некоторые биографы указывают неправильно – г. Фрунзе (Бишкек)], ребенком вместе с родителями переехала в Ташкент. Подробно рассказала о своем коротком послевоенном пребывании в Литинституте им. Горького (по болезни ей пришлось оставить учебу), о дружбе с М. Агашиной, И. Гофф, О. Кожуховой, Н. Коржавиным, К. Ваншенкиным, Р. Гамзатовым, В. Солоухиным, Н. Старшиновым... Вспомнила и такую деталь, как по праздникам однокурсницы дарили вечно простывающему Н. Коржавину носовые платки. Талантливый поэт, который вскоре эмигрирует в Америку, автор знаменитого стихотворения о Герцене с рефренными строчками *“Нельзя в России никого будить”* и многих других.

Эти писатели по праву стали гордостью многонациональной советской литературы. С некоторыми из них Наталья Павловна не порывала связей, находясь далеко от столицы, вела переписку.

Поэтесса рассказала и о руководителе их творческого семинара знаменитом поэте Владимире Луговском. Студенты в шутку, но с уважением называли его *“дядей Володей”*, *“бровеносцем”*, за необычайно густые седые брови. И вообще, он был высоким, стройным, красивым. Это Луговской, кстати, в один из приездов в Узбекистан, который безмерно любил и воспел во многих своих стихах, заметил дарование начинающей поэтессы. Поддержал

* Фрагменты из очерка. Полностью очерк был опубликован в журнале «Звезда Востока» №1, 2012 г.

ее словом и делом. Помог каким-то чудом поступить в литинститут – ведь у Буровой не было полного школьного образования. Не отказывала в таланте молодой поэтессе и А. А. Ахматова, во время пребывания в Ташкенте, когда Бурова показала ей свою тетрадочку стихов. А такой великий дегустатор стиха, как К. И. Чуковский, вчитавшись в рукопись первого сборника Буровой, задумчиво произнес: “Ни слова лжи! Это – открытие”. Эти отзывы я узнал много лет спустя от подруг Буровой поэтесс Н. Татариновой и Т. Сырышевой.

На той памятной встрече с Буровой не обошлось и без тривиального вопроса: как вы пишете?

– Удивительное дело, – ответила Наталья Павловна. – Бывает, что и месяц, и три, и полгода не прикасаешься к бумаге. Конечно, переживаешь, думаешь: вот и все, больше уже никогда “это” не придет... А в тебя уже вселилась какая-то музыка, пробуждаются смутные образы, забытые запахи. И вдруг незаметно для себя начинаешь писать. В такие дни я могу “выдавать” и по стихотворению, и по два, и по три. А однажды написала даже пять. Целую подборку!»

- «Оценку чужим стихам Наталья Павловна всегда давала прямую и кратко-однозначную: “Вот это нравится, а вот это нет...” И все.

Почему? Она никогда не объясняла. Я сначала удивлялся. Ведь в литературном объединении словопрениям порой не было конца. Потом внутренне принял такой вот подход. Я понял: человек, тем более, творческий, всегда должен в жизни домысливать все сам. Была бы только честная отправная точка: “Это нравится, а вот это нет...”»

Уехав однажды по путевке в Коктебель, через неделю поэтесса возвратилась:

- – Здесь я себя чувствую лучше, – сказала Наталья Павловна.

«Естественно, стихов о море она не привезла. Ей – сугубо “сухопутному азийскому человеку” – чуждой показалась эта стихия.

Современники рассказывали, что и Есенин, побывав раз у моря, совсем не вдохновился им. Не написал ни единой строки. Знаменитого рязанца магической силой потянули к себе Константиновские просторы, ситцевое небо родины, березки...

Нечто подобное произошло и с Буровой. Она всем сердцем была азиаткой: “*Восток во мне. Гляжу его глазами...*”

В то лето Наталья Павловна написала целый цикл стихов. Жизнеутверждающих, полных картин и ароматов Азии, пониманием душой этой земли и ее людей...»

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

ХИСОМИДДИН АЛЬ ЕГИ

Рассказ

Шаим БУТАЕВ

Зима перевалила за половину, и холод стал постепенно отступать.

На террасе мечети не было ни души: верующие, приехавшие издалека, все попрятались внутри.

Своды здания, спокойно вмещающего около шестисот человек, поддерживали двенадцать деревянных колонн, украшенных уникальной резьбой, по которой можно было определить запечатленные мастерами из разных уголков земного шара искусство, традиции, обычаи и вкусы двенадцати стран.

Пятничная молитва. Поэтому в мечети многолюдно. Мужчины, стараясь не задевать друг друга, с нетерпением ждали начала молитвы.

Перед алтарем в строгом молчании в халате и выцветшем головном уборе стоял шейх и дервиш в одном лице – Хисомидин аль Еги. Одежда его на фоне величественной мечети и расшитых золотом тулупов некоторых прихожан казалась очень бедной.

Однако на лицах верующих отражалось беспрекословное молчаливое подчинение этому одетому, как нищий, старцу.

На благородном лице семидесятилетнего шейха с белоснежной бородой, в его лучезарном взгляде, прямоте его сухошавых плеч было что-то такое, что озаряло мечеть и объединяло ряды верующих.

Оставалось всего несколько секунд до начала намаза, но до сих пор не было вестей от великого султана Алоуддина Тармаширина, который уже несколько лет подряд читал пятничную молитву именно в этой мечети.

Бесчисленная армия султана Мавераннахра Алоуддина Тармаширина, имевшего непоколебимый авторитет среди царств Китая, Индии и Ирака, а также узбекских ханств, считалась непобедимой и могущественной, слава султана, благодаря красоте его бескрайней империи, благополучию населения, господствующей в обществе справедливости простиралась далеко за пределы границ государства.

Придворные султана обычно прибывали в мечеть намного раньше господина, расстилали молитвенный коврик рядом с алтарем, а затем в окружении охраны, вельмож и слуг появлялся султан, опускался на коврик, а его свита размещалась рядом.

Шаим БУТАЕВ. Писатель, прозаик, романист. Родился в 1959 году в Таджикистане. Окончил историко-филологический факультет Ленинабадский педагогического института. Автор многочисленных романов. Награжден орденом «Дустлик».

Сегодня не видно даже слуги с ковриком... Верующие забеспокоились, вопросительно поглядывая на шейха, но выражение его лица было абсолютно невозмутимо: он обдумывал, как начнет молитву, что своей проповедью попытается донести до людей.

Тяжелая дверь со скрипом отворилась, внутрь ворвался холодный воздух. Все одновременно обернулись.

Шейх, стоявший лицом к верующим, тоже краем глаза глянул в ту сторону. Было ясно, что его несколько не взволновал скрип двери, он не изменился бы в лице, даже если бы дверь отвалилась.

Явно нездешний человек лет тридцати с большими умными и лукавыми глазами, сидевший у двери, отпрянул, будто испугавшись холода. Это был марокканский путешественник, уже более десяти лет скитающийся по разным странам.

Э-хе, чего он только не повидал за это время! Ученых, нищих, бедных и богатых, мудрых и глупых, скромных и мошенников, подлецов и благородных, скупых и щедрых, а также оскорбленных, прикованных к постели за невежество и клевету. «Люди подобны насекомым, – думал он. – Но, говорят, есть то, что возвышает их. Что это?»

Путешественник неустанно искал ответ на этот вопрос... Желание найти его заставляло двигаться дальше и дальше. И вот, наконец, он добрался сюда...

Здесь он познакомился с шейхами Хасаном и Хисомиддином аль Еги. Путешественник рассказал им, что его отец был факих¹, что слушал проповеди многих мусульманских мыслителей, учил наизусть хадисы. Поделившись своим мнением по многим вопросам, марокканский путешественник за несколько мгновений доказал этим двум шейхам, повидавшим мир, что обошел свет не только ногами.

Те представили путешественника султану, предварительно рассказав ему о нем.

Султан встретил его любезной улыбкой:

– Хушмисан, яхшимисан, қутлуқұлсун², – приветствовал он путешественника на абсолютно чистом тюркском языке.

Марокканца покорила любезность султана, но еще больше привлекли изящество языка, на котором он говорил, и достоинство, с которым тот держался.

Он выучил слова, произнесенные султаном, и при встрече с людьми повторял: «Хушмисан, яхшимисан, қутлуқұлсун!» Полюбив этот язык, он старался остаться здесь подольше, чтобы выучить как больше красивых фраз.

Марокканец всегда приходил молиться именно в эту мечеть и с удовольствием слушал после намаза проповеди Хисомиддина аль Еги. Вот и сегодня, вновь придя в мечеть, он поспешил найти удобное для себя место среди многочисленных верующих. Хисомиддин аль Еги никогда никому не указывал, куда садиться.

На пороге появился гонец в шапке на монгольский манер и монгольском тулупе с всклокоченным мехом.

Наткнувшись на сотни вопрошающих взглядов одновременно обернувшихся к нему людей, гонец растерялся.

Вспомнив, что он как-никак от самого султана, гонец расправил плечи,

1 Факих (араб.) – исламский богослов-законовед, знаток фикха.

2 – Добро пожаловать, как ты? Как настроение? Хорошо?

глазами иша путь к алтарю, однако не нашел его. Верующие тоже не торопились расступиться. Продолжал молчать и шейх.

Наконец, гонец не выдержал и заговорил:

– У меня для вас новость!

Властный голос шейха эхом зазвучал под сводами высоких куполов мечети:

– Что за новость?

– Велено сказать только вам.

Люди растерянно зашептались. На бледных губах шейха заиграла ироническая улыбка. Протянув костлявые руки вперед, будто желая обнять всех верующих, он сказал:

– Я един с этими людьми!

Люди облегченно вздохнули. Путешественник покачал головой от восхищения.

Гонец не знал, как поступить. Обратившись к нему, шейх приказал:

– Говорите!

Приняв официальную «гусиную» позу, гонец объявил новость, будто читая ее по бумаге:

– Сахибкиран, наш великий правитель, Его величество султан Алоуддин Тармаширин задерживается на сегодняшнюю пятничную молитву по очень важным государственным делам, поэтому он велел предупредить вас, что немного опоздает!

Верующие зашевелились: ничего подобного раньше не происходило; лица некоторых выражали недовольство: мол, давайте уже начинать намаз, какое нам дело до султана!

«Жаль, что Хисомиддин аль Еги, недавно получивший должность имама, оказался в затруднительном положении, – подумал путешественник. – Если сейчас он станет ждать султана, народ разгневет, а если начнет намаз, то разозлит султана...»

Гонец все стоял на пороге, ожидая ответа шейха.

Шейх поднял голову:

– Попрошу гонца донести нашему правителю султану Алоуддину Тармаширину, что время – высший судья, и перед ним равны как царь, так и нищий. Для нас всего важнее то, что приказывает Аллах!

Гонец отодвинулся в сторону. Рядом с ним появился охранник с ковриком в руке. Как гонец, он стал искать глазами путь к алтарю, но люди не расступились и перед ним.

Охранник не понимал, что ему делать – уйти обратно или остаться.

Недолго думая, он решил постелить коврик на единственное свободное место – у порога. Постелив, охранник вышел, закрыв за собой дверь.

Начались проповедь и намаз.

Через некоторое время дверь снова открылась: на пороге стоял султан.

Никто не обратил на него внимания, не вспомнил о его величии – все были поглощены молитвой, время от времени поглядывая на плечи шейха. Худые плечи шейха, казалось, с трудом выдерживали халат, но в них было нечто такое, что невольно приковывало к себе внимание. Каждый раз после намаза кто-нибудь восхищенно говорил:

– На плечах нашего имама сидят ангелы, которые заставляют нас смотреть в его сторону!

Султан Алоуддин Тармаширин, осторожно прикрыв за собой дверь, опустил колени на приготовленный ему коврик, поправив его углы – им завладело общее настроение мечети.

Благородный голос шейха призывал всех к единению:

– Аллохуакбар!

В этом слове был выражен подлинный смысл бытия.

– Аллохуакбар! – слились голоса в единый возглас.

На глазах султана невольно выступили слезы. Пришедшим с ним придворным не хватило места в мечети, они остались на улице. Султан, беспокоящийся о них, сейчас думал только о своей душе!

Вельможи, в отличие от султана, не придавали такого значения душе, превыше всего ценили тело, где были и сердце, и мозг, и желудок, не было только души, поэтому они считали, что забыть о них, оставшихся на морозе, – нормальный поступок.

Намаз продолжался. Приятный голос шейха возносился под купол мечети, озаряя, казалось, божественным светом пространство вокруг.

Придворных султана, оставшихся за дверью, постепенно стал пробирать холод. Потирая ладони, они с нетерпением ждали завершения намаза. Приоткрыть дверь они не решались, потому что прямо у порога сидел султан. Дуя на ладони, они сетовали, что таких морозов не было давно. На самом деле были морозы и посильнее, но, сидя в теплых домах за дастарханом с вином и снедью и восхваляя сахибкирана, они этого не замечали.

Наконец, намаз подошел к концу.

И вот, когда, стуча зубами и дрожа от холода, вельможи приготовились к встрече султана, шейх Хисомиддин аль Еги неожиданно начал новую, короткую проповедь:

– Тот, кто, злоупотребляя своим положением или должностью, данными ему на время, наносит вред народу и мучает его, неминуемо ответит за свои грехи уже на этом свете, – тихим голосом начал шейх. – Они делают вид, что совершают добрые дела, веря, что поступают правильно. Но это лишь признак их слепоты, удваивающей их грехи удваиваются. Сладкоречивые тираны с кровавыми руками – самые ужасные чудовища на свете.

Резкие слова и благородный голос шейха заставил подумать всех о том, какие же они на самом деле. Задумался и султан Алоуддин Тармаширин, не скрывающий катившихся из его глаз слез.

Шейх ни на кого не указал пальцем, но его слова касались каждого.

Большинство сидящих в мечети – баи, землевладельцы и люди из близкого окружения султана. Читая проповедь, шейх смотрел в глаза каждому, как бы поднося зеркало, отражающее истинное лицо смотрящегося в него.

В зеркале отразилось все: и грязь, и мусор, и навоз, и пыль. Поэтому все от стыда опустили головы и закрыли глаза, что не избавило их от возможности увидеть свое отражение.

Проповедь завершилась.

Кто-то тут же забыл об увиденном, а кто-то запомнил навсегда.

Вставая с мест, верующие открыли путь султану, преклонив головы.

Султан неспешно прошел между людьми, подошел к имаму и подал ему, улыбнувшись, руку.

В знак уважения имам в ответ протянул ему из старого рукава свою тощую руку.

Султана Алоуддина Тармаширина проводили с почетом. Проходя мимо слегка склонившегося перед ним путешественника, султан улыбнулся ему. В от-

вет путешественник склонился в глубоком поклоне.

За султаном покинули мечеть все остальные, никого, кроме шейха, одиноко стоявшего у алтаря, путешественника у двери и муэдзина, не осталось.

Уже более пятидесяти дней путешественник находился в этой стране, приходя молиться в эту мечеть и общаться с шейхом. Его поражал образ мыслей шейха, широта его кругозора: от тайн вселенной до характера человека – не было ничего, о чем бы не знал этот старик. Возможно, поэтому он получил звание великого факиха. А сегодняшний его поступок заставил марокканца проникнуться глубочайшим уважением к шейху.

Он направился к шейху по войлочному ковру, где еще недавно сидели верующие, и, глядя на открытую дверь, откуда со свистом врывался ледяной воздух, произнес:

– Похолодало...

– Да, холодно, – равнодушно ответил шейх.

– Ваш тулуп сильно обветшал, господин, – сказал путешественник, указывая на залатанный стеганный халат.

Шейх ответил улыбаясь:

– Сын мой, он ведь тоже принадлежит не мне, а дочери.

Путешественник стал снимать свой тулуп:

– Пожалуйста, наденьте мой.

– Нет-нет, даже не пытайся, сын мой, – шейх удержал руки путешественника, не позволяя ему снять тулуп.

– Я хотел его подарить вам...

– Спасибо, сынок, спасибо, – сказал шейх в знак благодарности.

– Еще лет пятьдесят назад я поклялся Аллаху, что никогда не стану принимать подарки. Но если б я все-таки нарушил обещание, из твоих рук я принял бы этот дар.

Путешественник поклонился, а шейх, положив руку ему на плечо, молвил:

– Расправь плечи, сын мой.

Путешественник, побледнев, выпрямился и, прижимая руку к груди, пятясь, удалился.

...На следующий день султан Алоуддин Тармаширин дал званый обед в честь путешественника, собравшегося отъезжать на родину.

Обед проходил в шатре султана, внутренним убранством ничем не отличающемся от роскошного дворца. В глубине на троне полулежал султан. Вокруг все было устлано шкурами тигров и барсов. Султана окружали подданные, готовые исполнить любое его желание.

В этот день здесь собрались все сильные мира сего, включая ученых и поэтов. Придворные, министры, эмиры заняли места согласно рангу и статусу.

Путешественника посадили по левую руку от султана.

Гости не спеша опустошали тарелки и кувшины, яства постоянно обновлялись. Султан исподлобья наблюдал за всем ленивым равнодушным взглядом. Настроения у него не было: вчерашний случай в мечети впечатлил, но в то же время и задел его царскую гордость, поэтому под предлогом званого обеда в честь путешественника он намеревался проучить шейха Хисомиiddина аль Еги.

Шейх никогда не переступал порог его дворца и никогда не зарился на подарки султана.

Алоуддин Тармаширин прекрасно понимал, что, если б он даже расшедрился и предложил шейху все царство, тот все равно отказался бы, в этом-то и

было его преимущество.

Зная о дружбе шейха с путешественником, он надеялся увидеть его в своем дворце.

Султан отправил к нему гонца с приглашением. Когда гонец вернулся с ответом шейха, султан аж посинел от гнева. Бросив орлиный взгляд по сторонам, он с удовлетворением отметил, что никто, кроме него, не слышал слов гонца, даже сидящий рядом путешественник.

Сообщая султану причину своего отказа, Хисомиддин аль Еги передал следующее: «Пиршество правителя для таких людей, как я, запрещено шариатом. Это благодеяние для толпы. Ибо только ей нужны такие праздники. Подобные мне брезгают костью, брошенной собакам. Они не преклоняют головы, даже если слишком бедны. Я не смогу присутствовать на званом обеде, потому что пятьдесят лет назад поклялся Аллаху, что не буду есть грешную еду и надевать грешную одежду».

Алоуддин Тармаширин растерялся, не зная, как поступить, какое придумать наказание шейху, у которого, кроме залатанного стеганого халата, ничего не было. Конечно, стоило ему подать знак, и слуги, его верные псы, принесут ему голову шейха! Но нет, султан Алоуддин Тармаширин такого допустить не мог, ведь он слыл справедливым и гуманным правителем.

Тяжелым взглядом султан обвел сидящих вокруг, словно впервые их видел, напряженно размышляя над случившимся, и вдруг, словно молния его пронзила: «Эти, ведущие праздный образ жизни люди, не отступающие ни перед чем на пути к достижению своих целей, готовы лизать пятки ради маленького подарка. Как же велик и могуч крошечный старик шейх в сравнении с этими негодяями! – подумал султан. – А что же я? Какой же из меня справедливый правитель?! Разве не правда, что я за счет тяжелого налогового бремени, возложенного на народ, трудящийся в поте лица, кормлю вот этих дармоедов? Нет и нет! Шейх абсолютно прав, хоть и упрекнул достаточно жестко. Но почему же я не могу понять, каким образом часть моего султанского статуса превращается в кормушку для паразитов?..»

Султан помрачнел, насупил брови.

Изменение в его настроении почувствовали все, прекратив жевать или вовсе отказавшись от еды.

Путешественник осторожно наблюдал за происходящим. Султан взял в руки большой кусок мяса, лежавший перед ним на блюде, и резко швырнул его со словами:

– Ну-ка, ловите!

Сидевшие внизу растерялись, не зная, что делать. Все прекрасно понимали, что, если мясо упадет на землю, султан рассердится еще пуше.

Некоторые неуклюже бросились ловить летящий кусок мяса, кто-то его все же поймал, что вызвало всеобщую радость и восторг. Не скупясь на слова, все стали восхвалять султана и поймавшего мясо:

– Молодец, Бургубек!

– Вы это заслужили!

– Слава султану!

– Да здравствует наш султан!

– Долголетия нашему султану!

Постепенно к гостям вернулось хорошее настроение, они заговорили, задвигались и с радостью продолжили трапезничать.

Алоуддин Тармаширин, подняв левую руку, жестом дал знак замолчать.

Затем сказал много добрых слов в адрес марокканского путешественника Шамсиддина Абу Абдуллохаата-Танжи, который уже более пятидесяти дней пребывает в их стране. В завершение султан добавил, что в знак уважения он дарит ему двух лошадей и двух верблюдов.

Путешественник встал и поклонился. Все захлопали в ладоши, чувствуя султана.

Султан, встав с места, снял с себя белую норковую шубу и накинул ее на плечи путешественника.

Со всех сторон раздавалось:

– Поздравляем!

– Bravo, хвала нашему султану!

– Да здравствует наш султан!

Султан жестом утихомирил гостей.

Напоследок, желая путешественнику доброго пути, султан с легкой улыбкой произнес:

– Уверен, вы еще побываете во многих землях, где обязательно спросят о нас. Я бы хотел, чтобы вы сказали, что в моем царстве есть такие могущественные люди, которые могут отвергнуть даже приглашение султана. И, если спросят, в чем их могущество, скажите, что сила этих людей в честности и добродушии.

Султан опустился на трон и, исподлобья наблюдая за всеми, облокотился на мягкую подушку.

Раскланявшись, путешественник занял свое место.

Гости султана громко выражали свой восторг. Бедняги, чьи мысли были заняты только едой, даже не понимали, чему радовались. Весь смысл их жизни состоял в том, чтобы понравиться султану, поднять ему настроение. Все остальное их не интересовало.

Празднество продолжалось до утра.

На рассвете путешественник собрался в путь. Он мечтал о бескрайних океанах, неведомых ему городах и странах. Позже этому неугомонному человеку действительно посчастливилось повидать даже самые далекие страны. И где бы он ни был, всегда вспоминал и, как сказку, рассказывал об увиденном в стране султана Алоуддина Тармаширина. Этим путешественником был марокканец Ибн Баттута.

Перевод с узбекского Леры Пиржановой.

Лера ПИРЖАНОВА. Переводчик. Окончила персидское отделение Ташкентского государственного института восточных языков. Владеет несколькими языками.

Так вот ты какой, Восток!

К 70-летию Николая Дмитриевича Ильина

Николай ИЛЬИН

В Азии

*Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!*

А. Ахматова

Судьба неласково должна
Была для беженки сложиться,
Чтоб из родимого угла
В надежде света и тепла
К далекой Азии прибиться.

И Азия нас приняла:
Для нас в ночи луна плыла,
И солнца золотая птица
Над нами силила крыла.

И, глядя вспять, как в глубь стекла,
Мы вновь встречаем близких лица,
А память, солнечно светла,
Стирает времени границы
И вновь рисует, как швела
В листве садов весны столица,
Как синева небес круга,
Как на седые купола
Прозрачность вечности ложится.

Николай ИЛЬИН. Родился в 1950 г. Поэт, литературовед, переводчик, член СП Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...»

Поюший минарет

*Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот.*

А. Ахматова

Рассвет искал просвета в сонных безднах –
Небесный свет среди земных начал;
Арабской вязью истинного текста
Незримый голос над землей звучал.

И виделось прозрачно и рассветно,
Хоть ночь не покидала горизонт,
Но голосом Всевышнего завета
Уже раскрыл глаза всемирный сон.

* * *

*Я восемьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Лапислазурной чашей
Тобой дышала, жгучий сад...*

А. Ахматова

В блестящий полдень в близости воды
Бродить по саду, сонному от зноя,
И узнавать деревья и цветы,
И постигать обилие земное.

Искать местечек, спрятанных от глаз
И прячущих тебя в своих покоях,
И сознавать, что уж не в первый раз
Ты здесь мудра, глубинна и спокойна.

Смотреть прозренья солнечных аллей,
Вздыхать с листвою от мира многоцветья,
Искать рукой стволов смолистый клей,
Ласкать на клумбах пряные созвездья!

Мой сад, я растворюсь в твоей тени,
В твоей тиши я стану незаметней,
И я приму твои труды и дни
И буду так же лиственной и летней!

Я соберу плоды твоих щедрот,
Я напоюсь твоим зеленым светом
И буду жить, как уходящий год,
Хранящий сон о возвращенье в лето.

Ташкентский полдень

*Словно вся память в сознание
Раскаленной лавой текла...*

А. Ахматова

Полдневный жар...
Уже созревший август
Скопил загар на коже листовяной,
И листьев затаенная усталость
Сонливо погружалась в летний зной.

Дыхания листвы почти не слышно.
Лишь флейты солнца пожелтевший звук,
Мелодикою августа насышен,
Над плазмой лета раздавался вдруг.

* * *

*Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.*

А. Ахматова

Мой летний сад, прошаясь я с тобою
И ухожу в осенний полусвет,
Где мир красив иною красотою
И где к тебе уже возврата нет.

Куда, оставив листьев одеянье,
Приходит только вечное времен –
Земля, стволы, осенних истин знание –
И где грозит забвеньем зимний сон.

Ну что ж, пора, пройдя твои аллеи,
Коснувшись веток, листьев и стволов,
Увидеть, как, потупясь, свет бледнеет,
Что все не ново, как и сад не нов.

Но мудрость лет – лишь временная мудрость:
Пройдя за разом раз по кругу лет,
Твой опыт обнаруживает скудость
Усердных знаний, мыслей и примет.

И видишь, что не все есть власть закона,
Привычек, времени, исчисленных путей,
Что красота вневременна и нова
И что она не слушается зова
Усталых дат и их календарей.

Мангалочий дворик

*Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
А. Ахматова*

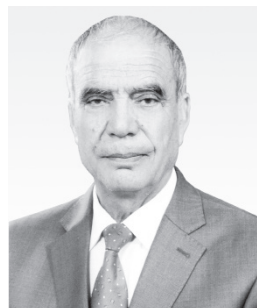
Ее созвучий отсвет матовый,
Ташкент и неба синева,
То место... дворик, сад, Ахматова,
Средь новых стен, как память главного,
Тот силуэт, ее слова...

И сердце дальним ритмам вторит,
Где уголь пеплом занесло,
Но дым мангалочий так стоек:
Высокий тополь, садик, дворик –
Угасло время, но тепло...

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» поздравляют поэта, переводчика, литературоведа, члена Союза писателей Узбекистана Николая Дмитриевича Ильина с 70-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ. Здоровья, вдохновения, творческого полета мысли, Устоз!

УЗБЕКСКИЕ МОТИВЫ В СТИХАХ РУССКОГО ПОЭТА

Кодиржон НОСИРОВ

Перелистываю сборник стихов ташкентского поэта, Николая Ильина «Если окно открыто...» (2017) и чувствую, что открываю для себя некую новую грань его творчества.

Искренние признания лирического героя в любви, и глубокая привязанность к родимому краю («Страна полдневной желтизны...», «Я вырос в Ташкенте далекой поры...»), – образец удивительного синтеза культур, традиций, проявляющихся в быту, нравах («Наша среда», «Заглянешь в жизнь...»), органично дополненных миниатюрными поэтическими обобщениями относительно недавнего нашего прошлого, сатирическими зарисовками отдельных неблагоприятных бытовых картин бытия современного человека. Лирический герой, возвышаясь над прозой действительности, философски размышляет о смысле жизни. Размышления эти заставляют читателя оглядываться назад, в прошлое: ведь именно в сравнении с ним познается то, чем мы живем сегодня.

С точки зрения эстетической особенно привлекают первые страницы сборника, которые можно назвать поэзией солнечных красок.

Это касается не только произведений, в каких, как говорится, сам Бог велел быть краскам, т. е. в пейзажной лирике. Иногда чудится, что эти поэтические краски в стихах еще и звенят. Притом, не только в тех произведениях, где читатель непосредственно созерцает их, но и там, где даны лишь ассоциации. Прислушайтесь:

Мой город, мой мир, над которым, звеня,
Раскрыла весна небосвод...

Это строки из стихотворения «Я вырос в Ташкенте далекой поры...». В приведенном двустишии – вся гамма лирическо-весеннего перезвона – от чириканья воробьев, радующихся обновлению природы, до трели соловья

Кодиржон НОСИРОВ. Кандидат педагогических наук, профессор НамГУ. Родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Автор ряда монографий, учебно-методических пособий и 400 научно-популярных статей, переводчик.

в любовном предвкушении, до грозового раската вслед ярким вспышкам молний на черном небосводе. И, конечно же, видится семицветье радуги, из-за горизонта вскидывающейся ввысь луком Хасана и Хусана, величественно переливаясь в ярко-голубом небосводе после стремительно-шумного ливня.

Чтобы глубже познать смысл и эстетическую суть колорита стихов, включенных в сборник, следует обратиться к самому первому стихотворению, начинающемуся строкой «Страна полдненной желтизны...». Первая строка второй строфы этого стихотворения уже была использована в качестве названия первого раздела книги – «Страна бутонных куполов». Получается, что два названия, они же замечательные тропы-перифразы, как бы объединились в выдающийся поэтический образ-дуэт, под которым, разумеется, вечно величественное и дорогое для нас – УЗБЕКИСТАН. И еще: троп «Страна бутонных куполов» сверкает, словно глянцево-голубые изразцы на минаретах, одновременно напоминая по форме пурпурный тюльпан:

Страна полдненной желтизны
И звездных откровений неба,
Где в сердце знойной тишины
Таятся вензели распева.

Где веришь этой простоте
И где, уставшее от зноя,
Заходит солнце золотое,
Оставив свой огонь листве.

Страна бутонных куполов
И стеблей звонких минаретов,
Где простоватость тюркских слов
Шлифуют тонкие поэты.

Здесь среди тепла и доброты,
Средь обилия земного
Я встретил столько красоты
И жил так долго и так много!..

Слова и словосочетания, образующие основную цветовую и звуковую гамму в данном произведении: «страна полдненной желтизны», «в сердце знойной тишины», «вензели распева», «страна бутонных куполов», «стебли звонких минаретов», «уставшее от зноя, заходит солнце золотое», «огонь», «среди обилия земного я встретил столько красоты».

Таков словесный материал, выбранный поэтом для передачи светозвукового эффекта от родной земли.

В приведенном перечне средств лексической выразительности дважды встречается «зной» – в сочетаниях «знойная тишина» и «уставшее от зноя». Эти лексемы со смыслом перегрева, высокой температуры в полдень по своему значению приближаются к слову тоже с термальным значением «огонь» и образуют с ним единое целое, которое приближается к образу «солнце золотое». Очевидно, что прилагательное «знойная» в сочетании с «тишиной», образуя еще одну метафору – «знойная тишина» – обретает другой важный в данном случае смысловой оттенок – паузу, наступающую в зной, в полдень, паузу в природе между двумя активными периодами светового дня. Это то же самое, что и ритмически уместный, необходимый перерыв (как во времени, так и в пространстве) в ритме искусства, похожий

на явление природы. У Н. Ильина «знойная тишина» образует еще одну более сложную оригинальную метафору «в сердце знойной тишины таятся вензели распева». «Вензель», ассоциируясь в сознании читателя с арабской вязью, символизирует стиль восточного классического песнопения.

Так в данном стихотворении в своеобразной поэтической палитре звуков и красок рождается теплая, эстетически приятная для восприятия единица художественного образа.

Бросается в глаза необычный дизайн сборника: по небесной лазури, как по безбрежному океану, плывут облака. А на переднем плане, словно в невесомости, оконная рама без стекла. В проеме благодаря компьютерным возможностям старенький, вышербленный горшок с ярким домашним цветочком.

Изображенное на обложке значимо. (Поскольку не указано имя художника-оформителя, можно предположить, что это замысел и творение самого поэта, отражающие идейное содержание сборника).

Важным компонентом дизайна книги, как правило, служит название. У Н. Ильина оно оригинально – «Вид из окна».

Небольшое это стихотворение под таким названием, включенное в сборник, написано характерными для восточной поэзии двестишиями с парной рифмовкой: всего пять бейтов, по восточной классической поэтике, или дистихов, по европейской. Строфическая форма, примененная Н. Ильиным, не относится к так называемым твердым видам строф в мировой поэзии, тем не менее, здесь, как часто бывает в тех самых твердых, первое двестишие представляет собой главный тезис:

Нам свою жизнь выбирать не дано,
Шумная улица лезет в окно.

Смысл двестишия лежит на поверхности: лирический герой не волен что-либо противопоставить тому, что попадает через открытое окно с шумной улицы к нему в дом, т. е. в его быт, его жизнь, его сознание. Далее тезис раскрывается, т. е. происходит развитие мысли. Разумеется, в полном смысле слова этого не происходит, да и не входит это в задачу поэзии: о смысле подлинно поэтического текста приходится лишь догадываться. В трех последующих двестишиях броско названы три характерных для современного мира социальных явлений-символов: 1) «модные кары с дизайном крутым» //через динамики бухают ритм», надо полагать, соответственно моде современные ритмы, 2) «пьяницы горькую пьют», 3) жадный сосед с безобидным, ласковым, добрым видом. Для лирической поэзии этого вполне достаточно. И автор сознательно не разъясняет написанного, читатель сам сделает нужные выводы. В этом и заключается основное свойство настоящей лирики.

В последнем двестишии автор задается вопросом: «Все это был или кажется мне: // Что еще будет в экранном окне?»

А «экранное окно» наше открыто всегда, и в нем оказывается все, что ветер несет.

Поэт «чутко вслушивается в жизнь»: «любители реформ готовы все пустить на слом» («Обратная связь»); если в старину «гостей провожали по уму», то теперь «по деньгам» («Все было прежде так надежно»); «и люди людям часто волки» («Бог создал ночь и день», («В секретные свои котомки»))...

В изобразительном искусстве, в частности, в живописи, нередко встречается термин «изучение» (жизни, какого-либо конкретного явления природы, пейзажа и т. д.). Художник не просто рисует, а, исследуя, познает объект, и познанное творчески воссоздает, передает зрителю. То же и в хорошей художественной литературе, поэзии: читателю открываются какие-то малознакомые или вовсе не знакомые картины жизни, отображенные через призму восприятия автора.

Впечатление от чтения «Если окно открыто...» будет не полным, если не отметить еще один важный, может быть, даже важнейший компонент поэтики узбекистанского поэта – экзотизмы.

Иногда кажется, что поэт злоупотребляет данной категорией лексики, которая обычно используется для создания национального колорита. Но в данном случае эти слова-реалии используются не только для этого, но и для иллюстрации синтеза национально-культурных явлений, знаменующего возникновение интернациональных элементов на этом уровне.

Слова-реалии у Н. Ильина буквально «просятся» в рифму, обычно это ключевые слова. Например, в первой строфе стихотворения «Я вырос в Ташкенте далекой поры...» Здесь три из пяти рифмующихся слов узбекские: поры-поля-джугары-арык-махалля.

Лирический герой иной раз вспоминает «соседей заботливых плов» (то же стихотворение), либо сам «соседу несет суюнчи... касушкой плова» («Заглянешь в жизнь...»).

Таких примеров в сборнике много. Имея в виду переплетение судеб и обычаев на этом уровне, поэт довольно выразительно заключает:

Европа с Азией устроили здесь гап –
И получилось евразийство.

Евразийство, пожалуй, наиболее емкое и точное слово, выражающее то состояние, которое старается представить во всей полноте поэт.

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Андрей КУЗНЕЦОВ

Найти свою дорогу, узнать свое место – в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собою.

В. Г. Белинский

Один из вечных вопросов существования, сокрывший в себе семижды запечатанную тайну, представляющий нам не что иное, как покрытую мраком недостижимую суть, в своей объективности превосходящий многое необъятное, уже на протяжении многих веков является основополагающим в сознании человека разумного, в построении его образа мыслей и выстраивающий действия оногое в единую последовательность, представляющую собой целый ряд мер, нередко верных и точных, не замеченных толпой и предшествующих событию. Вопрос этот, заполняющий собой всю сущность внутреннего мира искателя, являющийся в себе движущую силу идей изнутри, становится стержнем идейного тайника души человеческой. Наступает момент, когда он переходит из информативно-обзорного разряда в жизненно важную величину, когда каждое действие или мысль становятся в своей сущности второстепенными, подчиняясь идейному главенству.

Но не исключается подавляющий факт, что в свете конкретной личности этот вопрос индивидуализируется и в силу суждений искателя приобретает для него субъективный характер. Насколько он будет расширен в плане понятийных аспектов – зависит от идейного мира мыслящего субъекта.

Идейные миры также разнятся. Каждая мысль, будучи сама по себе не мертвым объектом, имеет стартовую силу. И совсем не обязательно факт, что она будет в своей изначальной способности обладать мощью, достаточной для совершения тех или иных действий, приближающих к поставленной цели. Но мысль, в сущности, развивается и обладает обратным действием, имеющим свои закономерности.

Главенствующим является факт существования первичного мира идей, давшего начало всему сухому, воплотившего мысль в материю, наделившего ее стартовой силой, что явило ее неким повторяющимся образом от образа Животворящей. Себя Собою наполняющая

Андрей КУЗНЕЦОВ. Родился в Фергане в 1997 году. Окончил Ферганский государственный колледж искусств. Студент Государственной Консерватории Узбекистана по классу скрипки.

возжелала произвести «потомство» и наделить его силой (зарядом) для возрастания в подобие Себе, наделяющая, в свою очередь, сотворенных снова и снова необходимой силой «по требованию».

Из этого следует, что произведенная мысль, ставши образом Животворной, наделена тенденцией к возрастанию и наибольшему приближению к подобию Главенствующей.

Именно таким образом Идеи наделяется человек, и вместе с тем он становится субстанцией Вселенной, носящей в себе образ Животворной Идеи в начальном (стартовом) виде.

Рассматривая смысл человеческого существования, вспомним упомянутое ранее оборотное действие мысли. Теперь эта закономерность становится необходимой для продолжения существования Образа, произведенного Главенствующей Идеей. Образ, будучи довольно слабым, начинает подавать сигнал Идее и, получая от Нее силу (духовную подпитку), обретает способность к более расширенному спектру действий, преобразаясь постепенно в подобие Животворной и все более познавая полноту Ее первичного мира.

Нередко случается факт отрицательного действия Образа, когда он перестает посылать сигналы идее и получать от нее силу. В таком случае Образ может трансформироваться в некий образ мрака, тьмы и разрушения, что способствует разделению его с Идеей Истины и исчезновению у него подобия Животворной. Замысел нарушается...

Отсюда следует, что Образ свободен в выборе объекта подпитки. Но не исключается возможный факт возврата к Главенствующей Идее, что явится спасительным средством для продолжения существования Образа.

* * *

Однажды в небе бессонной ночью я находился среди звезд далеких в бескрайних далях.

Сияли ярко светила ночи, и отражался их свет в далеких и темных водах.

Манила душу дорога к свету – светилу Солнцу. Оно далеким казалось людям.

Я шел навстречу мечте желанной, к заветной цели – увидеть Солнце, пройтись по небу.

И словно крылья меня носили, и в невесомость я превратился в своем полете.

Вот стороною, я вижу, сияя светом, идет звезда, которой нет равных в небе.

И этим светом я озарился и, всправив крылья, я прынул дале, к звезде далекой.

Она сияла сквозь шум столетий, сквозь гул минувших событий давних, сквозь шорох были.

Я приближался, звезда, направив свой луч навстречу, ждала, как будто маня приветом.

И ощутил я сиянье далей, осколки света, что разлетались от Бесподобной...

И озарился я взглядом неба, познаньем выси, свободой мысли, сияньем вечным!

Я растворялся в пространстве ночи, в бескрайнем небе, в великой славе творенья Бога.

И осознал я свой ум ничтожный, никчемность слова в сравнение с этим глаголом вечным,
И, оглянувшись, увидел землю в ее пороках – пред гласом неба она молчала.

Я преклонился, не смея боле взирать на славу порочным оком, пред Оком дивным
И вдруг услышал: великим эхом пронесся зычный среди пространства глагол «Да будет!»

И луч небесный потоком мощным в меня пролился, воздвигнув силой к борьбе со мраком.
И я, воспрянув, вдохнул свободу и окрылился стремленьем к свету, сквозь темный хаос.

И удалился источник властный любви, и жизни, и озаренья среди страданий,
И гасли звезды, и уносилось виденье неба сквозь шум столетий в святые дали.
Светлело небо земным свеченьем, вставала утро: к земле далекой я возвращался.

* * *

Когда я смотрю на звезды, я всегда ишу среди них одну – свою. Я ее узнаю из тысячи: она маленькая, но теплая, и ее тепло согревает меня. Когда я выхожу к звездам, она, увидев меня, начинает сиять еще ярче, и от этого становится еще теплее. Когда я смотрю на нее – она как бы улыбается мне, и я начинаю приближаться к ней. Иногда я поднимаюсь в небо настолько высоко, что, кажется, потухнет она – и я растворюсь в этом пространстве, но она понимает меня и предостерегает. Даже когда мы далеко друг от друга: я на земле, а она – высоко в небе, она верит в нашу встречу, и в это время один из лучиков, которые она при встрече дарит мне, начинает как бы говорить со мной. Я не знаю, где он, но в глубине своей души слышу ясный голос. А иногда, когда лучики замолкают и моя звездочка спит, я, вострепнувшись, думаю: «Неужели погасла? Неужели навсегда?» Но в тот же момент понимаю: она не погаснет, она спит и думает обо мне...

* * *

Вот и еще один упал с дерева лист, и еще... и еще...
Это опадает яркий, золотой, с красноватым оттенком закат уходящего дня – года. На смену ему на землю опускается густой, промозглый сумрак ночи – зимы. Его медленным, но властным действиям сопутствовала тишина, наступившая вслед за последним прощальным криком улетающих на юг птиц. Природа погружалась в неведомый сон, смотря в небо мутными от дождей, стеклянными глазами. Пруд чуть колыхался, озябшая зыбь веяла холодом, словно простуженным голосом пытаюсь рассказать о прошедшем только что дне...
Высокие сосны склонили свои седеющие инеем головы, вслушиваясь в наползающую сумрачную тишь. Рядом осина плакала мелкими листьями, безутешно роняя их один за другим. Молчание нарушил старый, выдавший всякие времена дуб, по-стариковски скрипнув веткой, и уронил еще один лист...
День уходил...

Николай ПОПОВ

ТАЙГА...

Рассказ

– Да-а-а, летом, братуха, здесь так не промчишься, – авторитетно как местный дока, толковал шофер Михаил, кивая головой на стрелу трассы за ветровым стеклом.

Как я понял, слова Михаила были обращены ко мне. Я сидел рядом с ним на пассажирском сиденье пикапа «головастик» и как дилетант умиротворенно созерцал расступающуюся по сторонам заснеженную вековую тайгу. Шариф, мой босс, и экспедитор Степан, давно пресытившиеся подобными картинками, в полудреме покачивались на сиденье за нашими спинами.

– Бывших спецназовцев не бывает, – заявил как-то на одном из дружеских застолий Шариф, предложив мне работенку, – быть при нем вроде телохранителя. «Время лихое, братва там пошаливает в славном городе Братске, а с тобой мне будет спокойнее, и бабло срубишь не напрягаясь». Вот так и оказался я на берегах величавой реки Ангары...

– И в чем разница? – оторвавшись от стекла, отозвался я на заявление Михаила, чтоб ради поддержать разговор.

– А-а-а! – обрадовался он, найдя свободные уши. – Это сейчас она широкая да укатанная, с двусторонним движением. А веришь-нет, братуха? Под нами-то кладбище...

– Как кладбище? – удивился я. – Вокруг глушь: ни звука, ни огонька...

– А вот так! – воскликнул Михаил, довольный, что произвел на меня впечатление. – По обочинам техники – что грибов на поляне лесной: Камазы, зилки, прицепы, кругляк... Все это хозяйство ныне скрыто снегом. Они, водилы, чтоб лишний рейс не делать, да и бензюшку экономить, грузят лес под завязку и более... Крепежные стойки не выдерживают, тросы рвутся, а машина при этом вздыбливается, как конь норовистый. И уше-е-е-л в кювет, к своему последнему пристанищу. Вот летом и приходится ужом извиваться меж этим хламом.

Николай ПОПОВ. Родился в Омской области в 1950 г. Окончил Ташкентское республиканское художественное училище им. П. Бенькова, оформительское отделение; художественно-графический факультет ТашГПИ им. Низами. Член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана. Неоднократно печатался в журнале «Звезда Востока».

– И что, никто их не вытаскивает, так и валяются брошенные? – поразился я вопиющей бесхозяйственности.

– А кому оно надо? Широка страна моя родная, много в ней... – заключил Михаил страшилку словами из небезызвестной песни.

Вскоре уазик свернул на проселочную дорогу, которая встретила нас накатанными, блестящими на солнце ухабами. «Головастик», продвигаясь в тоннеле из нависших сосен, раскачивался из стороны в сторону, как лодка на морской волне. Дрема мигом слетела с наших «захребетников».

– Скоро уж приедем, – тарашась в стекло кабины, констатировал Степан, предвещая скорую кончину невольного аттракциона.

Километра через три действительно показался просвет между деревьями. Въехав на делянку, автомобиль подрулил к конторке. Лесосека оглашалась надрывным ревом бензопил, стуком топоров и гулом моторов маневрирующей туда-сюда трелевочной техники. На крыльцо вагончика выскочил толстячок, который, поздоровавшись с нами, гостеприимно пригласил в конторку.

– Успеется, прежде дело, Игорек. Идем, поглядим, что ты там мне приготовил.

В сопровождении хозяина Шариф и Степан направились вглубь делянки к уложенным в штабеля бревнам, как я понял, убедиться в кондиционной пригодности товара и без лишних свидетелей обсудить финансовую сторону дела. Тем временем к нам стали подтягиваться лесорубы, движимые простым в этой глухомани желанием пообщаться с новыми людьми. Я изумился – большинство из них были выходцами из Средней Азии, мои земляки – узбеки, таджики. Однако их удивление было куда больше, когда я признался, что сам тоже «оттуда», из Ташкента. Расчувствовавшись, они обступили меня, как апачи своего вождя. Каждый стремился тепло потрясти мою руку.

– Как же вас занесло в «солнечную» Сибирь? – балагурил я.

– Э-э-э! нужда, братышка. А здесь можно хоть би немножко заработать деньга. Потом послать домой. Там в кишлак совсем емон, ака... – толковали они, довольно сносно говоря по-русски.

– Вы что, собрались здесь всем кагалом? Делать не хрен? – беззлобно выругался Игорь, подошедший со своим окружением.

– Вот, Игорь-ака, издесь наша земляк...

Игорь вопросительно взглянул на Шарифа, тот утвердительно кивнул головой.

– Ц-ц-ц! – Вдруг зацокал толстячок, обратив взор к вершинам деревьев, – что это за гусь к нам пожаловал?

Страхивая снежные комья, там, на макушке сосны, мостилась какая-то птица.

– Это дятел, – приглядевшись из-под козырька руки, утвердительно заявил Михаил. – Прилетел шишками поживиться, кору-то сейчас клювом не пробьешь...

– А ну, кто снимет этого красавца?.. – бросил Игорь и метнулся в конторку.

Через мгновение он появился с охотничьим ружьем «тозовкой» с вертикальными стволами.

– Ну?... – Игорь вызывающе обратился к гостям.

– Нельзя ради потехи убивать дятла. Беда будет, – ошалело, не без суеверного ужаса предупредил Михаил.

– Да брось ты, – отмахнулся толстяк. – Шариф!?

– Я, пожалуй, не смогу, а вот Андрей снимет запросто! – перевел на меня стрелки босс.

– Он...? – с каким-то недоверием и едва уловимой барской пренебрежительностью «обласкал» меня хозяин делянки. – Вон у меня их целый Чуркестан, так они и в ишака палкой с десяти метров хрен попадут.

Я опустил его выпад. Спецназ приучил меня сдерживать эмоциональные порывы, меньше болтать, больше делать. Предрассудки Михаила мне тоже были по барабану, тем паче за мной стоял Ташкент. Да что Ташкент – Узбекистан! А мы честь страны отстаиваем везде, куда бы судьба нас ни забросила и в какие бы условия ни поставила. Я взглянул на Шарифа, обвел взглядом с надеждой взиравших на меня земляков и взял ружье. Прицелился, выстрелил! Дятел, сбивая снег, камнем рухнул вниз. От неожиданности Игорь удивленно повел бровью и протянул мне руку, а братия нелегалов дружно зааплодировала.

– Иди, забери дятла, – завопил Михаил. – Нельзя убитую птицу бросать в лесу. Тайга отомстит... Все попадем в беду! Его слова прозвучали настолько убедительно и зловеще, что я отправился за подстреленным дятлом. Сделав несколько шагов в сторону сосны, я провалился в сугроб по самые уши. Без соответствующей экипировки дальнейшее продвижение представлялось невозможным, да к тому же мне не хотелось выглядеть скоморохом. Я вернулся.

– Ты что? – заполошно вопил Михаил. – Возьми лыжи, достань птицу...

– Ладно, не хрен здесь представление разыгрывать. Давай в машину! Так мы домой к ночи не попадем, – обрубил все дебаты Шариф.

Распрошавшись, мы двинули обратно. Только въехали в сосновый тоннель, как небо вдруг потемнело, подул сильный ветер. Михаил, вцепившись в баранку, косил на меня взглядом, полным уничтожающей укоризны. Погода бесновалась, набирая все большую силу. Повалил снег, началась метель. Деревья со скрипом раскачивались, будто корабельные мачты во время шторма, ветер срывал снежные шапки, швыряя их в разные стороны, хлестал, словно растерзанными в клочья парусами. Деревья кренились и падали, не в силах сопротивляться бурелому. Оказавшись перед очередной преградой из валежника, мы вылезали из машины, противостоя свирепствующей пурге, стаскивали стволы на обочину, пока те были посильны. Таким образом мы продвигались дальше, рискуя быть раздавленными следующей ухнувшей сосной. О том, чтобы вернуться назад, не было и речи, валежник преграждал дорогу как впереди, так и сзади. Михаил нудил после каждой вылазки, упрекая меня в злключениях: «...Вот, если бы ты забрал птицу, ничего бы такого не было... Тайга не прощает неуважения. Мы здесь просто сгинем...»

– Интересно, что бы ты пел, – не выдержав, ехидно отозвался я, – если бы этот Армагеддон обрушился на нас безо всяких брошенных дятлов?

– Этого бы просто не произошло! – убежденный в истине своих

предрассудков, перекрестившись, отозвался он.

– Тормози, тормози! – истошно заорал Шариф, вцепившись в плечи Михаила.

Водитель резко вдавил педаль тормоза. Перед уазиком, переломившись с треском, рухнула огромная сосна. Спружинив хвоей, комель почти воткнулся в лобовое стекло, преградив машине дальнейший путь. Как мы ни бились, ствол нашим усилиям не поддавался. Оттащить его в сторону сил четырех человек явно не хватало, а топор отскакивал от заиндевевшей: промерзшей насквозь древесины, как от гранита. Выждать было нечего, без техники не выбраться. Особо не заморачиваясь, на делянку за подмогой отрядили Степана и Михаила – вдвоем будет сподручнее пробиваться сквозь пургу. Я, как и положено телохранителю, остался с Шарифом. К тому же я разбирался в автомобилях. Лишь Господь ведал, когда подоспеет помощь, а жизнедеятельность техники и босса необходимо было обеспечивать.

Спустя час мы услышали звук перегазовки трактора, вскоре из снежного марева вынырнул и вездеход. Как группа десантников, мои земляки, вооруженные пилами, соскочив с брони, навалились на рухнувшее дерево. Распилив, растащив преграду, они на своем все разметающем «Вепре» поперли дальше. Мы пристроились в кильватер. Хотя буран не утихал, дорога вселяла оптимизм и уже не казалась такой жуткой. Лесорубы работали слаженно, мы тоже не оставались в стороне – помогали как могли.

В конце просеки выезд на трассу преграждала огромная лесина, в разы больше предыдущей. «Торопись не спеша...», – уяснил я тогда смысл поговорки. Окажись мы здесь чуть раньше, могли бы быть в хлам раздавлены этим дьявольским прессом. Вот и не верь после этого мистическому предостережению... Свидетельство тому не замедлило подтвердиться: после того как был убран последний распиленный кряж, тучи тотчас развеялись. Выглянуло вечернее солнце, кипящим золотом залив верхушки деревьев. От пурги не осталось и следа...

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Вырви рифмы из сердца

Из цикла «Пьяные корабли»

*«...для подвига рождена,
отечественная литература – отечественная война».*
А. Вознесенский

1.

Не бывает поэтов ни белых, ни черных,
не бывает поэтов слабых, никчемных.
Есть лишь – поэт.
Или же – не поэт.
А остальных нет.
Развенчайте меня. Не войну объявляю.
Белый флаг кладу в руки. Бросаюсь к роялю.
Говорят, что поэты – всегда шизофреники,
алкоголики и обличители. Гении,
путешествующие в пространстве и времени,
словно птенчики.

2.

Байрон. Англия. Желтый туман над водою,
«Чайльд-Гарольд», словно нож над твоею бедою.
Два бокала вина. Кофе. Карты. Разлука.
И погибель в восстании, что против турков.
Раздвоение личности?
Сколько нас, тысячи?
Дорости до безумия! Вырвись, калеченый,
как на дыбе мужик: голова без предплечия.
Ибо боль вся внутри. Дыбой схвачен рассудок.
И увидишь молочное, млечное чудо
янтарями хрустящими. Литература –
это бой. И летит убивать пуля-дура.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Родилась в г. Свердловске (ныне Екатеринбург). Окончила Горьковский государственный университет. Неоднократно публиковалась в СМИ и альманахах. Автор 31 сборника прозы и стихотворений. Участник литературных фестивалей, обладатель нескольких премий, главный редактор альманаха «Третья столица» Вологодской области.

3.

Это Бродский – последний поэт во вселенной:
Николай Чудотворец на пряжке военной.
Две недели в психушке в стенах Петербурга.
Все поэты, как крик на картине у Мунка.
Не хочу я работать. Хочу, чтобы деньги
просто так мне платили без всякой оценки,
без медалей и грамот – у Пушкина нет их.
У Есенина и Маяковского тоже.
Да плевать мне на премии, прении, вожжи!
На оценку моих современников! Пенки
всех архангельских труб! Изразцов на коленке!
Государство, плати по вселенской расценке
морем бед,
морем слез,
всем пожаришем сюрра.
Как же больно от слова мне «литература»!

4.

Что тебе мое Слово в страстях, о Галлея!
Разруби мое сердце, чтоб не было сердца!
Вот священник Владимир. Грешнее, святее,
но пока я вот здесь, но пока на земле я,
чем мне греться?
Обжигающей болью от кардиограммы!
Ее образ и почерк с приплеском пожариш...
А поэт – он иная субстанция, манны –
ей товариш!

5.

Все поэты как дети. Обидчивы и жестоки.
Ради слова они человека карают!
И в проклятья сдвигаются. Ибо им створки
приоткрыты в иное. В межмирное. Краем
между Вакхом и Бахом в органы и оргии.
Я впадаю, безумная, в Миргород Гоголя,
в микрокосмосы Гаршина, в тени бесстрашия.
Ибо «Красный цветок» про меня! В рукопашном я
пропадаю бою. Войны литературные
что ветрянки – под сорок два с температурой.
Если словом по темечку, как арматурой,
два водителя насмерть дерутся. Ажурными
их плетеньями трудно назвать! И коклюшками
вологодскими вряд ли, они – пампадурные.
И бездушные.

6.

Я к тебе всем восторгом Марины Цветаевой.
Ты ко мне, как Ахматова, пренебрежительно!
Виноватей я всех невиновных! Обхаяна!
Караванными лаями!

7.

Грех святых.
Сласть всех горестей.
Жажда близ питья.
Дорога безногих.
Виденья слепых.
Правда вранья.
Ум безумствующих.
Глупость гениев.
Стон битья!
Какая ж ты курва, литература,
война без победы. Небо без дна.
Ты – порно для взрослых. Где много гипюра.
Атласные простыни. Шуры-амуры.
Плоть обнажена. Беременна!

8.

Так вспори свое чрево.
Иди ты к знахарке. Сделай аборт.
Поэт аномален, особенно первый.
Достоевского «Идиот».

9.

Но есть светлый момент. Например, Нобелевка,
от которой откажется Пастернак.
Или Пушкин, убитый Дантесом. Родина,
как же так?
Альфа-Центавра, где есть человечество,
там есть поэт – на тебя он похож,
голову класть чтоб на плаху вечности
да под нож!
Я – не поэт. Поэтесса. Мне проше.
Мне под топор всей березовой рошей.
Я уже делала так ради Слова.
Но моя роша возрасталась по новой.
Это – Елабуга и Е. Благово,
родина та, что была кумачева,
но на осколки рассыпалась силой.
Ими меня – на куски – распрямило.

* * *

Упорно не замечая, как давится слезами бедняк,
как выполаскивается вздох из его телогрейки,
на линии сердца черта! И сквозит с неба мрак,
считая копейки.

Потихоньку выносят с черного хода мечты,
не услышанные в нашу стужу,
как утешить мне из неутех,
выворачиваясь, как мех,
мягкой, розовой песней наружу?
Я, распятый, с тобой, где ты,
я с тобою, кто предан всеу,
пролетарий мой трудовой,
кто «ура» кричал, голосуя,
кто оставил на мостовой
свое мертвое тело косулье...

Кто – под танки.

Кто – под ружье.

Мой народ, я с тобой, я со всеми.

Ты – последнее, ты свое
все отдал, ты пролил свое семя
в русских женщин. Безбрежна судьба!
Но святей нет поруганных истин!
Горячее нет сорванных звезд. И горба
нет прочнее и нет каменистей!

Кто не грешен, пусть слово бросает. Ловлю.

Гольтьба, побирушка, путана.

Задыхаюсь я в крике. Пускай улю-лю
ты мне вслед. Все – небесная манна:
я как старая мать бесталанных детей
своих бедных, как вечная рана.

Неужели разденут нас всех до костей
в пользу срама?

И какому молиться теперь нам царю?

Николаю? Ажедмитрию? Пану?

Коль к последнему тянутся сухарю.

А народ отдает со словами «дарю
с маком, пряный»!

Трудовые мозоли на пальцах старух:

они шпалы таскали на шпалозаводе.

И распухшие ноги. И взгляд их потух.

О прозренье слепых! Сотни сотен.

Крик молчавших.

Раскаявшихся Магдалин.

Слух неслышавших. Сладость огорченных и горечь
всех усланных. Видит ли вас Божий сын,
достает ли он с полки Златой свой кувшин,
шлет ли помощь?

«С твоей груди на плаху перейдет...»

М. Лермонтов

Как поэтам завидовать мне? Подскажи, научи!
 Ибо, видя поэта, мне хочется вынуть веревку...
 То ли травма зачатия в желтую темень ночи,
 то ли травма рождения, то ли времен жеребьевка?
 Не осуждаю.
 Люблю!
 Либо в списке одном,
 словно в санкциях я, все запрещено – глаза, память, руки.
 И одно лишь открыто, как будто Вийону дурдом,
 и одно запредельно – кипящие в омуте звуки.
 Мне так больно порой понимать занебесную связь,
 ты как будто с петлею на шее, к виску с пистолетом.
 Как завидовать мне? Ты – поэт, а не царь и не князь.
 Ты зареванный весь, ты заплаканный, ты – лишний третий.
 Гастарбайтер, как будто водитель, уборщик хламья.
 На дворе не серебряный век и не эсэсэсэрный.
 Здесь провальная зона. Трясина. Когда воробья
 отличить от жар-птицы не могут ни стать, ни размеры.
 Поколение иное. Без строчек и без запятых.
 Я кричу в свое эхо, и эхо меня понимает.
 Мне хотелось завидовать бы, но над болью мосты
 я скрепляю своим позвоночником, крепь ледяная
 до тех пор, пока не зацветет в моей пряной крови,
 я кладу свою голову рифмам и ритмам на плаху.
 Мне уже все равно, голова упадет ли? Увит
 лоб колючками, маками. Плач Андроматов
 в каждой жилочке пульсом... Скажи мне, я разве пишу?
 Пуповиной с ребенком во чреве я связана слитьем.
 Словно ломки во мне, наркоманом ишу анашу.
 Как последняя нишенка.
 Руки ко мне протяните!
 За стихи денег нет. Не дадут. Лишь из горла кусок
 будет вырван последний и клочок переломанной правды.
 Изошренней нет пыток. Как будто под поезд бросок.
 Ну вас к ляду!
 Сделать выдох и вдох. Не пиши, не пиши, не пиши.
 Вырви рифмы из сердца. Не сможешь? Так сердце рви тоже!
 Вымирающий вид. Краснокнижный! Не внемлющий лжи.
 Птица дронг с золотистой кожей.

ГЛЕБ

Рассказ

Александр МАХНЕВ

– Санька! Это к тебе.

Мама. Время семь вечера, я в своей комнате. На диване под теплым пледом с любимой книжкой. Кого там черт принес? Ну конечно, кого же еще-то...

– Здорово. Тебе че дома не сидится?

Мой школьный дружок Олег был циником. Он и теперь циник. Но тогда, двадцать с лишним лет назад, это было оригинально. Теперь-то все циники. Их нынче как собак нерезаных. А в восемьдесят первом это было необычно и, конечно привлекало всеобщее внимание.

Помню, сидим на перемене на подоконнике, громко трешим о всяком разном. По коридору прогуливаются одноклассницы. Вдруг останавливаются против нашей «мужской» компании. Ну не вдруг, конечно, чем-то мы их «зацепили». Зацепил, разумеется, он – Олег. У него «язык без костей», с него станется. После короткой перепалки Анжела, первая красавица класса, хитро прищурившись, говорит:

– Олег, а у тебя ширинка расстегнута.

Ну вот представьте: вы комплексующий юноша самого что ни на есть пубертатного возраста, и вам лучшая девочка класса, в которую вы, естественно, слегка влюблены, ТАКОЕ выдает. Я бы (да и не только я) провалился сквозь землю. Но поскольку об этом в данной ситуации можно было только мечтать, соскочил бы с подоконника и, весь красный, дрожащими руками стал бы застегивать проклятую молнию на причинном месте.

Но это я. А Олег, даже не скосив глаз на указанную неполадку, спокойно так ответил:

– Ширинка? Так застегни.

После чего под наше восторженное гоготанье девчонки поспешно ретировались.

Причем Олег был отнюдь не туповатый хулиган, а, напротив, юноша начитанный и вполне успевающий по всем предметам. Короче, циник-интеллектуал. Остромодный тип того времени.

– Пошли прошвырнемся!

– Да лень, честно говоря. Одеваться опять же...

Александр МАХНЕВ. Родился в 1964 году. Публиковался в литературных журналах и альманахах Узбекистана, Украины, Греции, Германии, России и Израиля. Автор свыше 300 литературных миниатюр и многочисленных рассказов. Живет в Ташкенте.

– Пошли, пошли, чего, я зря заходил, что ли?

– М-да. Аргумент убийственный, ну что он, правда, зря заходил, что ли...

Одеваюсь, выходим на улицу. В октябре в Ташкенте еще тепло, случается даже и жарко – днем. А по вечерам – прохладненько.

– Ну и? Куда пойдём?

– Твоя же выдумка прошвырнуться – давай, предлагай.

– У тебя деньги есть?

– Рубль с копейками.

– У меня тоже есть немножко. На бормотуху и пачку «Стюардессы» хватит. Посидим потарахтим.

Вообще, мне эта идея не особенно нравится, но лидер у нас, конечно, Олег, и я неохотно, но все же волокусь за ним в ближайший магазин.

В этом году мы окончили школу. Олег поступил в политех, я никуда не поступил. «По принципиальным соображениям», – так я объяснил родителям. Не желаю, мол, поступать «хоть куда-нибудь». Только по призванию. Озарения жду.

В школьном профцентре учился на художника-оформителя, и отец устроил меня через своего знакомого на завод «по специальности». Армия мне не грозит – забракован по зрению с обнадеживающей формулировкой «не годен в мирное время». Втягиваемся потихоньку во взрослую жизнь. Но в ней мы еще не успели обрасти новыми знакомыми и по привычке общаемся пока друг с другом.

– Нам, пожалуйста, пачку «Стюардессы» и... – рулит Олег. – Слушай! – обращаясь уже ко мне, – а пойдём к Глебу зайдем, его завтра в армию загребают.

– К Глебу? А чего мы к нему попремся?

– Ну... так, по приколу.

Глеб тоже наш одноклассник. Красивый, крепкий парень. «Видный», что называется. По нынешним временам хоть в телевизор. А к элите классной все-таки никогда не принадлежал. Особняком как-то всегда держался. Причем не отдельно стоящим, нет, просто не мог заслужить всеобщего уважения или удивления... а может, не хотел. Маменькин сыночек... Ни выпить, ни покурить. На фоне внешних данных это выглядело и вовсе странно. Ладно был бы сублильный очкарик вроде меня!..

Это теперь мне все понятно. Мать-одиночка. Тихая, пугливая, маленькая женщина. Для Елены Викторовны Глеб всегда был главным и единственным мужчиной в жизни. Так бывает, теперь я это знаю. Ну а Глеб знал это уже тогда. И покурить ему, наверное, хотелось за углом школы, и пивка хлопнуть с пацанами, но вот нельзя. Мать огорчать нельзя.

Урок физры. Сдаем кросс. Весь класс нарезает круги вокруг школьного здания. Наиболее ушлые делают пару кругов – отмечают, потом забегают за дальний от физрука угол и стоят покуривают. Наблюдают за удаляющимися кокетливыми силуэтами одноклассниц в обтягивающих трико. Стебаются над бедолагой учителем. А тому надо, что ли, контролировать нас, охломонов? Пару кругов пропустишь – еще один-два для отметки пробежишь. Весело! Вот Глеб сосредоточенно и добросовестно отмеряет дистанцию.

– Кончай дурака валять, Кузьмин! Давай покурим! Он немного смущенно отмахивается и скрывается за следующим углом.

– Здорово!

– Не ожидал?

– Да я это... нет, ну в общем... Заходите! Мам, ко мне ребята тут пришли.

Теть Лена напряглась мгновенно, сообразила, к чему мы клоним. Но все же сделала последнюю попытку спасти положение:

– Вот и хорошо, мальчики, проходите, раздевайтесь. А я чаю заварю. Глебушка, там, на кухне... принеси ребятам печенье.

– Ага, шас! Чай-печенье – полголоса возмущается Олег. – Ты это, Глеб, пошли прошвырнемся, проставочку сделаешь, не каждый день, небось, в армию загребают, – и уже громко добавляет (Елена Викторовна в комнату вошла):

– Так че, когда?

– Завтра в восемь утра сбор.

– Айда! Бормотухи возьмем, отметим это дело, – опять шепчет Олег.

На лице Глеба отчетливо проявляется отблеск небольшого сражения, происходящего внутри: и мать обижать не хочется, и нам отказать в лом. Но и на наших лицах, видимо, внятно отпечатано: ты мужик или кто?! Он вздыхает, мнетя некоторое время...

– Только недолго, пацаны.

Мы по-своему успокаиваем его:

– Да ладно, брось ты. Ну мать, понятно, психует. А ты-то чего ведешься? Не на войну, небось?..

– Пойдем хлопнем малехо, потарахтим...

– Не ссы, солдат, все будет чики-так!..

Глеб уходит. Из кухни слышатся обрывки его разговора с матерью:

– Да я быстро, мам... Немного прогуляемся с ребятами...

– Ну как же, Глебушка, ведь завтра уезжаешь... два года...

Приглушенные всхлипывания...

– Только вы уж недолго, мальчики, – обреченно говорит, вернувшись в комнату, Елена Викторовна, – пусть уж с матерью побудет последний денек.

Тут нас почти смех разбивает:

– Да ну что вы, тетя Лен, не на всю жизнь уходит, два года всего, пролетят – не заметите. А потом он у нас как пить дать отличником будет боевой и политической. Будешь, Глеб, отличником? – залихватски завершает Олег, хлопнув Глеба по плечу.

– Через год в отпуск пожалует, – бодро добавляю я.

– Ты потеплей оденься, Глеб, – печально вздыхает тетя Лена, – и уже в спину нам, поспешно и шумно спускающимся по лестнице: – Возвращайся скорее, Глебушка.

– Ну че! Десантура, я слышал?

– Да вроде так.

– За это дело надо выпить. Че там у тебя с башлями? Выгребай! Только пошли веселей, а то магазин закроется.

– Но я это... мужики... совсем немного...

– Да ладно, дуй давай, воздушный десант, там разберемся.

Взяли три портвешка, разместились в школьном дворе на дальней скамеечке. Распечатали. Глеб, до этих пор довольно кислый, особенно на нашем бодром фоне, слегка оживился:

– Я-то ничего, пацаны, мать просто нервничает.

– Ну доволен-то, что в ВДВ попал?

– Да, в общем, конечно...

– Зубрить надо было лучше! Шас в институте бы учился, – не упускает возможности подначить Олег.

– Ничего, отслужу и поступлю.

– Потом тяжело будет, позабудешь все.

– Зато оттарабанишь, вернешься, станешь как «В зоне особого внимания», круто!

– Давай под это еще хлебнем.

– А мать у тебя дает! Вцепилась как в свое.

– Не хамя.

– Да нет, я... Ну с пацанами-то надо перед армией отвязаться?

– Ты там, как освоишься, пришли фото. Выбери какую-нибудь дуру, стреляющую побольше – и шелкнись.

Травили анекдоты, матерились без всякой необходимости, курили, сурово – из горла – хлебали портвейн...

Настоящие пацаны!

– Ну ладно, мужики, мне пора.

– Как пора?! Может, на дискотеку?

– Оторвись напоследок!

– Не, я не могу, мать ждет, неудобно.

– Ну валяй, иди!

– Привет маме! – это Олег, разумеется.

– Счастливо тебе, увидимся, – пытаюсь смягчить я. Провожаем вроде, сами парня выташили... хотя... Маменькин сынок он и есть!

Удаляющаяся фигура Глеба растворяется в синих сумерках.

– Ну че?! На дискаря рванем?

Через полгода Глеб закончил учебку в Самарканде. Через семь месяцев прислал кому-то из наших фото из Афгана. Бравый такой – в панаме-афганке, весь обвешанный боекомплектком. Патронташи, гранаты, автоматы... Идиот! Мать, говорят, чуть удар не хватил. Форма ему шла.

А через девять месяцев вернулся сам. В закрытом цинковом гробу. Подорвался на mine.

Прости нас, тетя Лена, дураков...

Информации об Афганистане тогда еще было мало. Все больше энергичные рапорты об успешном выполнении советскими солдатами интернационального долга. Слово «война» ассоциировалось у нас исключительно с Великой Отечественной, давно закончившейся... А смерть в нашем возрасте и вовсе понятие нереальное.

Он не дожил до своих девятнадцати и остался вечно молодым. Все отчетливей с каждым годом я ощущаю жестокую безысходность этой романтической фразы.

P.S. Из «Словаря происхождения имен»: Глеб – имя редкое и очень древнее. Происхождение его неясно. Возможно, связано с ранним заимствованием древнескандинавского имени «Gudleifr» или древнегерманского «Godleib» с одинаковыми трактовками их значений: «потомок Бога», «наследник Бога» или «любимец Бога».

Мужественное, холодное и грубое имя. Его носитель – человек оригинальный и необычный.

Мог бы быть...

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЖАНР АНТИУТОПИИ

Рафаэль АХМЕДОВ

Роман американского писателя-фантаста Филипа Киндрета Дика «Человек в высоком замке», первый в жанре альтернативной истории получил главную награду в области научно-фантастической литературы – премию «Хьюго», продемонстрировав приемы, темы и символы, определившие своеобразие антиутопии как жанра: параллельные реальности и альтернативная история, таоизм и метафизика, свобода и отчуждение, психическое расстройство и расчет, искусство и интеллект.

Главной особенностью романа «Человек в высоком замке» является его возвратно-утопичная историчность. Писатель создает альтернативную реальность, в которой коалиция Германии, Италии и Японии побеждает во Второй мировой войне. Таким образом, читателю приходится иметь дело с двумя реальностями: настоящей и вымышленной (альтернативной). Некоторые критики утверждают, что в романе присутствует и третья реальность благодаря введению в повествование текста фрагмента «И наестся саранча», написанного неким Г. Абендсенем. Это «роман в романе», который читают ключевые персонажи основного романа, описывает альтернативную историю, в которой Германия и ее союзники потерпели поражение в войне. Несмотря на то, что события, описываемые в романе, ближе к реальной истории, полностью они с ней не совпадают. Так реализуется третья реальность – третий альтернативный сценарий. «И наестся саранча» не соответствует общей логике основного романа, так как его содержание является реальностью персонажей не основного романа и даже не реальностью читателя, а образует еще одну, третью, альтернативу. С помощью этого приема Ф. Дик создает эффект неустойчивости реальности. Некоторые литературные критики считают, что посредством «И наестся саранча» автор прямо обращается к своим героям. Но более верным кажется то, что этот «роман в романе», скорее напоминает камень, который создает рябь на воде, переходящую в цунами. Автор же с героями говорит посредством совсем другой книги – «Книги Перемен» – еще одного письменного источника внутри основного текста романа. Линиями гексаграмм из «Книги Перемен» автор

Рафаэль АХМЕДОВ. Родился в 1984 г. Окончил УзГУМЯ. Преподаватель кафедры англ. яз. и литературы Гулистанского государственного университета, автор многочисленных статей по англо-американской литературе и литературоведению.

ведет своих героев по нужному ему пути. Пожалуй, это самый эффективный способ проблематизации истории и исторических ценностей. Первой альтернативной историей («Человек в высоком замке») читатель подвергает сомнению собственную историчность и ее влияние на социальное устройство мира. Читатель ставит под сомнение обоснованность своей позиции. Но, сталкиваясь со второй альтернативной историей («И наестся саранча»), читатель начинает подвергать сомнению историчность событий основного романа. Третья же альтернативная реальность («Книга Перемен») полностью относится к реальности «будущего». То, что Ф. Дик неоднократно предлагает читателю на протяжении всего своего романа – это мысль о субъективности истории. Чтобы обосновать свою мысль писатель и обращается к «инверсии» реального и вымышленного хода истории.

Литературный критик Л. ДиТоммасо отмечает, что в романе «Человек в высоком замке» не больше внутренней правды, чем в тексте «И наестся саранча», так как история – «это идентификация и интерпретация данных прошлого: деятельность, которая может напрягать умы, но не может разорвать связи субъективности. Вся история субъективна, и это именно то, что Филип Дик неоднократно подразумевает в своем произведении».¹

Хотя Ф. Джеймсон утверждает, что постапокалиптические миры Ф. Дика нельзя рассматривать как антиутопию, так как у писателя «ни прошлое, ни будущее не являются автономными», роман «Человек в высоком замке» является одним из тех произведений, в которых элементы антиутопии гармонично сочетаются с историческим материализмом, иногда, даже с фантастическим реализмом. Как и в случае с историческим материализмом А. Азимова, в романе Ф. Дика нет строгих структурных рамок; писатель, посредством различных техник, позволяет читателю воспринимать три реальности в той последовательности, в которой этого хочет читатель. Поэтому сторонники постмодернизма видели в творчестве Ф. Дика яркий пример научной фантастики постмодернизма. Л. Хатчеон отмечал: «Историографическая метафикция включает в себя несколько областей: ее теоретическое самообоснование как части истории и художественной литературы становится, в свою очередь, основой для ее переосмысления и переработки форм и содержания прошлого».² Можно предположить, что оба текста («Человек в высоком замке», «И наестся саранча») должны рассматриваться как произведения историографической метафикции. Наличие «романа в романе» заставляет читателя не только переосмыслить прошлое и настоящее, но и подумать о возможном будущем. Именно это отличает утопические и антиутопические произведения Ф. Дика и укрепляет позиции научно-фантастического жанра в литературе постмодернизма.

В своем романе Ф. Дик сталкивает человеческие ценности двух реальностей, но только тогда, когда читатель уже начал воспринимать реальность главного повествования как свою. П. Уоррик, признавая двусмысленность реальностей в романе «Человек в высоком замке», считает, что оба мира, а с ними и предметы обоих миров, являются подлинными, так как обладают своей собственной историографией. Он называет

1 ДиТоммасо, Л. Мотив спасения в романе Филипа К. Дика «Человек в высоком замке». // Журнал «Science Fiction Studies», □ 26, 1999. – С. 93-98.

2 Хатчеон, Л. Поэтика постмодернизма: история, теория, литература. – Нью-Йорк: Раутледж, 1988. – 127 с.

это «пространством двусмысленности», через которое писатель может передавать социальные и философские идеи в совершенно разных ракурсах.

«Позитивизм писателя, свойственный многим его произведениям, превалирует и в романе «Человек в высоком замке». Верой в то, что труд помогает человеку не только достигнуть определенного успеха, но и утвердиться как личности, проникнуто все произведение. Роман позволяет читателю воспринимать события сюжета глазами четырех персонажей и попытаться понять, как разные люди воспринимают реальность, как она изменяется в зависимости от субъективных побуждений, страхов, ожиданий, навязчивых идей и т.д. В целом это создает в романе эффект общей неопределенности, так как сам космос представляет собой деформированное восприятие реального мира»¹. Это отчасти объясняет изложение Ф. Дика в произведениях нескольких точек зрения, подчеркивая, что каждая из точек зрения создает свой собственный мир. Это результат влияния на писателя идей европейских психологов-экзистенциалистов, которые утверждают, что для каждого человека существует два мира, «идиос космос» («idios kosmos»), который является уникальным, частным миром, и «койнос космос» («koinos kosmos») – общий мир. Человек обычно не может определить, какая часть его мировоззрения относится к миру «idios», какая – к миру «koinos». Идея имеет много общего с концепцией отражения К. Юнга (отражение бессознательного архетипа в «реальном» мире). Почти во всех книгах Ф. Дика главный герой страдает от разрушения своего «idios kosmos». По мере того, как разрушается «idios kosmos», четче проступают черты «koinos kosmos», довольно сильно отличающегося от «idios kosmos», который герой произведения теряет. В результате происходят странные трансформации во внутреннем мире персонажа.

Произведениям Ф. Дика не присущи утвердившиеся черты научной фантастики. Концентрируя внимание читателей на взаимодействии альтернативных миров, создавая различные социальные эффекты, такие как отчужденность и поиск «правильной» реальности, Ф. Дик создает «новую» фантастику. Как отмечает С. Лем, «Филип Дик не ведет своих критиков легким путем, так как он не столько играет роль проводника по своим фантазмагоричным мирам, сколько сам создает впечатление потерянного в лабиринте созданных самим же миров».² Тема отчуждения в произведениях Ф. Дика во многом основана на макетности создаваемых миров. В данном случае, макеты – это пустые сосуды, которые создают схематичную картину мира и, чтобы оживить их, наполнить разнообразием, необходимо заполнить макеты сознанием. От того, насколько сознание в одной реальности отличается от сознания в другой, зависит специфика двух созданных писателем реальностей. Ф. Дик использует очень сложные приемы создания альтернативной реальности, которые не разделены временем или пространством, как в других произведениях утопического или антиутопического характера.

Новый подход Ф. Дика фактически предопределяет еще один слой отчуждения, ведь автор не пытается создать лучший мир будущего, не пытается критиковать неуютный мир настоящего, а толкает читателя на то, чтобы он сравнивал два созданных мира, находил соответствия между альтернативным миром и миром вокруг. В этом смысле тексты произведений Ф. Дика

1 Росси, У. Скрученные миры Филипа К. Дика: чтение двадцати книг. – Лондон: МакФарланд, 2011. – 116 с.

2 Лем, С. Филип К. Дик: мировоззрение шарлатанов. // Журнал «Science Fiction Studies», □ 2, 1975. – С. 54-67.

близки к реалистическому изображению мира с элементами басни. Поэтому отчуждение может рассматриваться не как отчуждение в традиционном смысле, а как альтернативный способ изображения того, как наше окружение навязывает себя нам. Это особенно актуально для самого писателя, поскольку эти вопросы, по сути, присутствовали в реалиях, в которых он жил. Это вполне может быть главной причиной того, что произведения Ф. Дика были обречены остаться в рамках научно-фантастического жанра. Особый способ расшифровки реальности, который использовал писатель, включает в себя уровень потустороннего, странного и необычного. Своеобразие творчества Ф. Дика состоит в попытке объединить сюрреалистические миры и детальную реалистичность, основываясь на личном эмпирическом опыте. Ф. Дик поочередно становится Рэглумом Гумом, Джейсоном Тавернером, Риком Декардом и другими. Далее Ф. Дик создает такие произведения, как «Свободное радио Альбемута», «Валис», «Всевышнее вторжение» и «Трансмиграция Тимоти Арчера» – четыре романа, в которых делается попытка рационализировать опыт писателя.

Роман «Человек в высоком замке» как отмечают многие литературные критики знаковое произведение писателя. Д. Сувин, высоко оценивая его, заявляет, что «Филипа Дика можно охарактеризовать как яркого представителя антиутопической научной фантастики в стиле романа “1984” Дж. Оруэлла».¹ К. С. Робинсон поддерживает это мнение, отмечая ценную способность Ф. Дика создавать «вымышленные миры, построенные на метафорах, которые истинны в реалиях его фантастических произведений настолько, что созданное им «будущее» превращается для читателей в способ взглянуть на свое «настоящее».²

1 Сувин, Д. Мировоззрение: Филип К. Дик в фокусе. Издание второе, дополненное. – Нью-Йорк: Таплингер Паб Ко, 2013. – 94 с.

2 Робинсон, К. С. Романы Филипа К. Дика. – Лос-Анджелес: Издательство Калифорнийского университета, 1982. – 229 с.

АЛЬЦГЕЙМЕР

Эссе

Георгий ПРЯХИН

Сегодня я наконец-то вспомнил это проклятое слово: **к а м е р т о н**. Я увидел его – увы, не слово – дня три назад в кабинетике подвального ресторана, где у меня, как у завсегдатая, осязаемая скидка и где, и в силу этой меркантильной причины, а также близости ресторанчика к моему дому, я люблю ужинать с кем-либо из моих друзей или родни. Кабинетиков в этом ресторане не меньше трех, и самое грустное, что именно в э т о м за многие годы я уже далеко не в первый раз и она уже намозолила мне глаза, эта хреновина с полированными трубочками, установленная на деревянной полке рядом с другими совершенно бессмысленными здесь безделицами. (Имеют смысл лишь, когда приходишь сюда с малознакомой еще девушкой, наигранно озирающейся вокруг, и надо же с чего-то начать разговор – и как раз в этот момент она ошарашенно, искренне и натывается взглядом на эту совершенно неуместную здесь никелированную пустяковину: вот тебе и завязка!)

Развязка же впоследствии может случиться и совершенно неожиданной, неожиданной: камертон, призванный выискивать любую фальшь, может и сработать.

Даже когда тупо, истукан истуканом, молчит.

Правда, что касается девушек, то с ними я сюда давным-давно уже не хожу. Увы, не ходок. Если и случаются здесь у меня визави абсолютно противоположного пола, то это, во-первых, давно не девушки, а женщины. А во-вторых, – деловые. Бизнес-вумен. И разговоры у нас давно уже бизнестолка. Хотя какой уж там бизнес в моем возрасте, с моим прошлым, что куда значительнее моего настоящего, да еще и в нынешнем обглоданном, вернее, **о б г л а д ы в а ю щ е м**, времени? Одна видимость. Как говорил когда-то мой комбат Юрий Петрович Решетников: «конский топот за кулисами...»

Еще и потому камертон в такие часы угрюмо, несокрушимо молчит, только равнодушно, никелированно пялится: скука смертная...

Вот видите, черт возьми комбата аж с конца шестидесятых отчетливо

Георгий ПРЯХИН – политик, журналист, писатель и издатель. Член союза писателей России. Родился в 1947 г. в России, автор нескольких книг, (роман «Хазарские сны», и повесть «Интернат» и др.). Лауреат всероссийских и международных премий. Академик Академии российской словесности. В настоящее время – директор издательства «Художественная литература».

помню до сих пор – и фамилию, и имя-отчество, и звание: подполковник, фронтовик...

Так вот: в этом неказистом кабинетике, в загородке, где даже двери нету, одна только тяжелая от пыли ширма, штора, я далеко не впервые и раньше, в предыдущие разы, прекрасно знал, вспоминал имя этой не пришей кобыле хвост пустяковины.

А тут, слава Богу, что женщина сидела к ней спиной и не обратила на нее никакого внимания, хотя, как позже выяснилось, прошла в юности аж в Красноярскую консерваторию, где была прослушана аж самим Хворостовским, а я с какого-то рожна уставился, как баран на новые ворота, на нее, на безделицу, хотя на женщину еще можно и как еще можно глазеть, и – ни в зуб ногой!

Хотя в приятелях у меня сам красавец мужчина ректор Московской консерватории. А Дмитрия Хворостовского я и сам слушал, п р о с л у ш и - в а л дважды: первый раз, когда он впервые, еще при Советах, еще совершенно здоровый и демонически обольстительный, выступал в Большом, и второй – когда он под хорошей мухой чудесно запевал у своих давних и тогда еще всецело живых друзей в моем же доме, в моем же подъезде. Только тремя этажами ниже. Подъезд стоял на ухах, вырубив все телевизоры и даже кухонные пересуды.

(Перечитал сейчас, и даже под правым виском заныло: сколько этих расхожих, унылых, поневоле заноев, «хотя» – тоже однообразие, деградация, самая жесткая и очевидная разновидность которой – старость).

И так меня задело то, что не вспомнил, как же эта фигня зовется, – так заело, что я все эти несколько дней – и целенаправленно, и между делом – пытался, напрягаясь, вспомнить...

Что?

Имя?

Без имени, без наименования нет предмета. И вообще ничего. Слово действительно первично. Именно слово рождает все. Даже любовь, во всяком случае, отвечаю...

И это я, всю жизнь работающий со словом, словом работающий, начинаю терять почву под ногами?..

Как же тебя назвать? Ты, железяка чугуева, пусть и пялишься на меня (видите, хоть раз обошелся без «хотя»: слежу), но – не существуешь! Я люблю Макса Фриша, особенно его повесть «Человек появляется в эпоху Голоцена» о том, как пожилой мэтр теряет память. Швейцарец. Когда он, Фриш, живой еще, пусть(!) и пожилой уже, действительно мэтр, писал эту вещь, мир еще не знал этого зловещего австро-германского имени: Альцгеймер.

Современный Люцифер.

Не было имени – не было и болезни?

...Я видел Рональда Рейгана, когда это имя, имею в виду Альцгеймера, уже входило в силу и безмолвный сатана еще приживалкою, но уже поселялся со своими сопутствующими похабными шмотками в державных чужих и живых чертогах. Внешне Рейган все тот же, каким я его видел и раньше. Все еще артистически гибкий, элегантный, узколищый, с характерным (ударение на втором слоге) бычка-производителя невысоким, но солдатски твердым лбом, с выюшимся завитком над ним: такой был и у моего любимого дядьки,

Рональдова ровесника, фронтовика, – таковые, бетонно-дзотные, бывают выразительнее, многозначительнее и даже красноречивее прославленных «сократовских».

Позавчерашний главарь «великолепной семерки» и, увы, вчерашний – великой страны.

Да, он только что отошел от дел и вместе с Нэнси прилетел во Фриско попрощаться с Горбачевым. С Горбачевыми. И не только с ними.

Может, и с самим собой.

Восемьдесят девятый или девяностый...

После официального визита в Вашингтон Горбачев с небольшой свитой прилетел в Калифорнию. Как раз здесь где-то жил-доживал на покое экс-президент (правда, у американцев такой дефиниции нету: тут президенты любых сроков давности считаются и зовутся – п р е з и д е н т а м и) Рональд Рейган. Но вряд ли именно свидание с ним являлось основной целью крюка, заезда. Нет. Здесь, в Сан-Франциско, у М. С. назначена встреча с президентом, дай Бог памяти, не то Японии, не то, скорее, Южной Кореи.

Город был выбран, видимо, по принципу географической близости и к той, и к другой стране. Как раз во Фриско «Дикий Запад» по существу встречается, через Тихий океан, с сибаритственным Востоком. А М.С. был экономным правителем: мог в один присест, оптимизируя расходы, «окормить» и две, и даже три страны, я тому был не раз свидетелем.

Что же касается японо-корейцев, то они, уже по природе своей, еще крепче умеют и стяжать, и держать в сухом и корявом кулачке государственную монетку.

Как бы в компенсацию за обоюдную прижимистость, межгосударственную, встреча прошла в роскошно-помпезной гостинице (где мы, грешные, и жили).

С Рейганом же свиделись в утилитарном особняке советского консульства где-то на окраине Фриско. Впрочем, вся «окраина» эта густо усижена тихоокеанскими виллами, многие из которых куда респектабельнее нашего консульства (которое сейчас, кажется, опечатано америкосами).

Правда, у нашей резиденции тоже есть садик, пусть и напоминающий больше тропический палисадник.

В этом палисаднике я и увидел в последний раз президента Рейгана. Живого. Мы, несколько человек из сопровождения Горбачева во главе с тогдашним послом в Штатах Александром Бессмертных, сдержанно табунились тут под сенью экзотических, почти оранжерейных деревьев в ожидании гостя.

Горбачевы ждали высокую чету в доме.

К воротам подкатил «линкольн» – как еще один, в металле, уже увечеченный, президент. Правда, с государственным американским флажком на сногшибательном лбу. Из него прямо на ходу, как бы чуть-чуть выдрючиваясь перед русскими, выскочил единственный охранник и, когда лимузин окончательно остановился, тотчас распахнул дверь сперва перед президентом, а потом и перед евоной госпожой.

Рейган, чуть сутулясь (даже президентский лимузин ему все-таки не по росту!), тоже бодро вылез, обдернулся, взял под руку уже почти стеклянную Нэнси и упруго повел к нам. Как на смотрины. Нэнси подавала невестомую ладонь, как будто бережно держала на ней свечу – и каждый из нас

учтиво принимал это скорбное, остатное подаяние. Не скажу, что ее уже ответвшие глаза явственно просили нас о снисхождении – к мужу, но что-то в них подсказывало: она знала, что мы з н а е м. Знаем о болезни ее Рона. Хотя еще не было его печального обращения к нации, да и наш официоз на сей счет помалкивал: время начиналось такое, что не до чужих болячек – свои бы перемочь.

Взгляд самого Рейгана еще не рассеян, но смотрел он уже с к в о з ь тебя. Ежели и был сосредоточен, то на чем-то, что располагалось далеко-далеко за твоей спиной и виделось только ему одному.

Сейчас, когда пишу эти строки, вспомнил и другой взгляд, и другого человека. Возрастом даже постарше Рейгана.

Дэна Сяопина.

Тот принимал советскую делегацию как раз в дни нарыва на Тяньаньмэнь. Тема эта на переговорах сторожко обходилась, зато в нашем внутреннем, советском кругу не слезала с языка – крики, возгласы, скандирования Тяньаньмэня доносились и до отведенной нам парковой резиденции. Через несколько дней после нашего отлета они сменяются душераздирающими, под танками, воплями и предсмертными стонами.

М. С. представил нас, своих помощников: Шахназарова, Остроумова и меня (называл «три моих несвятых Георгия», поскольку мы носим, а кое-кто уже и с н о с и л, одно и то же имя и действительно далеко не святы). Старик Дэн, вручая мягкую ладонь, впивался в каждого таким п р о н и к а ю щ и м взглядом, что мороз по коже продирал.

Словно чувствовал, что мы, все трое, все-таки за тех, кто там, на площади!

Два таких разных взгляда. Почти так же, собственно говоря, различающихся и рукопожатия – у Рейгана оно еще цепкое, длиннопалое и энергичное.

Рейган каждому по-американски улыбался, но, странное дело, концы его губ при этом уже безвольно падали вниз.

Бессмертных увел Рейганов в особняк. Мы же, чиновничья челядь, остались в отстойнике-палисаднике. Не ручаюсь за точность, но вскоре Александр Бессмертных тоже вновь очутился с нами: из комнаты, в которой устроено «узкое», уже некуда, чаепитие, его тоже попросили. Если кто и остался там, кроме Горбачевых и Рейганов, так только бессменный горбачевский переводчик (он и сейчас с ним) Паша Палажченко.

О чем там говорили, о чем умалчивали, в дальней комнате с круглым столом, по-русски застеленным, белоснежной самовязанной льняной скатертью и по-русски же тесно уставленным «чайными» припасами? Даже у словоохотливого Горбачева нигде не встречал описание этого прощального, последнего свидания.

А Паша тем более не скажет, не проговорится – профессионал.

Горбачеву тоже оставалось не так много – до той амнезии, что вот-вот накроет страну, из которой, его начнут (в России всегда так: сперва превозносят, потом, опомнившись, а вернее, стремительно и окончательно забывшись, поносят), выпихивать, но он, к его чести, упрется и – останется.

Как приваленный утопленником камень, что и служит при наших сельских хатах порогом: «вот тебе Бог, а вот тебе – порог...» Через него,

Горбачева, и станут со временем гигиенично и равнодушно перешагивать.

Эх!..

Из них четверых, чаевничавших без свидетелей, раньше всех уйдет Раиса...

Последний же раз встретился с Рейганом в... Бишкеке. По старому – Фрунзе.

Не столько с ним, сколько с его ковбойскими сапогами с гнутыми металлическими шпорами.

В аэропорту.

Прилетел – я, не Рейган, – по приглашению тогдашнего киргизского президента Аскара Акаева: к слову, он был последним, к кому прилетал в президентском чине М. С. (вот ведь роковая для власть предержащих местность: Хрушев ведь тоже «вылетел» вскоре после визита в Киргизию!).

Аскар Акаев тогда еще, в дни моего «пребывания» в республике, даже не шатался, и у нас были общие издательские проекты.

Не шатался...

Под утро за нами в аэропорт из загородной иссык-кульской резиденции президента самолично прибыл замначальника акаевской охраны. Спортивный, ладный – молодость, как крутой мускул в ожидании «дела», упруго перекачивалась под его тонкой смуглой кожей. Он сам и сидел за рулем громоздкого японского внедорожника. Мчал нас по Чуйской долине, поджигитски лихо – на поворотах шебенка шрапнелью вылетала из-под колес, – не притормаживая ни перед бетонными блокпостами (он, казалось, горячась, перепрыгивал их, как при стипль-чезе), ни тем более перед «стекляшками» ДПС. Приветлив и общителен. Не отрываясь от баранки, рассказал, что проходил стажировку аж в Штатах, в спецподразделении, и по стрельбе так даже обштопывал тамошних президентских «секьюрити». Оно и понятно: номад – всегда охотник. Какая хозяйская самоуверенность, даже больше, чем у самого «хозяина», интеллигентно-академического Акаева, сквозила в каждом его жесте, слове, в каждом своенравном повороте руля!

А всего через несколько месяцев я увидел его совсем другим. В Москве, в окружении экс-президента, изгнанника, инсургента, получившего здесь временное и пока еще, на первых порах, в меру респектабельное убежище. Москва и сама по себе моментально сдирает лоск с чужаков, да еще изгнанников; лишенные корневой системы, они оказываются в ней как в неволе. А тут еще и сами обстоятельства бегства, страх за оставшуюся в Бишкеке семью наложили сиротский отпечаток. Растерян и подавлен. А ведь совсем недавно казалось: за таким – как за каменной стеной. В любой ситуации выручит, отстоит, отстреляется.

Не отстрелялся.

Правда, надо признать, именно этот парень оказался наиболее расторопным и отчаянным, когда пришлось спешно, через черные ходы эвакуировать президента и доставлять его (вот когда джип, наверное, и впрямь летел, а не ехал!) в этот же аэропорт, где под парами разогревался борт на Москву, в котором уже сидела на узлах президентская обескураженная семья.

Американская натаска пригодилась-таки!

Так мой бывший провожатый и оказался и в самолете – кто-то

же должен был отважиться удерживать автоматом двери от напиравших преследователей. И в Москве – один как перст, с президентской семьей вместо семьи собственной.

Одного такого я знал и в горбачевской охране. Тоже – с автогенными глазами, а росту – со спичечный тверденький коробок по сравнению с другими экспонатами СО. Прочертил мелом на форосском дворе между и таким безразличным тоном предупредил других, переметнувшихся во главе с его собственным начальником, царем и богом, отцом и отчимом, генералом Владимиром Медведевым, с которым не первый год передвигался аж от Брежнева аж до Горбачева: не пе-ре-сту-пать!

И автоматом удвоил, врезал черту. Что написано пером, а уж автоматом – и подавно.

...Сижу в аэропорту, в VIP-зальчике, раньше они именовались депутатскими, теперь же депутаты, во всяком случае отечественные, и взлетают непосредственно с частных нычек, VIP-аэродромчиков, сижу в ожидании VIP-транспорта, теперь наземного. И от нечего делать пялюсь в безостановочно зудящий, подвешенный на стенке напротив широкоформатный плазменный телефункер. И вдруг на экране крупным планом всплывают... ковбойские стоптаные сапоги. Чересседельником прилаженные к спине породистой коняги. Правда, узкими и длинными носами не по ее размерному ходу, а наоборот – задом наперед.

За конягою, попыхивая чадом, движется бронетранспортер с лафетом, а на лафете, спеленутый все тем же, но резко увеличенным, звездно-полосатым флагом, – гроб. Как и положено – передом (впрочем, по-русски надо было бы нести задом, ногами).

Кобыла налегке, седок – на лафете.

Всматриваюсь, и до меня доходит: хоронят Рейгана! Прямая трансляция из Вашингтона.

Вот так свиделись.

Никакого закадрового текста нет. Просто печальная, речитативная кантри – музыка. Каковой, правда, классической, мы наслушались с экранов и в Москве в конце семидесятых – начале восьмидесятых.

Я боюсь шелохнуться. Не только от неожиданности и сакральности момента, но, главным образом, и потому, что на руках у меня, на коленях, невеликая, но бесценная ноша.

Моя пятилетняя внучка.

Умаянная долгим полетом, она сомлела на дедовых «ручках», применительно к моим – ручишам.

Трансляция долгая-долгая: свои похороны Рейган, былой киношник, что вообще не вытравляется, пока был при памяти, продумал и расписал скрупулезно, до мельчайших деталей. И выстроил очень красиво, если можно говорить так о погребении. Даже безмолвие, по-моему, было обусловлено им самим. Собственно, оно лучше славословий и придавало печальной торжественности происходящему.

Ковбойские желтые короткие сапоги с раструбом из грубой свиной кожи: хоронили последнего ковбоя Америки.

Втихую, тоже почти безмолвно, по существу спровадившего накануне на тот свет Советы.

Мне подумалось: а ведь и лошадь, американская Савраска, наверняка из «Великолепной семерки»... Потомица. Наследница...

Очнулся, когда меня тронули за плечо, и я увидел прямо над собою зеркально-яркие, хоть и по-азиатски беззвездные, смеющиеся глаза. VIP-транспорт прибыл! Почти лафет...

Но ношу свою я ему, как он ни предлагался, не передал, не передоверил: мое! Сам буду, ежели что, ежели басмачи, отстреливаться – при военном училище имени Верховного Совета СССР проходил когда-то, после Армии, курсы командиров мотострелкового батальона. Так и внес ее на вытянутых руках в по-вагонному поместительный джип, что почти повсеместно заменили сегодня в этих местах верблюдов.

И с рук больше не спускал. Небо уже светлело, невестилось и потихонечку поспевало к извечной своей фертильности. Внизу же вокруг, по-паучьи липко лапая наши пуленепробиваемые стекла, темень оседала и только сгушалась. Чернее, траурнее, непрогляднее нее были лишь громадные, я бы сказал, библейские, если б не дышал Коран за спиною, ископаемые чинары. Чьи купы уходили так высоко (или так глубоко?), что, запутавшись в их спасительных силках, последние, уже обретающие зловещий, антрацитный, нержавеющий отблеск, звезды гасли, как на рождественских елках по истечении зимних вакаций.

Альцгеймера я боюсь больше всего на свете. Не узнать своих детей – это еще хуже, чем пережить их. Сражаюсь с ним повседневно. Пусть хотя бы пока и придуманным: нагадали козе смерть, она ходит – ну, и далее по тексту. Способ борьбы у меня свой. Я не люблю кроссворды. Не смотрю телепередачи: любая развлекуха сейчас, являясь тупой калькой с вновь проклипаемого Запада (мы, мол, такие духовные, а они там сплошь, якобы, пустоцветы), рядится сегодня в почти что профессорскую мантию записных всезнаек.

Я вспоминаю запахи. Это и есть моя метода борьбы со старостью. Вспоминаю их, может, еще и потому, что запахи, уверяет наука, дольше всего удерживаются в памяти, стало быть, и помнить их легче, чем остальное. Особенно хорошо помнятся и ощущаются они такими шибко близорукими, как я. Слепые, наверное, вообще феноменальные нюхачи. Обоняние у них, наверное, еще лучше, чем у их четвероногих поводырей.

Я с детства прекрасно улавливаю запахи и разбираюсь в них. Мышь, например, могу обнаружить в комнате вовсе не по мелькнувшему хвостику, который и различить-то не в состоянии, а, как матерый котопфей, исключительно по ее «духам». Меня можно брать напрокат. Запусти в любой чулан-амбар, и я точно укажу на его обитаемость.

У многих моих ровесников обоняние с годами ослабевает. У меня же, в противовес глазам, даже усиливается. Например, сейчас, на восьмом десятке, я понял, что пахнут не собственно мышки, а их накопившиеся окаменелости. Какашки.

Моя дочь – первоклашка, ныне сама уже почти бабушка, изъяснилась в свое время сочнее: с р а к а ш к и. Унаследовала! Не знаю только, не отмер ли сейчас этот атавизм.

Пытаюсь преодолеть бессонницу, что тоже является разновидностью старости, я и восстанавливаю по памяти запахи детства – юности.

Когда был малышом, самым желанным и счастливым для меня

являлся запах солидола. Желаннее даже самой халвы. Других сладостей мне не перепадало, а халва все же находилась в пределах досягаемости. По крайней мере к этому вожделенному, почти черному, – он даже слезился не светлыми, а пасмурными слезами, – почти что из жмыха, обломки которого таскали мы тайком с деревенской маслобойни и целыми днями точили об них свои еще молочные зубы, вожделенному бруску, пикассовскому заветному кубу, выставленному на прилавке сельмага, можно было подойти вплотную и незаметно поколупать его. И даже лизнуть. Целый рой нас, никола-александровских послевоенных пацанов, набивался к этому обольстительному кубометру с его одуряющей аурой. Облеплял его, и кубометр помаленечку менял и свои суровые геометрические формы на более покатые, и даже становился рябым, ноздреватым. Старился прямо на глазах. Заметно таял, терял в весе, особенно когда над прилавком снисходительно возвышалась полноводная грудь моей юной «мамашки», моей крестной красавицы Нюси.

Солидола же - потому что у многих мальчишек в округе уже имелись велосипеды, (знаменитый «ХВЗ» – аббревиатура расшифровывалась второгодниками уже самым непотребным образом, а у меня его все никак не было. И я крутился вокруг них, счастливичиков, о б л а д а т е л е й, вечно возившихся со своими великами, рьяно участвовал в смазке – для нее же использовался всенепременно солидол. Которого у отцов-делов-дядьев, трактористов-шоферов всегда пребывало в избытке. Из кожи вон лез в надежде, что после мне все-таки дадут «прокатиться». Когда же у меня, наконец, появился и свой собственный, персональный «ХВЗ» и у него вдруг полетели в главной втулке оба шариковых подшипника, я с помощью все того же универсального солидола, которым в селе умудрялись даже раны лечить, с помощью этого истинного повидла (если шоколад – черный хлеб авиации) сельской механизации запишал в заглавную втулку аж тракторный роликовый подшипник! – разве ж можно было в Николе раздобыть велосипедную запчасть: ни денег на них не водилось, ни самих запчастей тем более.

Это был воистину мой звездный час! – подшипник оказался вечным и даже пережил мое безотцовское детство. Как же могу я забыть зловонный запах самого счастья?!

...Потом, после полуночи – запах чудесных лаково-желтых степных цветов, что росли прямо за нашим разгороженным двором. Степных, поскольку и степь начиналась прямо за нашей саманной хатой. Я до сих пор не знаю названия этого чуда. Для нас они были просто – «желтые цветы». Полупустыня не заморачивается с наименованиями своей скудной флоры, другое дело – фауна. У них луковицы как у тюльпанов – их мы называли «бузлюками», что-то азиатское, потому как и степь у нас и вправду пограничная. Ранней весной выкапывали их складными ножичками из только что подтаявшей клеклой земли, сдирали ногтями кожицу, которую и шелухой-то именовать грех, и – смачно лопали. Горько-сладкий сок восхитительно брызгал из надкусанного бузлюка: сама наша скаредная жизнь становилась слаше. Но тюльпаны не пахнут, наши же, собранные в девичью просвечивающую шепоть, пахли просто головокружительно. Тонкий, изысканный запах зарождающейся весны: этой золотой готической, острогранной короной можно было бы короновать и ее саму.

Нет сейчас на моей родине ни этих божественных цветов, ни бузлюков,

как нет и крылатоногих, горбоносых, как самый гениальный нюхач русского языка Осип Манделштам, сайгаков. И сказочных стрепетов, которых я тоже однажды, целой дериваблевидной стаей, молча, молитвенно пасушейся по свежему жнивью, застал все в том же детстве. Ничего этого, ни к о г о этого нету. Исчезло. Зато на былых полях моей Николы грохочет сегодня, особенно по ночам, в духе времени т а н к о д р о м.

Остались только в моей стареющей памяти.

Эх...

А запах весеннего ландыша? Эти духи в миниатюрных скляночках входили в моду в середине шестидесятых, и умопомрачительные микроскопические капельки их незримо таяли на самых вкусных, крошечных мочках самых изяшных и непослушных ушек в моей судьбе. Позже, когда мы с нею, девятнадцатилетние и неприкаянные, оказались вдвоем на чужбине, в действительно лесных русских краях, я однажды набрел в лесу на дурман-поляну действительно живого, действительно лесного ландыша. И сдуру обнес ее, поляну. И вечером, заявившись в закуток, отгороженный чересчур чуткой фанерой, который снимали мы с нею в чужой и суровой холодной избе, бросил огромную, туго скрипучую, благоуханную охапку прямо под босые ноги своей Весне.

– Дурак! – подтвердим. – Они же из Красной книги! – всплеснув тонкими весенними руками, счастливо отругала меня и кинулась на коленях по одному собирать первоцветы своей судьбы. Так и ползала, елозила, на спелых коленках и не только на них, перед ландышами, разбросанными, как в Троицын день, по шелявому дощатому полу.

А мне казалось – передо мной.

Сегодня же самый дорогой мне запах – это запах подмышек моей, еще в молодости скончавшейся, матери. Как сладко спалось мне, пока не появился отчим, в этой умиротворяющей пушистой выемочке! Женщины пятидесятых, послевоенные несостоявшиеся невесты и слыхом не слыхивали, что подмышки следует брить, чтоб они у них были как у ошипанных и выскубленных куриц. Его я вспоминаю явственнее всех других оттенков. И мнится он мне чаще всего в самый тягостный предрассветный час. Запах только что испеченного и празднично вынутого из русской печи высоко подошедшего, с обливной, хрустящей корочкой, ноздреватого белого хлеба. У нас на юге в пятидесятых хлебá пекли только белые. Белые-белые... Тяжеленькие-таки облака торжественно грудились по пятницам на шелявом как и пол деревенском столе.

А в шестьдесят первом матери уже не стало...

...А ведь один эпизод я все же забыл. Запомню. Заспал? И вспомнил только сейчас. Рональда Уилсона Рейгана я видел и еще раньше, во второй половине восьмидесятых. Видел, а еще внимательнее – слушал. Рейгану, прилетевшему в СССР, предоставили возможность выступить перед тщательно отобранной, подобранной (ясно, кем и ясно, из кого) аудиторией в МГУ. Я там, в аудитории, не сидел. Не присутствовал. Сидел, вцепившись в поручни, в своем кресле зампреда Гостелерадио СССР в Останкино и пристально всматривался, а еще пристальнее вслушивался в полдюжины бельмовидных экранов, висевших, опять же висевших, на стене передо мною. В Останкино подавалась прямая трансляция «лекции» президента

США. Следовало отобрать, выкроить, что вечером, в программе «Время», позволительно выносить из нее на широкую публику. На советский народ. Он же такой, любой народ, – сам ведь не выберет, не определит, что ему надобно, поучительно, а что – нет. Не поучительно. Не полезно. Вредно! Признаться, Рейганом я тогда заслушался. Умный, четкий, неожиданный, даже на фоне Горбачева, жесткий и завораживающий, особенно молодежь (мне и самому сорока не стукнуло), текст. Глобальный. Что ни пассаж, то выброс, в б р о с интеллекта. И никакого телесуфлера перед глазами.

Может так зазубрил написанное помощниками-спичрайтерами?

Мне кажется, он был действительно, не по-ковбойски, умен. Умнее всех последующих за ним. И ихних, и наших.

И такого, иезуитски умного, жесткого и невероятно, не по-киношному, искренне обаятельного в своем уме и в своей жесткости, – н а к р ы л о . Альцгеймером, как накрывает младенцев, м л а д е н ч е с к а я .

Жестки люди, костлявы, но старость – еще жестче. Еще костлявее. Ломает через колено. Не разбирая, где спинной, а где – уже головной.

Потому ее и боюсь.

Что осталось тогда, вечером, в программе «Время»?

Попробуйте вспомнить.

Вряд ли получится – и ножницы тогда тоже были остры, да и одногодки-погодки мои тоже сегодня уже почти беспмятно едут-бредут, похолстомеровски прикрывши воспаленные от бессонниц вежды, с ярмарки.

Много лет спустя, уже более начитанным, чем полагается государственному чиновнику любого ранга и любого государства, я узнал, сам дочитался, что один плагиат у Рейгана – или у его писарчуков – все-таки сквозанул. «Империя зла», звучная и знаменитая нынче дефиниция, все-таки принадлежит не ему. Не Рональду Уилсону Рейгану. А Александру Первому. Александру Павловичу. Благословенному. И была пушена им, Александром, в дипломатический и светский оборот, кажется, на Венском конгрессе более полутора веков до Рейгана.

Империя зла – так Благословенный инквизиторски заклеил тогдашнюю наполеоновскую Францию.

Однако существа дела эта фистула не меняет. Смертны, то есть подвержены беспощадной старости, все: и империи (как зла, так и добра, хотя случаются ли в истории последние?). И, тем более, люди.

И душа моя вдруг запела...

Александр АРИСТОВ

Я жизнь прожил то радуясь, то плача,
Любил, дружил, за хвост ловил удачу,
Терял очки и набирал штрафные,
Дни были сладкие и были дни иные.
Но жизнь мою, корявую такую,
Не поменяю я ни на одну другую!

Я сочинять стихи собрался.
Взял ручку. Черт! Она не пишет!
Позвал жену – она не слышит!
Короче, фокус не удался.

Ну что ж, решил пройтись по скверу,
Проветрить голову. Быть может,
Мне это как-нибудь поможет,
И я тогда создам поэму.

Брожу, считаю звезды в луже.
Их миллионы или даже...
А в прочем, сколько их не важно,
Вот Музы нет, а это хуже.

Стихов, конечно же, не будет,
Коль вечер сразу не задался.
Я в этом сам себе признался.
Пойду-ка спать – с утра разбудят.

Александр АРИСТОВ. Родился в 1962 г. в Ташкенте. Журналист. Ген. директор совместного узбекско-азербайджанско-российского предприятия «Kimyohimoyata'minot». Член президиума Русского культурного центра Узбекистана.

Дай руку теплую твою.
Ах, что за прелесть эти пальцы!
Так мягко на ладонь ложатся.
Не отнимай их, я молю!

Позволь мне ими завладеть
Хоть на короткое мгновенье,
И целовать до исступленья –
Не смею большего хотеть!

Я не думал, что будет больно.
Мне казалось – простое дело.
Я коснулся тебя невольно.
И душа моя вдруг запела!

Дальше были слова без смысла,
Разговор из сплошного подтекста,
А потом тишина нависла –
И для слов не осталось места.

Я так давно не видел ваших букв...
Я это в смысле нашей переписки.
А хочется еще и рук, и губ,
И, может быть, какой-нибудь записки.

Ну, например, что грустно без меня
И жаждете минутного общенья...
Или лететь в далекие края,
Чтобы подарить друг другу наслажденье.

Какие-то красивые слова
И взгляды, что прочесть лишь в наших силах.
О, как от них кружится голова...
И сколько в голове мечтаний милых!

Нет, над годами я не властен!
Уж осень волос серебрит,
Но дивный шелест дамских платьев
Меня, как в юности, пленит!

Ах, что за прелесть эта ножка
И шейки дивный поворот!
И эта хрупкая застежка,
От взглядов шейку бережет!

О Женщина! Тебе дана
Всепообеждающая сила.
Меня навеки ты пленила
И навсегда лишила сна!

Ударившись о грань бокала
И соскользнув на край стола,
Упал на пол и вполнакала
Свой отблеск дал на зеркала!

Весенний луч, не яркий, робкий,
Скользнул у ваших стройных ног,
Ковра коснулся шерсти тонкой,
И дальше сдвинуться не смог!

Собравшись с силой встрепенулся
И приподнялся было он,
Но тут слегка ноги коснулся
И рухнул снова – побежден!

**ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ)**

Ирина ГАЛУШЕНКО

Узбекское искусствоведение начала XXI века обогатилось уникальными трудами в области национальной классической музыки исследователя традиционной музыкальной культуры Востока, заслуженного деятеля искусств Узбекистана и Каракалпакстана, лауреата Государственной премии Узбекистана и Международной премии имени Коузумие Токийского университета за выдающийся вклад в современную этномузыкологию Отаназара Матякубова. Выход в свет цикла фундаментальных работ ученого на узбекском и русском языках, посвященных узбекской национальной музыке, является итогом его многолетних научных изысканий и открывает новый этап в современном музыкознании, вводя в обиход категориальное понятие «узбекская музыка», которое вбирает в себя все предшествующие варианты: узбекская классическая музыка, узбекские макамы, профессиональная музыка устной традиции.

Опираясь на многовековой опыт предшественников в изучении традиционной музыки, Матякубов разработал целостную многоаспектную концепцию макомоведения и узбекской музыки, охватывающую различные параметры функционирования жанровой системы этого уникального явления, учитывая преемственные связи поколений мастеров. Как отмечает Матякубов, «Классичность – это некий эталон совершенства, являющийся конечной целью всякого искусства, в том числе и музыкального» (Матякубов О. Узбекская классическая музыка. Книга 1. Истоки – Т., 2015 – с.44). Узбекская музыка – тому доказательство. Ученый убедительно с философских позиций обосновал классический статус узбекской музыки в целом и ее макомата, в частности, нашел ключ, открывающий путь к новым направлениям в науке и искусстве, созданию аналогичных концепций в разработке инновационных методологий изучения художественного творчества.

Методы исследования, применяемые Матякубовым в его научных трудах, направлены на изучение важнейших проблем философии искусства и, прежде всего, смысловой духовной сущности творческого мышления как неотъемлемой составляющей жизнедеятельности индивидуума. В числе

Ирина ГАЛУШЕНКО. Музыковед, кандидат искусствоведения, профессор кафедры истории музыки и критики Государственной консерватории Узбекистана. Автор научных и методических работ.

основополагающих исследовательских методов здесь следует назвать функциональный, системный, аксиологический. Следует отметить, что ученому удалось аналитическим путем установить сущность равновесия структурно-композиционных, музыкально-выразительных и действенно-драматургических функций в макоме, что представляется принципиальным для музыкальной науки.

Выступая на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Музыкальное образование XXI века: реалии и перспектива» (2011 г.) в Казахской национальной консерватории имени Курмангазы, Матякубов на основе исторического анализа развития узбекского музыкального классического искусства пришел к логическому выводу: «Музыкальное образование имеет гетерогенную природу, в которой переплетаются следующие корневые системы – наука, искусство и художественность»¹. Этим творческим принципом ученый руководствовался в процессе создания своего фундаментального труда (в русской версии «Узбекская классическая музыка», а в узбекской – «Узбекская музыка»), который оригинально обозначен как фундаментальное исследование и учебно-литературное издание.

Следует отметить, что стремление Матякубова взаимоувязать науку, искусство и художественность ярко проявились в его увлекательно написанной книге «Додекаграмма», жанр которой ее автор определил как «очерки в очерках о музыке и музыкантах моей страны и моего времени». В эту инновационную с точки зрения методологии научного исследования книгу, создающую живописную картину современной музыкальной жизни Узбекистана в контексте мирового сообщества, органично входит традиционная национальная культура. При этом Матякубов избегает таких общезначимых полярностей, как «традиция – современность», «Восток – Запад», «композитор – фольклор», «народное – профессиональное», которые «при всей содержательности все-таки затягивают в лоно устаревших стандартов». В этом, несомненно, проявляется широта научного мышления ученого-философа, осознающего условность сложившихся антитез, требующих сегодня переосмысления и поиска новых методических подходов к их исследованию. В частности, полярность «Восток-Запад» становится в эпоху глобализации все более типологической условностью, поскольку в ходе активных миграционных процессов проходит интерактивное взаимодействие восточных и западных культур, приводящее к своеобразному синтезу.

В книге «Додекаграмма» взаимодействие Востока и Запада рассматривается на различных уровнях, и, прежде всего, на внешнем и внутреннем. Внешний, экстравертный, аспект отражен в реализациях процессов, направленных на социокультурную идентификацию, на утверждение узбекского музыкального искусства в общемировом пространстве. Внутренний, интровертный, аспект взаимодействия Востока и Запада многофункционально раскрылся в серии международных музыкальных фестивалей в Узбекистане, способствующих обогащению и развитию творческого мышления узбекских композиторов, музыкантов-

¹ Матякубов О. Некоторые проблемы изучения узбекской классической музыки в системе Государственного музыкального образования // Музыкальное образование XXI века: реалии и перспективы. – Алматы, 2009. – С. 38.

исполнителей, дирижеров, артистов. «Знакомство с “Додекаграммой” Матякубова не оставляет сомнений в ее многостороннем научном, практическом, литературно-художественном значении и ее подлинно концепционном характере».¹

Обращаясь к фундаментальному труду «Узбекская классическая музыка», необходимо отметить широту не только исторических, теоретических, музыковедческих знаний, но и глубину философско-эстетического, психологического и социокультурного тезауруса Матякубова. Сочетание этих качеств, присущих научному мышлению ученого, обладающего к тому же и ярким литературно-художественным талантом, позволило ему создать поистине уникальный источник познания макамата. Информационная насыщенность данного учебно-литературного издания не создает вместе с тем ощущения перегруженности, благодаря четкому музыковедческому аппарату и хорошему литературному языку.

Важным методологическим принципом научных трудов Матякубова является опора на изречения великих мыслителей Востока, соотнесенных с проблемами нашего времени. Актуализация высказываний о музыке Фараби, Навои и других корифеев научной мысли интеллектуально обогащает музыковедческое пособие в аспекте связи времен и исторической памяти. Здесь Матякубов выступает как философ искусства XXI века, для которого преемственность традиций, метод историзма имеют огромное значение. Это же объясняется введением в контекст исследования узбекской классической музыки таджикского шашмакома².

Понятийный аппарат трудов Матякубова свидетельствует о необозримой широте охвата явлений макомного искусства, позволяет органично войти в контекст исследования. Сочетание специфических понятий и терминов с общенаучной и общезначимой лексикой, с обыденным литературным языком придает музыковедческому языку Матякубова смысловую осознанность и глубину. «Требование однозначности, четкости и непротиворечивости относится в первую очередь к понятию. Требование многообразия, свободы выражения – к языку, и в том числе к фиксирующим понятия терминам»³. Изучение музыковедческого языка Матякубова само по себе уже представляет большой интерес с точки зрения формулировки понятий и терминов, ясно раскрывающих сущность типичных для макомов форм, развития и единства, принципов ладовой организации.

Значимым теоретическим открытием Матякубова при сведении ладообразований основополагающих частей в единую систему макома-цикла является выдвижение в качестве конструктивного принципа «внутреннего родства круга первичных ладовых ячеек, но только на более высоком уровне в сравнении с ладообразованием в отдельных мелодиях»⁴. В историко-теоретические наблюдения ученого, в анализ эстетической проблематики, в характеристики творчества музыкантов вписываются вопросы поэтики макома, чрезвычайно важные для понимания философии искусства.

1 Галушенко И. Восток и Запад в книге «Додекаграмма» Отаназара Матякубова // Восток – Запад: аспекты взаимодействия. – Т., 2014 – С. 28.

2 Матякубов О. Узбекская классическая музыка. Книга 1. Истоки – Т., 2015 – С.184-190.

3 Назайкинский Е. Понятия и термины в музыке // Методологические проблемы музыкознания – М., 1987 – С. 157.

4 Матякубов О. Узбекская классическая музыка. Книга 2. Теоретические основы. – Т., 2015 – С. 58.

Глубоким проникновением в теоретические основы макомата отличается монография «Истоки и принципы хорезмской танбурной нотации», вышедшая в Ташкенте в 2018 году. Проблема интерпретации нотного текста, расшифровка информации, которую несет в себе нотная запись, играют ключевую роль в исполнительской практике. «С точки зрения семиотики нотация является знаковой системой, кодом».¹ Стремление ученого раскрыть истоки, принципы и содержательный смысл хорезмской танбурной нотации с современных исследовательских позиций получает в монографии всестороннее воплощение. В этом отношении фундаментальный труд Матякубова является неоценимым вкладом в изучение узбекской классической музыки.

Обобщая опыт многолетних исследований и размышлений о макомате в выступлении на Международной научно-практической конференции «Музыкальное искусство XXI века: проблемы и решения» (Ташкент, 2018 г.), Матякубов пришел к выводу: «Шашмаком представляет собой многомерную музыкальную систему, но главных – два параметра. Один параметр, ладовый, выступает в роли суммирующего начала. Другой, ритмический, наоборот, является фактором членения»².

Новая концепция узбекской музыки в целом и макомата, в частности, многоаспектно разработанная Матякубовым, является методологической базой для осмысления современного национального музыкального искусства, а также могучим стимулом для изучения различных направлений, ведущих к постижению смысла жизнедеятельности, ибо, как утверждал немецкий философ-исследователь Иммануил Кант, «хранительницей науки всегда должна оставаться философия». Именно поэтому изучение фундаментальных трудов Отаназара Матякубова необходимо молодому поколению, устремленному в будущее.

1 Мальцев С. Нотация и исполнение // Искусство музыканта-исполнителя. Выпуск 2. – М., 1976 – С. 69.

2 Матякубов О. Новая концепция узбекского национального искусства маком // Музыкальное искусство XXI века: проблемы и решения. – Т., 2018 – С.309.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Елена КАМИНСКАЯ

ЧАСТЬ 1. ИДЕЯ ПУТИ: КОЛЕСО АРБЫ И ПИАЛА

Своеобразие символики в современном узбекском рассказе целесообразно рассмотреть на материале инереснейшего и достаточно сложного рассказа Улугбека Хамдама «Пиала воды».

Идея круга – тематическая, философская доминанта рассказа. Колесо арбы – круг. Палящее солнце – круг. И жизнь человека – круг. Человек приходит в этот мир с определенной целью. «Неизвестные», наделившие героя целью, дали ему с собой в дорогу старую, правильнее даже сказать «старинную», арбу.

Идея круга в схожем смысловом решении прочитывается и в картине Волкова «На арбе» (1925): все подчинено движению колеса арбы, все вписано в этот незамысловатый, через века прошедший круг.

Форму круга имеет и еще один образ – главенствующий, определяющий, вынесенный в заглавие – образ пиалы. «Пиала воды» – символ материнского лона, дающего жизнь, оберегающего, защищающего от земных невзгод.

Так, например, в рассказе А. Битова «Бабушкина пиала» (Битов А. Повести и рассказы. Избранное. – М., 1989. Далее после цитат в скобках указываются только страницы издания) каждая вещь в бабушкином дубовом шкафу напоминала членам семьи о чем-то сокровенном, что происходило с ними раньше: «Я взял пиалу, настоящую узбекскую пиалу, которую бабушка привезла из Ташкента» (5). Ташкентская пиала возвращает героя в 40-е годы, когда они с матерью пробирались к бабушке, вырвавшись из блокадного круга. Самое дорогое воспоминание – чаепитие: «...и я уже пил чай вприкуску. Я брал своими руками фантастически белый сахар и пил чай из невиданной чашки. Она была без ручки, и я не мог найти, где эта ручка отломалась. А бабушка объяснила, что чашка такая и была, что это настоящая узбекская пиала. Я пил чай из пиалы...» (6).

В расколоте мире ребенок находит для себя образ-символ спокойствия и благополучия – круглую, как и подобает, пиалу, круг, оберегающий

Елена КАМИНСКАЯ. Доцент, докторант кафедры мировой литературы НУУз. Окончила НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей по проблемам русскоязычной литературы в Узбекистане.

ребенка и его мать. Ребенок не знает значения узора на пиале («Вокруг нее крадучись ходили парами странные ежики...»), но чувствует, что это волшебство, мир безмятежного детства. Он словно на дне пиалы, внутри материнского лона, в магическом круге-узоре: «Вокруг меня, как часовые, степенными, вкрадчивыми шагами ходят парами ежики...» (6).

Герой становится взрослым. Чудесная пиала теряет для него былое очарование: «Она точно такая же... Но вокруг пиалы не ходят парами ежики – просто это какой-то азиатский цветок или плод...» Но, как оказалось, со временем пиала не потеряла своей волшебной силы, дающей людям покой и надежду. Герой ссорится с отцом и уходит из дома, а вернувшись, узнает, что у отца приступ. Разрешить ситуацию помогает знаменитая ташкентская пиала: «Теперь попей чаю... Ты обязательно должен попить чаю. Я наливаю чай в пиалу» (9).

Благодаря «мертвой вещи», несущей в себе сквозь годы память о живом человеке, память о семье, не только разрешается извечный конфликт отцов и детей, но и восстанавливается связь поколений и эпох. Таким образом, чаепитие изначально нацелено положительно влиять на отношения героев.

В рассказе А. Битова функции образа пиалы широки, как и в рассказе У. Хамдама. Пиала, имеющая форму круга, являет собой идею целостности и гармонии. Это образ-проводник, гармонизирующий окружающую действительность. Его целостность – в хронотопическом единении: прошлое-настоящее-будущее, рождение-жизнь-смерть. Благодаря образу пиалы, становится «зримым», осязаемым процесс понимания текста.

М. Бахтин выделяет в процессе понимания четыре этапа: 1) психофизиологическое восприятие знака; 2) его узнавание; 3) понимание значения знака в определенном контексте; 4) активно-диалогическое понимание¹. Через образ пиалы претворяется в жизнь идея диалогичности: «художественный текст... всегда построен по типу диалогического общения...»².

Для интерпретации образа пиалы необходимо обратить внимание на ряд теоретических положений герменевтики³.

Ю. Борев отмечает: «Понять – значит усвоить смысл, открыть и пережить то духовное состояние, которое пережил автор текста в процессе творческого акта»⁴. С образом пиалы связан такой феномен, как герменевтический круг – круг понимания. В соответствии с правилом герменевтического круга «целое надлежит понимать на основании части, а часть – на основании целого»⁵. То есть даже через один конкретный предмет (образ) мы можем приблизиться к пониманию художественной концепции писателя, выраженной в конкретном произведении, так же как через это произведение в соответствии с правилом герменевтического круга мы можем составить представление о творческой лаборатории писателя, о специфике его индивидуально-авторского стиля.

1 Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 364.

2 Борев Ю. Эстетика. – М.: Изд-во политической литературы, 1988. – С. 424.

3 Герменевтика – искусство и теория истолкования текстов, учение о понимании смысла высказывания и шире – другой индивидуальности. Герменевтика может быть охарактеризована как учение о познании личности говорящего и ею познанного. См. Хализов В. Е. Теория литературы. – М., 1999. – С. 106.

4 Борев Ю. Там же. – С. 424-425.

5 Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход. – М., 2011. – С. 157.

ЧАСТЬ 2. ИДЕЯ ПУТИ: ЗАДАЧА И ЗАГАДКА

Арба с поклажей готова к долгому пути. Да и герой полон сил и желания выполнить возложенную на него миссию. Повествование ведется от первого лица, что усиливает документальность происходящего и сообщает исповедальность. Герой как бы раздваивается: с одной стороны, это герой-повествователь, рассказывающий о произошедшем с ним случае, подчеркивая его необычность, фантастичность, с другой – герой, который делится происходящим с ним, пропуская события через себя. Вторая линия носит ярко выраженный психологический характер. Герой переживает, с ним происходят душевные метаморфозы, которые повлекут и физические изменения: на смену молодости и свежести придет старость и увядание. Если первый повествовательный пласт подчеркивает «нереальность» происходящего (ситуацию можно квалифицировать как «происходящую во сне, а не наяву»), то второй повествовательный пласт, напротив, до предела реалистичен и даже физиологичен, что достигается усиливающимся по мере развития сюжета психологизмом. Можно сказать, что именно психологизм и является одной из основных движущих сил сюжета рассказа. Наличие двух повествовательных линий, причем разновекторных на первый взгляд, обусловлено философской направленностью рассказа.

Действительно, человеку свойственно видеть себя «отстраненно», осознавать себя частью мира и одновременно проживать происходящее «изнутри» (в себе). Путь героя – мучения, испытания. Человек мучается от жажды и зноя, и каждый шаг усиливает страдания. Дело в том, что «пиала воды» – это одновременно чаша превращений и чаша прозрения. В этом и есть философский подтекст (исток) двух повествовательных линий: что делает герой в процессе своего изнуряющего пути – решает задачу или отгадывает загадку (пытается узреть в происходящем некий тайный смысл)? Речь идет, таким образом, о смысле жизни человека, о его предназначении.

«Пиала воды» – это рассказ, требующий размышлений и порождающий вопросы. На первой странице читаем: «...все это превратило мою миссию в увлекательную головоломку...»¹. Мотив пути относится к разряду «классических», он предполагает наличие образа дороги и связанного с ним хронотопа (пространственных и временных особенностей). Об этом писал М. Бахтин, выделяя хронотоп дороги и встречи. Схема напоминает задачу из школьного учебника: «из пункта А в пункт Б движется тележка...» На метафорическом языке художественного произведения «тележка» становится «телегой жизни» (в качестве художественных параллелей можно привести знаменитого толстовского «Холстомера» и «Конягу» Салтыкова-Щедрина).

В решении задачи будет фигурировать и некая точка С. Это промежуточный пункт между исходной точкой А и пунктом прибытия – точкой Б. Точка С – это караван-сарай, некое сказочно-фантастическое место, куда попадает герой и где с ним происходят изменения: «Вдруг вдалеке показалось что-то похожее на водоем. Я не поверил своим глазам, боясь, что это мираж. Действительно, водоема так и не оказалось. Но вдруг постепенно стало вырисовываться что-то весьма внушительное. Это оказался огромный караван-сарай у самого края дороги. От радости я не заметил, как остановил

1 Хамдам У. Пиала воды (перевод с узбекского С. Камиловой) // Хамдам У. Рассказы. // Библиотека www.ziyouz.com. Далее цитаты приводятся по данному электронному ресурсу.

лошадей, как соскочил с арбы и мгновенно оказался напротив настезь отворенных ворот! Ах! В тот момент мне словно заново вернули жизнь!»

Для анализа повествовательной схемы рассказа необходимо обратиться к понятию сюжета и наиболее значимым для поэтики рассказа теоретическим аспектам. В. Е. Хализев отмечает: «Подобно другим компонентам произведения, сюжет полифункционален. Одно из его предназначений состоит в том, чтобы выявлять перемены в положении людей и их судьбе, которые с античных времен называют перипетиями¹». ² В области поэтики сюжета исследователь разрабатывает проблему, интересную и с точки зрения литературоведения, и с точки зрения философии. Речь идет о «парадоксальности сюжета».

ЧАСТЬ 3. ИДЕЯ ВЕРЫ: ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

Кульминация рассказа, по-видимому, подсказана заглавием («Пиала воды»). Переломным моментом в путешествии героя стало посещение караван-сарая, где было исполнено его главное желание – утолить жажду. Пиала воды – навязчивая мысль героя, ставшая единственной целью его жизни-путешествия. С трудом преодолевая муки жажды, герой движется по дороге. Заглавие словно приводит нас к афористичному выражению «испить чашу до дна». Еще один философский вопрос – вопрос веры и ее истоков – подсказан самим сюжетом: судьба человеку уготована свыше, и он должен следовать по дороге жизни, укрепляя свой дух верой. Но человек не слепой исполнитель чужой воли. Накопленный за годы жизни опыт – бесценное богатство, и им надо суметь воспользоваться. Вера должна быть осознанной.

В данном притчеобразном повествовании доминирует идея религиозного начала: человек не должен отступать от уготованной ему свыше миссии, тогда в конце пути кувшины с водой будут ему воздаянием. Сосуд с водой, цельный, неразбитый, подобен человеку, сохраняющему себя перед лицом Бога во имя божественной истины, во имя веры. Но человек, не знающий истинной ценности перевозимого им груза, не знает истинной ценности веры, поэтому испытывает жажду, имея воду. Вера укрепляет дух и ограждает от сиюминутных желаний.

Две повествовательные линии могут быть обозначены как «задача» (ее решают) и «загадка» (ее разгадывают). В чем смысл рассказа? В правильном решении задачи, т. е. в правильном распределении времени. При решении обязательным условием является определение того, что лежит в арбе (вес, ценность груза). Герой не обладает этой информацией, когда начинает движение по дороге жизни (и это абсолютно нормально), но он не знает этого, находясь почти у цели, т. е. за весь долгий путь он ни разу не задумался о том, что везет, зачем и для кого. Большую часть времени он мучается от жажды, эта мысль порабощает его. Эмоции захлестывают героя, и он теряет самообладание, становится рабом своих желаний, физических потребностей: «Мне пояснили, что если я буду ехать прямо, не сворачивая, то доберусь до наступления сумерек, что эта дорога сама приведет меня до места. Я верил

1 Перипетия, согласно «Поэтике» Аристотеля, – перемена событий к противоположному (См. Литературный процесс. Сборник под редакцией Г. Н. Поспелова. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – С. 175.)

2 Хализев В. Е. Функция случая в литературных сюжетах / Литературный процесс. Сборник под редакцией Г. Н. Поспелова. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – С. 175.

в это. Моя вера была бы незыблема, если бы не жажда. Однако желание напиться постепенно, но неумолимо и безжалостно полностью захватывало все мое существо. Казалось, что внутри меня перемешаются горячие барханы, подобные верблюжьему горбу».

Специфику повествования определяет событие, как точка изменения сюжетной линии, а вместе с ней и идейно-тематических доминант. Мы должны решить, какое событие является наиболее важным: когда герой пьет из «чаши жизни и смерти», получая при этом один глоток вождленного наслаждения, но расставаясь в мгновение ока с годами жизни, или когда выходит из караван-сарая и наступает момент прозрения («С трудом опираясь на палку, я с усилием сделал несколько шагов и, приблизившись к арбе, скорбно прислонился к ней. В тот же момент почувствовал, как моя грудь и бок насквозь промокли, отодвинулся, открыл глаза, осмотрел телегу: под ней на сухом песке образовалась лужица воды. Удивившись, собрал последние силы и дрожащими, изможденными руками сбросил тряпье, покрывающее арбу... О господи, в этот момент в голове моей промелькнуло все пережитое. И как же горько было видеть... В тележке рядами стояли кувшины, полные воды, один из них разбился, и из него капала вода на вековые, жаждущие влаги пески...»)?

Событие является определяющим при характеристике героя. Тамарченко Н. Д. отмечает: «Событие – перемещение персонажа, внешнее или внутреннее (путешествие, поступок, духовный акт), через границу, разделяющую части или сферы изображенного мира в пространстве и времени, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом или отклонением от нее»¹. Поскольку событие связано с пересечением границы, то следует определить два вектора движения, которые покажут и разницу между задачей и загадкой. Герой движется вперед. Вектор движения задан. Конечная точка и результат определены. В момент движения появляется новое желание, которое заставляет движущегося человека ускориться, что в данном контексте равносильно кардинальному изменению первоначального задания. Это ускорение становится противодействием вере героя. Желание утолить жажду противостоит духовной жажде и духовному обогащению. Материальная цель героя – пиала воды (глоток воды превращает жизнь в одно мгновение, и герой становится стариком).

В чем решение Задачи? Время человеческой жизни быстротечно. Если человек живет исключительно материальными желаниями, оно проходит быстро, подобно испитой за одно мгновение пиале воды. А в чем смысл Загадки? – В вопросе «Почему герой не повернулся назад, почему не задумался о смысле самого процесса движения с тяжелой ношей?» Повернувшись к тележке с грузом, человек-пешеход мог сделать свое движение осмысленным. Желание утолить жажду (движение в сторону караван-сарая и сиюминутных желаний) могло смениться желанием сделать осмысленным весь жизненный путь, при этом продлилась бы жизнь и самого героя. Если в Задаче речь идет о Времени, то в Загадке – о Вечности, так как человек, знающий смысл своего пути, знающий, во имя чего он претерпевает страдания, – прозревает вечность, понимает истинный смысл веры и всей человеческой жизни.

¹ Тамарченко Н. Д. Теоретическая поэтика: Понятия и определения. Хрестоматия. – М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2001. – С. 131.

Татьяна ОСИНА

СОВРЕМЕННЫЕ ХРОНИКИ

«Ильхом» 2020

Роль искусства как «общественного камертона», «зеркала», «сейсмографа» и «диагноста» жизни отмечали многие теоретики и практики искусства. Сегодня, когда мы живем в условиях нового глобального предела мира – стремительно изменяющегося, раскачанного, турбулентного, крайне политизированного, – неслучайно именно социальная драма, политический театр оказываются на пике острейшей востребованности, в зоне особого и повышенного внимания современного театрального искусства. Об этой тенденции в развитии современного мирового театра красноречиво свидетельствуют названия последних громких российских и отечественных премьер: «Аудиенция» (Ленком), «Иранская конференция» (Театр Наций), «Губернатор» (БДТ им. Г. Товстоногова), «Одинокая лодка», «Лавина» (Ташкентский Русский драматический театр). В отечественном узбекском театре есть, однако, особенный творческий коллектив, известный не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами, который с самого момента своего появления, 40 с лишним лет назад, и в последние годы активно разрабатывает и развивает традиции остро-социального театра, призванного регистрировать и исследовать болезненные точки современного мира, современного общества, современной жизни. Это театр «Ильхом» Марка Вайля. Будучи авангардным с самого начала, работая на опережение, театр за последние 4–5 лет пополнил свой репертуар такими спектаклями абсолютного пронзительного социального звучания, как, «Дождь за стеной» Ю. Клавдиева, «Замок» Ф. Кафки, «Жестяной барабан» Г. Грасса, «Собачье сердце» М. Булгакова, «Симфония» В. Понизова [См. об этом материалы автора в журналах «Звезда Востока» (2017, № 2, 4, 5; 2019, №1, 6), «Театр» (2017, № 5; 2018, № 5)].

Не стал исключением февраль 2020 года, когда сразу четыре премьеры театра, очень разные в режиссерском видении и стилистическом воплощении современной отечественной и зарубежной драматургии, подтвердили интерес и приверженность «Ильхома» к жанру социальной драмы, политически заостренному, злободневному театру.

Татьяна ОСИНА. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Кандидат философских наук, доцент. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, в сборниках научных трудов.

Актуальностью и прямым попаданием в цель поразил основной конфликт спектакля «Завтра» (режиссер-постановщик Артем Ким). Автор пьесы, известный музыкант, журналист и блогер Никита Макаренко, взяв за основу знакомую жизненную ситуацию, словно накликал беду, буквально «считав» трагические для театра «Ильхом» февральские события 2020 года, когда руководство театра, равно как и горемычный герой пьесы «Завтра», получило предписание покинуть свое историческое помещение, освободив его для строительства современного бизнес-центра. Чудовишную бизнес-акцию удалось приостановить благодаря вмешательству властей – Министра культуры РУз Озодбека Назарбекова и заместителя председателя попечительского совета Общественного фонда поддержки и развития национальных медиа Саиды Мирзиеевой, поклонницы театра «Ильхом», заверившей, что «не даст в обиду "гордость культурной жизни Узбекистана"». Свою роль сыграли пресс-конференция, организованная театром, вмешательство мировой общественности, деятелей международного театра. Общими усилиями «Ильхом» удалось отбить от очередных нападков зарвавшегося бизнеса. А что же наш «маленький человек» из пьесы «Завтра», живущий в мире глухоты, прагматики, «фонтанов, нефти и денег», людей без памяти, без родины, без истории, где действует закон «выживает сильный»? Бесправного и беззащитного, настрадавшегося и уставшего от бессмысленности ожиданий, его принуждают к бунту – таков трагический финал спектакля, в пространстве которого действует еще один герой – талантливый, сильный и успешный, однако и его жизнь испытывает на прочность, ломает, проводит через свою непростую историю, в которой есть место отступничеству и прозрению, соблазну, предательству и личностному росту, верности мужской дружбе. Два молодых актера, Р. Бабаджанов (главный герой-бедолага) и Р. Мусакулов (его друг, популярный молодой композитор), вникая в тяжелые, «подлые» обстоятельства жизни своих героев, передавая искренность их переживаний, во многом определяют успех спектакля, заслуженно разделив его с известными мастерами сцены.

Последующие три премьеры «Ильхома» состоялись при поддержке Гете Института и продолжили уже сложившуюся многолетнюю традицию театра. В рамках ежегодных Дней современной немецкой драматургии зрителям были представлены новые сценические импровизации пьес именитых немецкоязычных европейских авторов – Рональда Шиммельпфенинга, Фердинанда фон Шираха и швейцарца Лукаса Холлигера.

«Великий пожар» (режиссер Максим Фадеев) – сценическая импровизация пьесы Р. Шиммельпфенинга погружает в мир глухоты и агрессии, в болезненный морок, где утрачены нравственные ориентиры, нарушены вековые традиции братского соседства. Жители деревни, оставшиеся в живых после сокрушительного пожара, обречены на гибель, получив отказ в живительном спасении от жителей соседской деревни и оказавшиеся бессильны перед стихией безбрежной воды. Неспособность услышать друг друга, экстремизм, мир войны и беды... Созданная драматургом история – словно репортаж с места событий в февральские дни этого года, когда бактерия китайского коронавируса породила чудовишную вспышку настоящего средневекового варварства: жители Полтавской области Украины забросали камнями и угрозами автобус с украинцами, вернувшимися из китайского Уханя, чтобы продолжить карантинное затворничество на Родине.

Костер, пожарище, искаженные злобой и страхом «лица», – все это предстало перед изумленным человечеством с экранов новостных программ как раз в дни премьерного показа «Великого пожара» в Ташкенте. В импровизации театра, в пластической композиции с фольклорными мотивами – пластика (Илья Останин), музыкальное оформление (Ян Добрынин) – мир уютной патриархальности взорван, как и в жизни, породив в финале спектакля трагическое ощущение глобальной человеческой катастрофы, потери, безвозвратной утраты человечности.

Вторая импровизация по пьесе швейцарца Л. Холлигера «Монстры крушат высотки» (режиссер заслуженная артистка Узбекистана Марина Турпишева) исследует катаклизм современного миростроения, который вызывает довольно серьезные опасения социологов, культурологов, философов всего мира. В возрастающем противостоянии элитарного и народного, массового, грозящем подрывом единого национального самосознания, опасным расколом общества, видится конфликт, который воспринимается зрителем уже как глобальная метафора еще более опасного цивилизационного противостояния, угрожающего самому существованию человечества. Драматург, проводя свой социальный эксперимент, искусственно помещает в одну среду – одну квартиру людей из разных, непересекающихся в реальной жизни миров, – людей, словно живущих на разных планетах. Это две супружеские пары, назовем их условно жителями парадных подъездов (Глеб Голендер – Элина Резникова) и скромных жилищ (Владимир Юдин – заслуженная артистка Узбекистана Ольга Володина), простые обыватели, «люди пива и супа» и высоколобая, витийствующая в модернистских мирах Штокхаузена, Лигетти, Шнитке, Денисова и Губайдулиной элита. Поскольку искусство призвано совершенствовать человеческие отношения, миры, не пересекающиеся в реальной жизни, усилием воображения драматурга и артистов постепенно гармонизируются, сближаются, агрессия, война и угрозы уступают место сочувствию и сопереживанию, люди находят язык для взаимопонимания – чем не пример для смертельно конфликтующего современного человечества? Мастера ильхомской сцены и молодая актриса М. Сафарян создают яркие, выразительные, характерные образы, которые помогают зрителю не только поразмышлять над сутью поставленных драматургом проблем, но и получить яркие художественные впечатления.

Пиком моральной и интеллектуальной напряженности, а также художественной составляющей февральского театрального марафона явился «Террор» по пьесе Фердинанда фон Шираха (режиссер-постановщик Борис Гафуров), который, по сути, продолжил поиски причин конфликтного современного мироустройства человечества, исследуя новые аспекты, открывающиеся в новых жизненных обстоятельствах. Военный летчик майор Ларс Кох (А. Соломицкий) сбивает самолет с исламскими террористами и 164 пассажирами на борту, спасая 70000 зрителей футбольного стадиона. Он обвинен в убийстве 164 человек. Присяжные заседатели – они же зрители в зале – должны вынести окончательный вердикт о его виновности или невиновности. Пьеса создана в лучших традициях жанра судебной хроники, воплощенной в великих произведениях романной и кинематографической классики XIX–XX веков, таких как «Воскресение» Л. Толстого и «Американская трагедия» Т. Драйзера, «Процесс» Ф. Кафки, «12 разгневанных мужчин» С. Люмета и «12» Н. Михалкова, а также роман «Бесы» Ф. М. Достоевского,

который пророчески предвидя многие угрозы и трагические события XX века, помогает нам, сегодняшним, лучше понять и осмыслить недавнее прошлое и современные вызовы. В «Бесах» великий писатель подробно исследовал психологические корни, иезуитскую тактику русского анархистско-индивидуалистического террора XIX века. Однако масштабы террора XX века, принявшего формы государственного терроризма и ответственного уже за десятки, сотни миллионов жертв, замученных в печах концентрационных лагерей, уничтоженных в атомных взрывах Хиросимы и Нагасаки, за сожженных жителей деревень (Хатынь), городов (Дрезден), стран (Югославия, Ливия, Ирак..), пожалуй, не мог предвидеть даже гений Достоевский. Великий гуманистический посыл «Счастье человечества не стоит слезинки одного замученного ребенка» опрокинул безжалостный, жестокосердный XX век, а сегодня XXI век своей жестокой реальностью отвергает, делает незаконным запрет немецкого Конституционного суда принципа «Жизнь за жизнь» в пьесе Фердинанда фон Шираха. Обвиняемый летчик Ларс Кох, безусловно, не герой, но и не преступник, а мужественный человек, оказавшийся в невыносимой жизненной ситуации выбора и принявший единственно правильное решение, лишь подтвердившее его профессиональную и человеческую состоятельность.¹

А драматург – опирается он на реальные факты и законы или нет – имел полное право придумать, смоделировать художественный конфликт, создать ложный пафос выбора присяжных только для того, чтобы подвигнуть зрителя судебного заседания к активным размышлениям на злобу дня. Это удалось автору с лихвой в жестких перекрестных дуэлях (судья – В. Юдин, адвокат – Б. Назармухамедов, прокурор – Р. Мамедов, свидетельница – Х. Белоусова), в накаленных ритмах и тревожно-напряженной атмосфере спектакля и в особенности в молчаливой дуэли подсудимого и дежурного офицера (А. Ходжаев). Являясь полным антагонистом обвиняемого майора, этот «бесстрастный регистратор событий», действовал по уставу, по инструкции, по закону, он, конечно, невиновен, не должен принимать решения об эвакуации, но возможность выбора у него была – поднять шум, «поставить всех на уши», нарушить субординацию, получив затем дисциплинарное наказание. Летчик Ларс Кох, который уверенно выиграл у суда присяжных, этот выбор использовал, проявив стальную, несгибаемую убежденность в правоте своих действий, – это безусловный успех студента 11 студии А. Соломицкого. Получив масштабную «роль судьбы» (актер имеет летный опыт) прямо со студенческой скамьи, молодой артист по праву разделил успех со своими опытными коллегами, гармонично влившись в уже сложившийся, слаженный ансамбль артистов режиссера Бориса Гафурова.

Февральский марафон «Ильхома» подтвердил художественное кредо театра, для которого главной, составляющей смыслообразующей деятельности являются Человек и все, что с ним связано.

¹ Предлагаю читателю сравнить конфликт «Террора» с фактом из недавнего прошлого – советский летчик, сбивший южнокорейский пассажирский боинг, вторгнувшийся в советское воздушное пространство и не реагирующий на предупредительные сигналы, не был обвинен и после приземления самолета спокойно вернулся домой.

Садиржон ЯКУБОВ

ПЕРЕВОДЫ УЗБЕКСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ГЕРМАНИИ

Литературные связи немецкого и узбекского народов восходят к глубокой древности. Знакомство немецкого народа с узбекской классикой началось еще в XVII веке. Произведение великого узбекского классика Алишера Навои «Семь планет» было напечатано в Базеле еще в 1583, 1599 годах, затем в Лейпциге в 1630 г.

В XIX веке в Германии опять наблюдается возрождение интереса к Средней Азии, ее литературе, ее прошлому и настоящему. В 1828 году немецкий переводчик и ориенталист Кайзер с английского текста Лейдена-Эрскина переводит «Бабур-наме», произведение знаменитого узбекского поэта и писателя Бабура. Эти переводческие работы крепили немецко-узбекские литературные связи, которые в начале XX века еще более углубились.

В начале XX века появляются переводы Брокельмана «Девони лугати турк» и Ф. Хоммеля «Диван». Новый этап в литературном сотрудничестве двух народов ознаменован переводом Альфреда Куреллы поэмы «Фархад и Ширин» Навои. Большим событием в литературной жизни немецкого народа 60-х годов явился выход в свет повести Абдуллы Каххара «Птичка-невеличка» в переводе Э. Броммер.

С выходом в свет романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» в переводе Н. Тун и его же романа «Скорпион из алтаря» в переводе Арно Шпехта начинается новая страница в развитии литературных отношений двух государств.

60-70-е годы – весьма важная страница взаимосвязей узбекской и немецкой литератур. В 1968 году в Ташкенте успешно прошла декада искусств ГДР, способствовавшая взаимообогащению этих литератур. Декада ГДР в Узбекистане стимулировала издание многих художественных произведений немецких и узбекских авторов, а также развитие литературоведения и критики, направленных на изучение литератур.

Известными немецкими литературоведами, занимающимися изучением творчества великого Навои, являются известный писатель, публицист, переводчик, общественный деятель Альфред Курелла и доктор Берлинского университета Дорис Шульц, чьи статьи, опубликованные, в частности, в «Лексиконе литератур народов мира», вносят существенный вклад в изучение творчества Навои. Дорис Шульц характеризует Алишера Навои как основателя узбекской литературы, что свидетельствует о глубоком понимании ученым значения творчества Навои для

Садиржон ЯКУБОВ. Родился в 1952 году, В 1975 году окончил факультет романо-германской филологии ТашГУ (ныне НУУз), кандидат филологических наук, литературовед, имеет 30 научных и научно-публицистических работ. Автор монографии «Адабий ва маданият алоқалари».

узбекской литературы на всех этапах ее развития.

Некоторые западноевропейские востоковеды, высоко оценивая политическую и научную деятельность Алишера Навои, его вклад в развитие культуры, формирование узбекского литературного языка в конечном счете считали его поэзию подражательной, лишенной оригинальности. По этому поводу А. Курелла пишет, что некоторые филологи, следуя за одним из персидских противников его языковых нововведений, объявили Навои, в действительности не исследовав его поэтический труд, эпигоном, подражателем и даже «переводчиком на тюркский персидских стихов своих предшественников, особенно Низами». Это не соответствует истине, так как многие исследования доказали, что Навои «настоящая фигура Ренессанса», видный государственный деятель, философ, поэт, музыкант, художник, архитектор в одном лице... Для книги А. Куреллы характерны заостренная полемичность суждений, многоаспектность анализа, глубокое проникновение в идеологическую и психологическую сферу эпохи. А. Курелла пишет: «Я переводил поэта Навои (XV век) со староузбекского языка, которого я совсем не знаю. По мнению компетентных людей, хорошо знающих оригинал, а также и немецкий язык, мне эта работа удалась».¹

В последнее время в литературоведении Германии заметно возрастает интерес к литературе и искусству независимого Узбекистана.

Большой вклад в развитие литературных контактов между двумя народами внесли работы литературоведов Германии, в их работах содержится интересный материал о творчестве узбекских писателей Бабура, Машраба, Мукими, Фурката, Завки, Хамзы. О творчестве Хамзы Дудек пишет: «Как борец-публицист и как композитор известен Хамза. Он оказал большое влияние на развитие литературы в Узбекистане». Высокую оценку деятельности Хамзы дает немецкий литературовед Г. Дудек, который указывает на основополагающее влияние Хамзы на весь путь развития узбекской литературы, в частности, драматургии.

Литературоведческая наука Германии продолжает разрабатывать теоретические проблемы взаимообогащения литератур и их взаимосвязи.

В узбекской литературе также наблюдается повышенный интерес к немецкой литературе в XX веке. Появляются переводы «Приключения ибн Камалая» В. Голландера и «Неожиданное счастье» Фройниела, выполненные Санжаром Сиддиком в 20-е годы XX века, что способствовало развитию литературных контактов двух народов.

В 30-е годы появляются переводы Шиллера («Разбойники» и «Коварство и любовь»), выполненные К. Яшеном и А. Мухтаром, конечно, способствующие художественному обогащению узбекской литературы.

В начале 90-х годов на узбекском языке издаются произведения видной немецкой писательницы А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» в переводе узбекских переводчиков В. Абдуллаева и Х. Рузиматова и рассказ «История одной любви», перевод которого осуществил на узбекский язык Г. Исмаилов.

После декады искусств ГДР в Узбекистане (1968) появляются переводы романа Г. Манна «Верноподданный» (переводчик М. Осим, 1970), Гете «Фауст» (переводчик Э. Вахидов, 1972-1975 гг.) и «Страдания юного Вертера» (переводчик Я. Эгамова, 1975). Накопленный в переводческом деле опыт позволил максимально приблизиться к оригиналу этих произведений. Если ранее переводы с немецкого в Узбекистане осуществлялись с языка-посредника, то «Страдания юного Вертера» переведены непосредственно с немецкого языка. В дальнейшем эта тенденция усиливается, качество перевода улучшается.

Развивающиеся, литературные связи служат стимулом для обогащения литератур и приобретают большую культурную и политическую значимость.

1 Сб. Мастерство перевода. М., Советский писатель, 1969.

ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ХУДОЖНИКА

Аслиддин КАЛАНОВ

Современный талантливый художник, академик Академии художеств Узбекистана Файзулла Ахмадалиев родился в 1950 году в селе Сайрам Чимкентской области. Окончил в 1984 году отделение станковой живописи Театрально-художественного института и аспирантуру.

После долгих нелегких исканий Файзулла Ахмадалиев нашел свою творческую дорогу, стал Художником с большой буквы. Его ранние реалистические картины выставлялись уже в середине 80-х годов прошлого века: «Портрет Фарруха» (1984), «Весна» (1985), «Дом для Адылхана» (1986).

*Две пери. Ф. Ахмадалиев.
Ташкент, 1990*

90-е годы XX века требовали у нового поколения художников Узбекистана новейших подходов и решений в изобразительном искусстве. В творчестве Ф. Ахмадалиева появились оригинальные авангардные картины темно-красно-коричневого колорита с пластически-грамотными композиционными решениями. К этому времени Ф. Ахмадалиев создал такие картины, как «Страница» (приобретена Дирекцией художественных выставок Узбекистана), «Волчица», «Две пери», «Мелодия», «Дервиши» (приобретены Государственным музеем искусств Узбекистана), чуть позже, в конце 90-х годов, художник

создает «Принц и принцесса», «Пробуждение», «Весна», «Женщины Востока», «Бибиханум и Шахрух» (все картины хранятся в коллекции галереи Национального банка Узбекистана). Его имя стало широко известно среди специалистов и поклонников искусства.

Картины «Принци принцесса», «Пробуждение», «Весна» и «Мелодия» близки по цвету, колориту и замыслу, они как бы связаны общим замыслом.

Аслиддин КАЛАНОВ. Родился в 1960 г. в Самарканде. Окончил Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Н. Островского отделение книжной графики. Участник республиканских и международных выставок.

На картине «Принц и принцесса» молодая пара при луне прогуливается на коне. Художник мастерски стилизует фигуры юноши и коня, выбирает композицию. Сложная палитра красок – свидетельство высокого уровня живописца. В картине «Пробуждение» композиция ритмична, художник грамотно решает стилизацию, картина полна динамики и ритма. Написана она в основном в трех цветах, тонально отличающихся, подчеркивающих локальность решения.

Наблюдая произведения Ф. Ахмадалиева, можно сделать вывод, что художник много читает, хорошо освоил восточную поэзию и мудрую философию Востока. Например, картина «Дервиши», в которой на серебристо-светлом фоне глиняной стены (дувала) ритмично, темными силуэтами изображены фигуры дервишей. По центру картины между стеной и силуэтами фигур – движущиеся фигуры дервишей, написанные широкими мазками белого цвета. Художник старается передать образы, мимику и психологию людей тепло-холодными красками, наложив слои мелких мазков на освещенные светом части лица, а теневую часть пишет тонким слоем лесировки. На этой картине, как и на других, специфическая особенность – манера стилизации фигур людей и растений. Темное пятно окна на стене и остальные детали орнаментов, нарисованных зигзагом, делают композицию синтетичной. Художник профессионально и оригинально исполнил свой замысел.

Архитектурные сооружения, например, в композициях «Дервиш с чашей», «Жизнь дервиша», не воспринимаются однозначно. В них особой символической функцией наделен охристый колорит: то это цвет стены – символ непознаваемых сущностей, то цвет подвижной субстанции, объединяющий сложное сочетание фигур, линий, цветов. Не сюжетные связи, а переходы, некие «зазоры» и намеки смыслов, живописные «пустоты» – сквозь них словно проникают мысли и чувства, которые переживает и отображает художник. Образы в этих картинах – словно знаки некоего духовного знания, уводящего к иррациональному, мистическому, особенно как в таинственной работе «Дервиш с чашей». В этих работах, на первый взгляд, далеких от реальности, представленный мир хрупок и неустойчив, словно наделен качествами современности – порой непонятной и хаотичной.

Ф. Ахмадалиев в своих произведениях, созданных в 2010 – 2019 годах особое внимание уделял разнообразным колоритам. Наблюдая картины, написанные в последние несколько лет, следует отметить, что в творчестве художника появились национальные элементы сюжана. Автор, вырезая куски разноцветных национальных тканей (атлас, адрас, бекасам), местами удачно прикрепил как аппликации на картинах. Эти элементы дополнили и обогатили произведение. Таков стилизованный подход художника в «Хивинском двореке», «Бухарцы», а также «Девушки

*Ходжикент. Ф. Ахмадалиев.
Ташкент, 2013*

из Хумсана», «Накшбандий», «Этот мир». Парадоксально, что, несмотря на пестроту этого яркого и такого узнаваемого декоративного традиционного мира в картинах Ф. Ахмадалиева нет никаких очевидностей. Некоторые серии картин написаны ярким колоритом красными и желтыми красками, в других картинах мы видим нежные переходы серебристого колорита. Ф. Ахмадалиев удачно и грамотно использует фактуру холста, местами не дописывает, исполняя мягкий переход сухой кистью к чистому холсту. На картинах из серии, посвященной старой Бухаре, изображая яркие и теплые солнечные лучи и плотные локальные тени, он добавляет документальные фотографии. Это оригинальное решение обогащает и дополняет законченность композиции.

«Фрагменты древней Бухары» – это «память», которая словно материализуется во фрагментах старых фотографий, включенных художником в композицию. Их конкретная изобразительная форма вносит новые и неожиданные акценты в восприятие. В произведениях художника образы словно погружены в «воспоминания» или «таинство предчувствия», поэтому смысл, аура полотен Ф. Ахмадалиева выходят далеко за пределы изображаемого. Эта духовная просветленность – самая привлекательная сторона искусства художника, хотя путь к ее достижению был результатом сложных профессиональных экспериментов. «С годами он начал не только писать красками, но и проявлять зернь холста картины, его текстуру, пигментов цвета, чтобы холст «дышал», нес новую смысловую нагрузку. Содержанием искусства могут стать некий трансцендентный смысл и присущая восточной ментальности метафизическая созерцательность, значимость которой в современной культурной ситуации возрастает, обретая вполне современное философское наполнение.¹

¹ Ахмедова Н. Файзулла Ахмадалиев. Изд. «ГАЛАРТ», Москва, 2016, стр.11.

ТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ «ВОСТОК И ЗАПАД»

Диляра ИСЛЯМОВА

Взаимодействие культур – закономерность, имеющая непосредственное отношение к важнейшим современным реалиям – политике, экономике, науке, художественному творчеству, музыке. Особенно очевидно это на Востоке со сложной совокупностью территорий, огромными регионами, разнообразными культурными традициями и своими закономерностями. Все это получает отражение в национальном менталитете, являющемся типом устройства сознания, мировосприятия, понимания, способом мировоззрения, обуславливающим «жизненные и практические установки людей, эмоциональные предпочтения.

Изучение творчества современных узбекских композиторов в ракурсе взаимодействия традиций Востока и Запада является одним из актуальных направлений музыковедческой науки. Антитеза Восток-Запад становится в наше время все более топологической условностью, поскольку происходит интерактивное взаимодействие восточных и западных культур и даже своеобразный синтез. Современное узбекское композиторское творчество опирается на национальную традицию и одновременно коррелирует с европейским музыкальным искусством и западным стилем мышления, благодаря чему обретает вид взаимодействия восточной и западной традиций. Показательно в этом смысле творчество молодого композитора Акмаля Сафарова, произведения которого поэтически возвышенны и обращены к сердцам слушателей. Следует особо отметить чуткое музыкальное прочтение поэтического текста в его вокальной музыке и национальную почвенность, богатство интонаций и ритмов в инструментальной музыке.

Обращаясь к новым темам и образам, Акмаль Сафаров находит их новаторское воплощение в музыкальном языке, прочными нитями связанном с лучшими традициями национальной культуры, обогащенной мировым музыкальным опытом. Сафаров принадлежит к художникам, беззаветно преданным Музыке, без примеси эгоизма, амбиций, перфекционизма. Он не стремится к популярности, не добивается признания. Для Сафарова само

Диляра ИСЛЯМОВА. Родилась в 1994 году в Чирчике. Окончила Государственную консерваторию Узбекистана по специальности «Фортепиано». Лауреат Международного конкурса, докторант кафедры истории музыки и критики ГКУз, автор научных статей, участник республиканских и международных конференций.

сочинение музыки – ценность. Поэтому его сочинения звучат свежо и эмоционально насыщено.

Творческий путь Сафарова устремлен к познанию смысла жизни и роли личности. Родился Акмаль Сафаров в 1993 г. в городе Китаб Кашкадарьинской области в семье музыкантов. Музыкальные интересы семьи сформировали мировоззрение композитора.

Уже во время учебы в музыкальной школе он участвовал в нескольких музыкальных конкурсах и был лауреатом: 2004 – 2005 гг. – «Мохир созанда» («Искусный музыкант»), 2006 – 2008 гг. – «Санъат гунчалари» («Молодые таланты»), в 2007 г. был участником фестиваля «Янги авлод» («Новое поколение»), где также в последующем был удостоен звания лауреата.

Первые композиторские опыты Сафарова – «Восточный танец», Прелюдия и Токката для фортепиано. Профессор Рустам Абдуллаев, большой музыкант и строгий педагог, высоко оценил достоинства представленных сочинений и рекомендовал Акмалю профессионально изучать композицию.

В 2011 году Сафаров становится студентом кафедры композиции и инструментовки Государственной консерватории Узбекистана. В годы учебы в консерватории им были написаны сочинения различных жанров, среди которых «Аксарай» для фортепиано в четыре руки, «Вальс» для струнного квартета, Пьеса для скрипки и фортепиано, Квартет №1 для двух скрипок, альты и виолончели, Пьеса для рубаба и фортепиано. Композитор искал и опробовал разнообразные средства выразительности, использовал современные композиционные техники письма. В 2015 году, окончив бакалавриат консерватории, он продолжил учебу в магистратуре.

В декабре 2015 года Сафаров принял участие в первом республиканском конкурсе молодых композиторов «Ижодимиз сенга, Ватан» и занял первое место в номинации «Произведение для симфонического оркестра, оркестра народных инструментов». В 2016 году он вновь оказался в числе победителей республиканского конкурса, но уже в номинации «Произведение для сольных инструментов, камерных ансамблей и оркестров». В 2018 году Акмаль Сафаров стал лауреатом международного конкурса молодых композиторов «Таланты XXI века» в Казахстане. В декабре 2019 года принял участие в республиканском конкурсе композиторов на лучшее произведение на основе макамов, организованном Министерством культуры и Союзом композиторов и бастакоров Узбекистана. В его пьесе для симфонического оркестра «Вакт» («Время») несколько макамов, таких как Ирок, Сегох, Наво, накладываются друг на друга на фоне быстрой ритмической пульсации. По словам Сафарова, «использование макамов и других народных мелодий в современном композиторском творчестве открывает перспективы развития этого искусства, обеспечивает укрепление международных отношений в культурно-просветительском плане»¹.

Богатство композиторского творчества во многом определяется разнообразием и широтой диапазона интертекстуальных маршрутов, которые

¹ Сафаров А. Особенности использования макамов в композиторском творчестве (на примере анализа отдельных частей авторской симфонии) // Музыкальное искусство XXI века: проблемы и решения. – Т., 2018, с. 115.

оно прокладывает.¹ Яркая одаренность и высокий уровень профессионального мастерства позволяют Акмалю Сафарову с равным успехом выступать в различных видах, формах и жанрах музыкального творчества. Сафаров в своих сочинениях мыслит многоаспектно – линейно, полифонически, использует оригинальные диссонантности, складывающиеся по вертикали в сложные звукокомплексы. Постигание смысла восточной и западной музыкальных традиций позволяет ему понять сущность современного интегративного музыкального этоса. В области инструментальной музыки композитор тяготеет к жанрово-картинной, изобразительной звукописи. Таковы его сочинения «Аксарай» для фортепиано в четыре руки, Вальс для струнного квартета, Пьеса для скрипки и фортепиано, «Движение» для камерного ансамбля, Трио для скрипки, виолончели и фортепиано, «Imitation» для медных духовых инструментов.

В произведениях для различных ансамблевых составов большое значение имеет опора на интонационно-ладовые особенности узбекской классической музыки. Сафаровым написана музыка к драматическому спектаклю «Кузги мактублар» («Осенние письма») Улмаса Умарбекова, премьера которого имела огромный успех. Работа над сочинением музыки к этому спектаклю оказалась хорошим стимулом для развития композиторского творчества и научного мышления.

Одну из интересных сфер творчества композитора представляет фортепианная музыка. Сафаров отлично владеет всеми ресурсами фортепиано. Соединение замечательного композитора и исполнителя способствовало рождению особого качества его игры – соединения напевности и образности. Именно эти черты определили характер и фактуру его фортепианных сочинений. В фортепианных произведениях, таких, как Вариации, Соната, «Алла», Две прелюдии, Этюд-картина, Токката, Сафаров создает содержательные образы философски углубленного лирико-драматического характера.

Фортепианный стиль Сафарова направлен на выявление типичных для его музыки соотношений лада, ритма, фортепианной фактуры. Для глубокого проникновения в стилиевые особенности, интонационный строй и специфику музыкального языка фортепианных сочинений Сафарова исполнителю целесообразно проводить параллели с произведениями для узбекских народных инструментов. Раскрытию авторского замысла способствует осознание свойственных стилю композитора жанровой конкретности, программности, линейной полифоничности инструментальной ткани. Все это отражено в построении, метроритмике, интонационной, ладо-гармонической сферах и влияет на фразировку, агогику, туше, педализацию, интонирование многоголосной фактуры.

Главное направление фортепианного творчества Сафарова связано с созданием оригинальной национальной почвенности музыки для этого инструмента. Таков, в частности, его первый композиторский опус «Восточная прелюдия» для фортепиано, задуманный как музыкальное приношение Фридерiku Шопену, а именно стилизации его фортепианной фактуры.

¹ Янов-Яновская Н. О многообразии интертекстуальных маршрутов в узбекской композиторской музыке на стыке столетий // Музыкальное искусство XXI века: проблемы и решения. – Т., 2018, с. 91.

Очертания восточного мелоса, восточного колорита, использование увеличенной секунды и многое другое в этой фортепианной миниатюре позволяют сделать вывод о взаимодействии в мышлении композитора традиций Востока и Запада. В Токкате Сафаров обратился к имитации узбекского народного музыкального инструмента дутар, что обусловило яркий национальный колорит звучания фортепиано.

Незабываемое впечатление производит фортепианная Соната в трех частях, написанная в 2013 году и посвященная Наталье Борисовне Гиенко. Изучение фортепианной Сонаты в творчестве узбекского композитора показывает, что в ней получили яркое преломление как глубинные национальные традиции, так и новые стилистические направления. Этот опус создан на основе узбекского мелоса и характеризуется яркой национальной самобытностью. Произведение интересно свободным сочетанием традиций классического сонатного цикла с особенностями узбекского инструментального наследия. В нем композитор в контексте взаимодействия Востока и Запада синтезирует европейскую форму с восточными интонациями и темами. Во всех частях Сонаты ощущается влияние фортепианного стиля Ференца Листа и Сергея Прокофьева: в богатстве полифонии, яркости контрастов, изобретательности фактурного письма, ритмической активности. Соната Сафарова – масштабное произведение, требующее от исполнителя профессионального мастерства и зрелости музыкальной мысли. Она развивает музыкальное мышление музыканта-исполнителя, позволяет освоить различные виды техники, осмыслить современный музыкальный язык. Продумывая логику музыкального развития в цикле, необходимо обратить внимание на интонационное и ладогармоническое единство произведения, на объединяющую все части произведения роль квартовой интонации и понижения ступеней лада, на типы фигураций в каждой из частей.

Акмаль САФАРОВ

В мае 2017 года в органном зале Государственной консерватории Узбекистана с большим успехом прошел авторский концерт Акмаля Сафарова. Молодой композитор в тот день представил слушателям свою фортепианную музыку. Пианисты сумели не только раскрыть себя на сцене, но и создать свой, индивидуальный, образ. В ходе творческого вечера прозвучали Вариации на народную тему «Хай, бола, бола» в исполнении автора.

В этом опусе композитор имитирует звучание арфы, достигающееся шипанием струн рояля и колоритным использованием педали. Таким образом, в цикле Вариаций создается иллюзия звучания дуэта рояля и арфы.

Классики и романтики работали с двумя десятками аккордов, может быть, чуть больше, но сколько разных стилей! И ограничений в их технике было ничуть не меньше, чем в серийной, а возможно, и больше. Индивидуальность

никогда не зависела и не будет зависеть ни от какой техники – только от таланта композитора, так же, как и актуальность, современность композитора. Акмаля Сафарова-композитора характеризуют цельность внутреннего мира, глубокая духовность, тонкое чувство меры и красоты, естественность во всем. Каждое его произведение емко по содержанию, имеет четкую образную форму, отличается национальным колоритом, он активно использует различные средства музыкальной выразительности, которыми высокопрофессионально владеет.

Устойчивый характер связей с традицией, свойственной узбекской фортепианной музыке, не повлиял на активность восприятия достижений культур иных национальных систем. Музыкальная традиция Востока в творчестве Сафарова выражена монодийным складом изложения, свободой ритма, импровизационностью как основой построения целостности, ориентацией на тембровую концепцию звука. Западную музыкальную традицию определяют строгая упорядоченность и определенность, замкнутость формы, регламентированный набор ритмов и метров, принцип тонального единства. Композитор прекрасно владеет оркестровым колоритом, оригинально претворяет сольное звучание различных инструментов, всегда находит своеобразные ансамблевые сочетания для раскрытия содержания своих сочинений. Он свободен не только в использовании инструментальных красок, но и средств вокального письма.

Акмаль Сафаров очень продуктивный композитор, он плодотворно занимается научной деятельностью, связанной с изучением взаимодействия традиций Востока и Запада в творчестве композиторов Узбекистана второй половины XX – начала XXI веков. Изучение этого вопроса позволяет композитору четко и целостно представлять картину музыкальной реальности, помогает воссозданию ее самобытности.

Стиль современной музыки – стиль эпохи (и, соответственно, стиль искусства) принято именовать постмодернизмом. Этот стиль впервые заявил о себе в музыке на рубеже 60-70-х годов XX века.¹ Музыка композитора обретает эстетическую ценность, когда она художественно убедительна и глубоко волнует слушателя. Именно в силу эмоционального воздействия, искренности творчества композитора и заключается достоинство его музыки, а его мышлению свойственно осознание ценности и равенства культур всех стран и континентов. Благодаря живучести традиций восточные страны смогли сохранить в своем интонационном фонде следы отдельных исторических этапов становления мировой музыкальной цивилизации.² Творческий стиль молодого композитора характеризуют новизна творческой мысли, инновационный подход к современной музыкальной композиции, богатый потенциал художественно-выразительных средств.

1 Сыров В. Типологические аспекты композиторского стиля // Стилевые искания в музыке 70-80-х годов XX века. – Ростов-на-Дону, 1994, с. 542.

2 Музыкальная трибуна Азии. – М., 1975, с. 127.

Азиза БАЛТАБАЕВА

НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР – ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП ПОВЕСТИ

Повесть «Окликни меня в лесу» выстроена в классических традициях русской повести. Мир представлен сквозь призму восприятия 7-8-летнего мальчика. Перволичная форма повествования позволяет высветить значимые аспекты идейного мира художественного произведения, более выпукло, обнаженно вскрыть проблематику и жанровую специфику. Сюжетный каркас произведения базируется на ситуациях нравственного выбора практически всех героев повести. В каждой части свое мироощущение, свои краски, свой слог. Мир семилетнего Магди огромен: дом, улица, друзья, семья, виноградник. Мальчик наблюдает и познает его «с высоты своего виноградника».

Художественная ткань произведения – это воспоминания, размышления, лирические отступления, при этом определяющим становится ассоциативный принцип сцепления отдельных эпизодов, подчеркивающий субъективность изложения, фрагментарность воспоминаний. Отдельным эпизодом в повести даются описание сверстников Магди, сложные взаимоотношения со сверстниками... При этом используется эмоционально-экспрессивная лексика: *«А со вторым, Кадыром, я дружил и подрался. Он назвал моего папу трусом и дезертиром и сказал, что папа боится идти на войну, в то время как его отец – герой: рубит саблей направо и налево головы немцев. Я начал ему объяснять по-хорошему, но он, дурак, все твердил одно. Тут я не выдержал и так огрел его, что у него под глазом загорелся фонарь. А он, как девчонка, поцарапал мне нос. Ну как после этого называть его другом, если он даже драться по-человечески не может?»* (Т. Пулатов. Окликни меня в лесу. – Ташкент: Изд-во худож. лит., 1969, с. 10. Далее будут указываться только страницы цитируемого источника). Эмоциональность рассказа Магди о Кадыре, восклицательные интонации, риторические вопросы характеризуют представление о мироощущении Магди.

Способность встать на защиту своих близких отличает героя от его сверстников. В решении защитить отца заключена главная черта характера Магди – чувство справедливости. Привязанность к семье говорит о любви, царившей в семье Магди, он сам окружен любовью близких и способен любить и защищать

Азиза БАЛТАБАЕВА. Родилась в Ташкенте. Окончила НУУз. С 2013 года работает преподавателем на факультете, в настоящее время является докторантом PhD кафедры «Мировая литература». Автор 40 научных статей в отечественных и международных журналах, в том числе в журнале «Звезда Востока».

свою семью. Другой эпизод демонстрирует, как юный герой в ответ на порицание поступка матери соседями во главе с Калантаром обливает черной краской ворота дома стариков Мекки и Медины, а также просит в письме к отцу прислать ему бомбу с войны, чтоб защитить мать.

Интересны и показательны воспоминания о дедушке в письме Магди к Марату. В повествовании о дедушке акцентируется внимание на запахах: *«Потом ко мне пришел дедушка, закрыл меня всего бородой и поцеловал. От него приятно пахло дынями, клевером и кислым молоком»* (с. 16). Дыня, клевер, кислое молоко для мальчика символы дома, мира, чего-то родного и хорошего. Именно с дедушкой мальчик делится своими страхами о возможной гибели отца на войне, только дедушка способен успокоить и поддержать испуганного внука. Через дедушку у Магди формируется ценностная концепция добра и зла, нормы и закона, правды и лжи. Для него дед – олицетворение счастливого детства, беззаботности, искренности и любви. *«В нем была мудрость и наивность нашего достопочтимого мумлы Насреддина»* (с. 21). С умилением вспоминает Магди проказы дедушки. Так, в священный час пятничной молитвы дедушка и внук изображают покупателей старых вещей: *«"Шара-бара! – дедушка хлопает в ладоши, – Старые вещи меняю на мыло, шара-бара!" Молитва прерывается, а проказники "удирают"(...) закрывают ворота на засов и хохочут»* (с. 21). Образ дедушки многогранен и в какой-то степени противоречив. Любимый дед Магди способен дурачиться вместе с внуком, но, с другой стороны, дед – твердый оплот семьи, ее опора, защита. Магди не всегда понятны поступки деда, для него он «загадочный».

Именно дед и разъясняет мальчику многое: истинное понимание религии, которое поможет ему впоследствии разобраться и в себе самом, и в близких, сделать правильный выбор, осознать суть лицемерия, честности, справедливости, смелости: *«Бог живет внутри каждого, – говорил старик, – о боге надо говорить тихо или вообще не говорить, носить его с собой, в своем теле, как дух»* (с. 21). Именно любимый дед научил мальчика главному – умению любить. Защищая свою дочь, дед демонстрирует силу любви, хотя отчасти не согласен с поступками Норы. Чувство любви становится тем цементирующим звеном, которое является залогом становления здоровой, самодостаточной личности.

Умение любить станет опорной точкой в цепи воспоминаний Магди о друге детства Марате, изложенных в письме. Не менее важным в становлении личности является умение дружить. Два потерянных в мире войны мальчика находят друг друга и вместе преодолевают все трудности взросления. Следует отметить значимость их имен: Марат в переводе означает «желанный»; Магди – «посланный Аллахом, принесенный в дар». Но по воле судьбы Марат становится «нежеланным гостем» в каждом доме кишлака, так как разносит похоронки, потому, видно, и получает в дар от Бога верного друга Магди, который в своем одиночестве в мире взрослых всегда мечтал иметь хорошего друга. Решение Магди о дружбе с главным «врагом» – курьером «черных бумажек» – свидетельствует о широте души и сострадании маленького мальчика.

Воспоминания Магди представлены в разной временной системе координат. Такой прием позволяет запечатлеть не только чувства и переживания главного героя, но и выстроить причинно-следственную связь дружеской привязанности. Дружба становится той опорой, которая помогает Магди преодолеть страхи, терзающие его с детства и на протяжении всей жизни. Магди-ребенок боится смерти близких на войне – дяди Фархада, отца. Другим страхом

становится страх перед неизвестностью – непонятными отношениями между матерью героя и раненым солдатом, страх перед разрушением незыблемого – семьи. Эти страхи и есть травматический опыт Магди, который помогает герою пережить друг детства Марат.

Именно Марат помог ему осознать взаимоотношения мамы и дяди Эркина, объяснив мальчику чувства взрослых.

Письма к Марату – важная составляющая в понимании личности главного героя. Разговор с другом помогает герою понять себя, принять прошлое, смириться с детскими обидами и страхами. Прием «безответного письма» позволяет всесторонне раскрыть характер героя, его мироощущение и рефлексии. Кроме того, прием письма выполняет еще несколько функций: вставной элемент, организующий композицию сюжета в повести; форма выражения психологизма в произведении.

Посредством письма в повести достигается разграничение «Я» повествователя на две составляющие: субъект речи, т. е. рассказчик, отделенный от события временем, и объект – участник этого события, то есть объект самоописания и самоизображения. В письме к Марату образ Магди предстает в двух ипостасях: маленький мальчик в ситуации нравственного выбора и повзрослевший Магди, повествующий о своем травматическом детском опыте.

В письмах к Марату Магди выступает как субъект повествования, описывая различные ситуации, оценивая их, сожалея о своих поступках в прошлом, как бы заново проживая свое детство. Прием письма позволяет автору не просто изобразить прошлое, но показать поворот от непосредственного изображения событий к их «вторичному» переживанию с этической позиции.

В повести есть несколько эпизодов, где герой рассказывает о лицемерии и ограниченности людей, прикрывающихся маской благочестия и набожности. Таков обряд поминания умершего: *«...и хоть бы одну слезинку выдавили из своих беззастенчивых глаз ради приличия! Нет, они просто режут час, два, целый день и следующий день, как марионетки, которых кто-то сзади тянет за резинку. А в перерывах жрут плов, аккуратно, со вкусом, облизывая жир с пальцев. И снова режут, поглядывая одним глазом на дверь, чтобы не прозевать очередное блюдо»* (с. 15). Описание обряда создается средствами сниженной лексики: *«"жрут"... облизывая жир с пальцев»*, как бы предвеляя последующее отношение лицемерных соседей к матери мальчика.

Кульминационным в характеристике Магди становится эпизод, в котором герой и его друг разносят «черные бумажки» – письма о смерти людей на войне. Это важный шаг не только в процессе взросления, но и их личностного становления. Герои стоят перед сложным выбором: облегчить страдания матери, совершив обман, или рассказать правду, отняв надежду матери на возвращение сына из «лесов». Автор использует психологический прием «проживания предстоящей ситуации»: *«Я пошел. Сжимая в руке черную бумажку дяди Хакима, сильного, большого дяди Хакима, который ушел и вернулся домой, став черной, злой бумажкой. И Лейла-опа будет плакать и рыдать, ей будет очень, очень плохо, и она будет звать сына, дядю Хакима, просить, чтобы он вернулся – оттуда, из лесов, и будет думать, что это она, мать, так обидела своего сына, что он ушел от нее навсегда»* (с. 43). Марат и Магди пытаются как-то облегчить боль утраты, придумывают заменить письма о смерти ненастоящими письмами от якобы живых родственников с войны, они как бы берут на себя вину за смерть близких, именно это чувство вины не дает покоя уже взрослому Магди. Маленький

герой не знает, поступает ли он правильно, но он не в силах отнять надежду у матери, ждущей сына с войны. Мальчики идут на обман – преступление с юридической точки зрения, но с человеческой позиции – это ложь во спасение. Чтобы как-то восстановить равновесие добра и зла, герои делают свой нелегкий нравственный выбор и дарят надежду матерям,

То, что ребенок не может помочь матери, травмирует мальчика. Ответы на вопросы, мучившие Магди, через много лет находит он в письмах матери к отцу на фронт.

Форма письма к другу детства позволяет Магди исследовать свой детский опыт, понять и принять душевные терзания матери. Отношение Магди к дяде Эркину меняется: подсознательно этот мужчина заменяет ему умершего дядю и отца. Эпизоды о дяде Фархаде или отце мальчика представлены в виде ретроспективных воспоминаний, появляющихся в его сознании под воздействием определенных деталей – фотокарточки, виноградника, записи голоса отца на пластинке. Эти детали превращаются в композиционную опорную точку, связывающую прошлое, когда живые отец и дядя Фархад были дома, с настоящим, в котором дядя Фархад умер, а отец на войне.

Другим приемом, искусно используемым автором для раскрытия душевных тревог маленького Магди, становится прием сновидения, как одна из форм выражения психологизма. Сон, как часть жизни персонажа, обнаруживает параллели с реальной действительностью и в сознании героя, и в сознании читателей, творя «своеобразную мифологическую историю, в которой правда пересекается с вымыслом». Прием сна, выполняя в произведении прогнозирующую и комментирующую функции, помогает автору организовать сцепление (скрепы) повествования.

В повести Т. Пулатова «Окликни меня в лесу» три сна маленького мальчика Магди. Первый сон герой видит перед уходом отца на фронт. Он сюрреалистичен, прогнозирует трагедию: *«видел все время черных птиц, непонятные тени, зигзаги красных и синих пятен и светлые горящие точки между ними»* (с. 17). Сцепленные между собой образы – черные птицы на деревьях, непонятные тени, светлые горящие точки, зигзаги красных и синих пятен – олицетворяют смерть, горе, зло. Зигзаги красных и синих пятен – многоуровневый образ, состоящий из трех элементов: зигзаги, красные пятна, синие пятна. Зигзаг психологически символизируют неожиданность. Повестка на фронт оказывается неожиданным ударом для ребенка. Красные пятна усиливают трагичность образа черных птиц на деревьях – смерти, крови, огня, зла. Синие пятна символизируют оберег от демонических сил, т. е. у мальчика подсознательно присутствует надежда на благополучное возвращение отца с войны. Соединение этих образов создает целостную картину психологического состояния мальчика.

Таким образом, первый сон Магди – о черных птицах – это ответ сознания мальчика на страх.

Второй сон связан с образом отца, который совсем недавно ушел на фронт и прислал первое письмо. С мыслями об отце мальчик засыпает и видит его во сне.

В этом сне можно выделить два уровня: образ молчаливого отца и крик ребенка. Первый символизирует приближающуюся беду или перемены. Впоследствии в повести появляется раненый солдат – дядя Эркин – разрушитель семьи мальчика. Таким образом, прием сна предваряет дальнейшую сюжетную линию.

Второй уровень – это крик ребенка. В психологии крик во сне означает психотравмирующее событие, т. е. стрессовое расстройство. Смерть дяди Фархада и уход отца на фронт рождают страх перед смертью на войне.

Третий сон Магди дается в повествовании после первой прогулки мальчика с дядей Эркином. Мальчик и раненый солдат встречаются старуху Медину, которая обвиняет Эркина в прелюбодеянии с Норой, матерью мальчика. Восприимчивый к чужим эмоциям, мальчик, словно губка, впитывает в себя весь негатив, исходящий от соседей. Этот негатив перевоплощается в аллегорический образ бабы-яги, выступающей в двух ипостасях – то бабки Медины, то старухи Шарофат. Баба-яга традиционно символизирует зло, смерть, проклятия. Старухи Медина и Шарофат порицают маму, но подсознание мальчика во сне преодолевает негатив, вырываясь из его пут. Так, третий сон выполняет комментирующую функцию в повести, объясняя психологическое состояние маленького героя, не сумевшего, да и не умеющего в силу возраста противостоять неправде и несправедливости.

Авторский прием сна позволяет полнее отобразить внутренний мир героя и вскрыть сущность его нравственного выбора.

Важным элементом повести является концепт «темный лес». Магди осознает себя в двух пространствах – «родном» и «чужом». К родному относятся дом, семья, друзья. «Темный лес» – это чужое, враждебное пространство.

Герой повести «Окликни меня в лесу» Магди неоднократно сравнивает войну с «темным лесом». Война в восприятии ребенка – это что-то далекое, враждебное привычному миру, дому: *«Война для меня темный лес. Везде только и слышишь “война, война”, но никто не может толком объяснить, что это такое»* (с. 10). Первое упоминание Магди о войне находится в одном ряду с концептом «темный лес» (нечто непонятное, необъяснимое для сознания 7-летнего мальчика). Далее этот концепт расширяется и обретает дополнительный смысл – «смерть». В разговоре с отцом об отправке на войну Магди упоминает лес. Таким образом, концепт «темный лес», помимо основного смысла – *«нечто непонятное и чуждое»*, обретает новый смысл – *«смерть»*.

Концепт «темный лес» далее расширяется в сказке, рассказанной дядей Эркином маленькому Магди. Дядя Эркин модифицирует сюжет легенды о Данко, добавляя в него военный подтекст и заменяя образ Данко командиром Данко, который, чтобы вывести войско из темного леса, вырывает свое сердце из груди и, освещая им путь, ведет отряд по уже светлому лесу. Концепт «темный лес» расширяется, т. е. лес не всегда темный, усилиями смелых он может стать светлым. Это новая сказка дядюшки Эркина – еще одно объяснение поступкам мальчишек в отношении «черных бумажек».

Последним эпизодом, в котором расширяется концепт «темный лес» становится рассказ о лжеписьмах умерших родственников. Мальчики писали такие письма по очереди. В одном из них Магди практически пересказывает сказку о горящем сердце командира Анвара, своего отца. Таким образом, «темный лес» постепенно становится собирательным образом войны.

Размышляя о проблеме нравственного выбора героя как о жанрообразующем признаке произведения, следует отметить, что данная проблема реализуется на нескольких уровнях. Во-первых, это нравственный выбор в эпизоде с «черными бумажками». Магди с другом детства Маратом совершают «неправильный» поступок, заменяя похоронку письмом от якобы живого сына, но именно в этой лжи во спасение Магди выбирает «истинную» ценность, защищая

соседей от страшных известий.

Во-вторых, в конфликтной ситуации между матерью и соседями героиня встает на защиту матери, семьи, хотя и не совсем понимает ее чувства к раненому солдату. Нравственный выбор героини – путь любви и защиты матери – позволяет автору повести провести четкую грань между истинными и ложными ценностями.

В ситуацию нравственного выбора поставлена и мать Магди, «веселая женщина» с символическим именем Нора. В переводе имя героини означает «честь, почитаемая, свет». Для ребенка мать олицетворяет свет. Сначала война отняла у нее брата, затем на войну уходит супруг, отец Магди. Из веселой цветущей женщины она превращается в серьезную, неулыбчивую докторшу. Нарастающий конфликт вокруг ее поступка – решения ухаживать за умирающим в своем доме – подвергает ее испытанию. Соседи считают ее изменщицей, хотя она честная, достойная женщина, поставившая долг врача выше предрассудков общества.

Взаимоотношения Норы и Эркина – отношения врача и пациента. Маленькие победы на пути к выздоровлению раненого становятся огромными победами врача Норы над своими страхами. В письмах отцу Магди рассказывает о переменах в матери: *«Я совсем не знал, что мама моя может быть такой выносливой и самостоятельной, не подозревал, что она такая сильная без тебя, отец»* (с. 45). Магди восхищается матерью, она становится для него образцом для подражания.

По мере нарастания внешнего конфликта между Норой и улицей героиня становится все сильнее и увереннее: из веселой, беззаботной хохотушки превращается в серьезного и волевого врача.

«Взрослея», Нора становится молчаливой, замкнутой, задумчивой, пытается бороться с чувствами к Эркину: *«Целый день мама была грустной. Все падало у нее из рук: упало ведро, разбилась ампула с лекарствами. Потом она заперлась в своей комнате и не выходила ни ко мне, ни к дяде Эркину. Тогда я очень многого не понимал, не понимал, что она мучилась и не знала, что поделаться с собой, со своими чувствами»* (с. 58).

В повести Т. Пулатова «Окликни меня в лесу» два типа конфликта – внутренний и внешний. Внутренний локализуется в душе (Норы, Магди, Анвара и Эркина). Внешний реализуется через противостояние Норы и лицемерных соседей. Бытовая ситуация в военные годы – лечение тяжелораненого солдата в доме врача – оборачивается болезненным опытом для маленького Магди, матери Норы и отца Анвара. Завязка обоих конфликтов – появление дяди Эркина в доме Норы.

Кульминацией внутреннего конфликта Норы становится эпизод ухода Эркина из их дома. Через детали – разбивание пластинки с голосом отца, поиск письма от дяди Эркина – автор изображает трансформацию ракурса отношений врач/пациент в плоскость мужчина/женщина. Символическое разбивание пластинки с голосом отца свидетельствует об изгнании образа мужа в сознании героини, а поиск письма – о принятии чувства любви к Эркину. Приезд мужа всколыхнул в душе Норы внутренний конфликт. Героиня терзается сомнениями, боясь потерять сына.

Долг жены и матери заставил героиню сделать правильный нравственный выбор – сохранить семью. Долгие ее переживания в повести сопровождались сменой настроения: осознав свою любовь к Эркину, Нора замкнулась, стала

избегать сына и раненого солдата. Внешние обстоятельства, противостояние с соседями морально истошили женщину. Борьба с соседями, борьба с чувствами к Эркину, борьба со смертью за жизнь пациента, с одной стороны, делали Нору сильнее, с другой стороны, полностью трансформировали ее образ. После приезда мужа героиня пыталась все восстановить: вместе накрыть стол, есть дыню, вместе мыть посуду. Однако неожиданный поступок мужа (долгая прогулка с сыном) заставил ее сделать окончательный выбор – сохранить семью, мужа, сына, сохранить любовь в семье, которую так рьяно защищали ее отец, муж и даже сын. Героиня духовно повзрослела: во имя семьи пожертвовала своим чувством, с благодарностью приняв поддержку мужа, сумевшего принять новые обстоятельства.

Героиня, поставленная перед нравственным выбором, выбирает семейные ценности – любовь к мужу, любовь к сыну. Именно ее любовь к раненому и впоследствии умершему солдату позволила героине осознать ценность и хрупкость человеческой жизни – жизни сына, мужа. По замыслу автора Нора выбрала «истинную» ценность, поэтому ее семья пережила все ужасы и невзгоды военного времени.

Новый этап развития внешнего конфликта начинается с приездом на 20 дней отца Магди с фронта. Автор несколькими штрихами изобразил Анвара, спокойного, терпеливого и понимающего мужа. Защита чести жены и абсолютное доверие к ней – поступки, вполне соответствующие образу любящего мужа, поддерживающего свою жену. Однако разговор-исповедь с тестем раскрывает Анвара с неожиданной стороны: *«А потом вдруг оказалось, что есть человек, для которого она не игрушка, не развлечение, а сама жизнь. Да, жизнь. Она стала необходимой, и то, что она прятала от нас, прорвалось наружу. И теперь Нора – это совсем другой человек, сильный и смелый человек. Понимаешь, отец, мне кажется, что она любит Эркина за то, что нужна ему. Ну, понимаешь, ей дорог человек, который помог ей стать другой»* (с. 93). В этом разговоре-исповеди впервые образ Анвара репрезентируется как рефлексирующий. Анвар понимает всю сложность внутренних переживаний жены, принимает ее любовь к солдату, так как чувствует вину за то, что не смог помочь личностной реализации жены. Анвару присущи такие качества, как терпимость, способность понимать других людей, они проявляются и в работе, и в семейных отношениях. Анвар понимает, насколько изменилась и повзрослела душой Нора благодаря вспыхнувшему чувству любви к Эркину. Герой любит свою жену, дорожит ею, но осознает, что для него она не стала «жизнью», как для этого раненого солдата. Анвар делает выбор в пользу любви и прощения так же, как и его жена, сохранив тем самым семью.

Развязкой внешнего конфликта и внутренней борьбы в душе Норы, Анвара и Магди становится смерть Эркина. Автор не случайно выбирает такой финал, окончательно разрешающий сложный конфликт. Переплетение внутренних переживаний Норы, Анвара, Магди и Эркина с внешним конфликтом, с обществом, актуализирует признак нравственного выбора героев повести в качестве жанрообразующего.